

заковъ, былъ подъ командою генераль-маіора Сутгофа, а въ первой линіи, подъ начальствомъ генераль-маіора Эссена, были остальные Лейбъ-казаки съ штабсъ-ротмистромъ Гуровымъ во главѣ. Въ обходъ правѣе главной колонны былъ отряженъ полковникъ Баклановскій.

Второе отдѣленіе въ 8.300 человекъ смѣшанныхъ войскъ, подъ начальствомъ англійскаго генераль-лейтенанта Дендаса, должно было овладѣть деревнею Схорльдамъ, послѣ чего надлежало перейти Алькмарскій каналъ и содѣйствовать войскамъ Германа въ атакѣ Бергена.

Третье отдѣленіе, подъ командою англійскаго генераль-лейтенанта Потнея, силою въ 5.000 англичанъ, было назначено для атаки праваго непріятельскаго фланга, состоявшаго изъ голландскихъ войскъ.

Четвертое отдѣленіе, силою 10.000 человекъ англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Аберкромби, должно было, выступивъ еще съ вечера 7-го числа, обойдя правый флангъ непріятельской арміи, выйти ей въ тылъ на Пурмеренгъ, Меникедамъ и возможно дальше, чтобы угрожать самому Амстердаму.

Отсюда видно, что, не считая обходной колонны, собственно для атаки 22.000-ой республиканской арміи оставалось 23.000 человекъ. Положеніе противника получало преимущества еще благодаря сильной позиціи, прикрытой укрѣпленіями; узкія плотины, по которымъ только и можно было наступать, были все подъ обстрѣломъ батарей и перекопаны рвами, на каналахъ оставлены въ цѣлости только мосты, нужные для самого обороняющагося.

День 7-го Сентября прошелъ въ приготовленіяхъ, въ каждую колонну для авангарда было назначено нѣсколько егерей, понтонеровъ и артиллерійскихъ орудій.

Въ вечернемъ приказѣ было объявлено, чтобы намокнувшіе плащи оставить на батареяхъ, а солдатамъ розданы во фляжкѣ по двѣ порціи рому съ подтвержденіемъ, чтобы каждый выпилъ передъ боемъ только по одной порціи, а другую оставилъ до окончанія побѣды. Сухари были выданы на двое сутокъ. Съ вечера погода начала было проясняться. Войска не ложились спать, ожидая разсвѣта для начала атаки; послѣ 12 часовъ было приказано войскамъ начать сосредоточеніе. Тѣмъ временемъ надвинулись тучи, началъ накрапывать опять дождь и сдѣлалось такъ темно, что за нѣсколько шаговъ нельзя было различить человека.

По невыясненному до сихъ поръ недоразумѣнію, войска Германа (русскія колонны) около 4-хъ часовъ утра, еще въ ночной темнотѣ, часа за 2 до восхода солнца, вдругъ двинулись впередъ. Колонна Баклановскаго вдоль плотины Зандъ-дейкъ къ деревнѣ Кампъ, а авангардъ Сутгофа, колонны Жеребцова по плотинѣ Слоперъ-дейкъ къ деревнѣ Грутъ. Передовые егеря разсыпались по сторонамъ плотинъ на низменныхъ и топкихъ лугахъ, раздалась ружейная перестрѣлка и русскіе стремительно бросились впередъ на непріятельскія батареи. Ошеломленные внезапностью, французы едва успѣли пустить нѣсколько ядеръ вдоль плотинъ, какъ головы нашихъ колоннъ уже опустились во рвы и съ громкимъ «ура» ворвались въ укрѣпленія. Французы, защитники деревень Грутъ и Кампъ, почти безъ сопроти-

вленія отступили вправо по дорогѣ на Схорльдамъ, разсѣявшись по окрестнымъ садамъ и песчанымъ холмамъ. Потери русскихъ были самая незначительныя. Ворвавшись въ деревню Грутъ въ темнотѣ, части перепутались, начальники не могли разыскать свои команды, мѣстность была незнакомая, проводниковъ не было и баталіоны, выходя постепенно съ плотины, слились въ одну нестройную толпу. Въ общей суматохѣ не было слышно ни командъ, ни сигналовъ, но всѣ продолжали стремиться впередъ.

Часть колоннъ двинулась прямо на песчаные холмы дюнь, а другая—по дорогѣ на Схорль и Бергенъ. Неудержимой лавиной бросились войска на Схорль, выбили непріятеля и оттуда и продолжали двигаться на Бергенъ. Нѣкоторыя части совершенно разбредлись по дюнамъ; беспорядокъ усиливался. Уже свѣтало; блѣдные лучи осенняго солнца едва проникали сквозь мрачныя тучи, все было затянуто дымкой тумана, мелкій дождь съ сырмъ вѣтромъ пронизывали насквозь, тѣмъ болѣе, что войска были безъ плащей. Начинала сказываться и бессонная ночь, энергія уменьшилась... и вдругъ русскія войска, устремившіяся на Бергенъ, увидѣли передъ собою

Сраженіе при Бергенѣ 8-го Сентября 1799 г.

стройныя линіи преграждавшихъ имъ путь французовъ. Оказалось, что французы скоро оправались отъ первоначальной своей растерянности; передовыя ихъ части успѣли отступить и устроиться на позиціи впереди Бергена, а другая часть на дорогѣ изъ Грута въ Схорльдамъ. Наши неожиданно были встрѣчены огнемъ съ фронта и съ фланга, съ песчаныхъ высотъ, изъ-за плотинъ, изъ-за оградъ и садовъ окружающихъ Бергенъ — отовсюду былъ открытъ губительный огонь. Мостики на каналахъ были сняты, а поэтому мы не могли сойти съ дороги, не могли выставить ни одной пушки противъ многочисленныхъ французскихъ батарей. Къ довершенію бѣды, у понтонеровъ не оказалось матеріаловъ; войска наши начали нести большія потери, но русскіе все таки ринулись въ штыки напроломъ и ворвались въ Бергенъ, занявъ окрестныя сады и роци. Все это было до 8-ми часовъ утра. Англійскія колонны и даже бригада, назначенная въ резервъ генералу Герману, двигались страшно медленно, такъ что отдѣленіе Дендаса, выступившее въ 5 часовъ утра, въ 7-момъ часу утра овладѣло деревнею Варменгейзенъ и затѣмъ двинулось на Схорльдамъ. Въ противоположность русскимъ, англичане наступали чрезвычайно осторожно, дождались разсвѣта, имѣли колонновожатыхъ, знавшихъ

мѣстность, устраивали мосты на каналахъ и расчищали дорогу для артиллеріи. Къ тому же англичане имѣли дѣло съ голландскими войсками, бывшими значительно неустойчивѣе французскихъ, противъ которыхъ пришлось драться намъ. И вотъ, когда успѣхи Германа уже давно остановились въ Бергенѣ, войска Дендаса только подходили къ Схорльдаму въ 9-мъ часу утра. Подъ начальствомъ Дюмонсо голландскія и французскія войска, послѣ упорнаго сопротивленія, очистили Схорльдамъ, атакованный англо-русскими войсками, и отступили къ деревнѣ Кудейкъ. Послѣ этого прошелъ еще цѣлый часъ на возстановленіе моста черезъ Алькмарскій каналъ и только въ одиннадцатомъ часу герцогъ Юрскій съ войсками Дендаса двинулся къ Бергену на помощь Герману. Было поздно: русскіе, такъ стремительно взявшіе Бергенъ, уже не въ силахъ были держаться противъ подавляющихъ численностью французовъ. Русскіе, столпившись въ улицахъ и на площади въ Бергенѣ, не могли никуда выдвинуться изъ города, ибо французы заняли всѣ его выходы и поставили на окружающихъ высотахъ батареи. Несмотря на всѣ усилія Германа какъ-нибудь устроить войска, это ему не удалось. Тѣмъ временемъ французскій главнокомандующій генераль Брюнь подвелъ резервы и принялъ общее командование надъ сосредоточившимися у Альмара войсками. Видя противъ себя только однихъ русскихъ, Брюнь самъ рѣшилъ перейти въ наступленіе. Французы наступали рѣшительно тремя колоннами, охватывая городъ съ обѣихъ сторонъ; ихъ батареи, подѣхавъ на ближайшій выстрѣлъ, открыли огонь вдоль улицъ и производили страшныя опустошенія въ рядахъ русскихъ. Генераль Жеребцовъ пытался повести свои баталіоны въ штыки, но былъ пораженъ картечью на-смерть, генераль Сутгофъ, полковникъ Штрихъ ранены, полковникъ Дубянскій контужень. Четыре орудія, выставленныя влѣво отъ города, всѣ были подбиты. Русская пѣхота еще держалась въ садахъ. Германъ, обнаруживъ обходъ французовъ съ лѣвой стороны, самъ повелъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты на помощь бывшимъ тамъ нашимъ стрѣлкамъ и засталъ ихъ поспѣшно и въ безпорядкѣ отступавшими, такъ какъ они уже разстрѣляли патроны, а на нихъ изъ-за песчаныхъ бугровъ шли въ атаку непріятельскіе драгуны. Прежде чѣмъ пѣхота наша успѣла свернуться въ каре, французскіе драгуны обскакали ихъ въ тылъ, а пѣхота французская прорвала фронтъ. Въ общемъ смятеніи все перемѣшалось и генераль Германъ, и нѣсколько офицеровъ взяты въ плѣнъ. Въ это самое время другая французская колонна подъ начальствомъ генерала Вандама ворвалась въ самый Вергенъ. Оставшись старшимъ, генераль Эссенъ принялъ начальство, но всѣ его старанія водворить порядокъ были тщетны; упавшіе духомъ войска нестройною толпой стали отступать; въ довершеніе всего подъ Эсеномъ ядромъ убита лошадь. Хотя поручикъ Лейбъ-казачьяго полка Давыдовъ поспѣшилъ отдать генералу своего коня, но Эссенъ ничего уже не могъ сдѣлать, и войска наши, отхлынувъ отъ Бергена, стѣснились опять на большой дорогѣ черезъ Схорль и Грутъ. Въ этотъ моментъ замѣшканная часть русской пѣхоты вмѣстѣ съ знаменемъ была окружена французами, всѣ защитники знамени изранены или перебиты и знамя уже въ рукахъ французовъ. Лейбъ-казаки, бывшіе

Поддигъ поручика Давыдова въ сраженіи при Бергенѣ 8-го Сентября 1799 г.

при Эссенѣ, увидѣли это,—смѣло бросилась горсть Лейбъ-казаковъ съ поручикомъ Давыдовымъ назадъ къ Бергену, въ самую гущу французовъ, проложивъ себѣ дорогу къ знамени пиками, поручикъ Давыдовъ собственноручно выхватилъ знамя и представилъ его генералу Эссену, пробившись обратно съ Лейбъ-казаками. Ошеломленные этой дерзостью французы даже не сразу открыли вслѣдъ огонь ¹⁾. Къ

Лейбъ-уралець эпохи Павла I.

счастью, враги не могли дальше насъ преслѣдовать, стѣсненные мѣстностью, а потому провозжали русскихъ только одними артиллерійскими выстрѣлами.

Только къ этому времени герцогъ Юрксій началъ подходить къ мѣсту боя, и узнавъ о пораженіи Германа, выслалъ одну бригаду къ Схорлю, чтобы прикрыть отступленіе русскихъ. Бригада эта, оттѣсненная французами, тоже отступила къ

¹⁾ Записки бывшаго командира полка генерала Николаева.

Груту. Войска отдѣленія Дендаса также должны были очистить Схорльдамъ и отошли къ Крабендаму. Остальныя колонны англійскихъ войскъ, хотя и имѣли частичныя успѣхи и даже захватили въ плѣнъ часть голландскихъ войскъ съ 14-ю орудіями, но вслѣдствіе вышеописанныхъ неудачъ, по приказанію герцога Йоркскаго, отступили и, такимъ образомъ, къ вечеру оба противника расположились на своихъ прежнихъ позиціяхъ.

Потери обѣихъ сторонъ были весьма значительны: въ республиканскихъ до 3.000 человекъ, въ союзныхъ войскахъ до 4.000, изъ коихъ на долю русскихъ было 1.800 убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ и 1.275 раненыхъ; кромѣ того, мы потеряли 12 орудій, 2 знамени и 3 пушки. Потери Лейбъ-казаковъ были: одинъ казакъ убитый и нѣсколько легко раненыхъ.

Здѣсь оказался вредъ пестроты русскихъ формъ,—такъ какъ мундиры отличались самыми разнообразными цвѣтами обшлаговъ и лацкановъ, а части войскъ, прибывъ въ Голландію на разныхъ корабляхъ, почти не видѣли другъ друга до самаго сраженія, то случалось, что въ сумятицѣ боя принимали другъ друга за непріятельскія войска и завязывали между собою перестрѣлку, что, конечно, еще больше усиливало потери.

Между англичанами и русскими начались взаимныя упреки, каждый считалъ другого виновникомъ пораженія, хотя, и при всемъ томъ, англичане отдали должное храбрости и неустрашимости русскихъ, и самъ герцогъ Йоркскій писалъ Императору Павлу, «что я вполнѣ доволенъ отличною храбростью и рвеніемъ Россійскихъ войскъ и сожалѣю искренно о томъ, что дѣло, котораго начало было столь блистательно и обѣщало успѣхи самыя рѣшительныя, имѣло окончаніе несчастное единственно отъ излишней храбрости и рвенія войскъ» ¹⁾).

¹⁾ «Исторія войны 1799 г.» Милютинъ.

Офицеръ Лейбъ-эскадрона и казакъ 2-го эскадрона Лейбъ-казачьяго полка
въ зимней формѣ 1796—1801 гг.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Второе сраженіе при Бергенѣ 21-го Сентября.—Сраженіе при Бакумѣ 25-го Сентября.—Отличіе Лейбъ-казаковъ съ штабсъ-ротмистромъ Гуровымъ.—Дѣло при Кастрикумѣ.—Атака Лейбъ-казаковъ противъ голландскихъ гусарь.—Подвигъ Лейбъ-казаковъ и Уральцевъ.—Результаты и кампаніи.—Конѣцъ экспедиціи, дѣло у Алькмара.—Конвенція.—Возвращеніе войскъ и зимовка въ Англии.—Перевозка войскъ въ Россію.

Неудачное Бергенское сраженіе ослабило надежды на успѣхъ союзниковъ, ибо, и до того не особенно отвѣчавшіе на призывы союзниковъ, приверженцы дома Оранскаго окончательно замолкли, а республиканская партія сторонниковъ Франціи усилила свое значеніе. Понесенныя потери сильно уменьшили численный составъ союзныхъ войскъ. Въ то же время генераль Брюнъ принялъ дѣятельныя мѣры для своего усиленія, — имъ были построены новыя укрѣпленія, а низменныя равнины между каналами и плотинами затоплены; такъ что весь путь наступленія къ Амстердаму состоялъ изъ ряда дефиле; къ тому же потери республиканцевъ были пополнены прибывшимъ подкрѣпленіемъ. Несмотря на все это, духъ союзниковъ не упалъ, и герцогъ Йоркскій, не теряя времени, рѣшилъ снова произвести атаку, которая была назначена на 21-е число. Жестокій урокъ, полученный 8-го Сентября, послужилъ на пользу, — были приняты всѣ возможныя мѣры для избѣжанія подоб-

ныхъ несчастныхъ случайностей. Были устроены новыя батареи для афилированія плотинъ, чтобы облегчить наступленіе; англійскими моряками были снаряжены нѣсколько канонерскихъ лодокъ для дѣйствій на Алькмарскомъ каналѣ. Диспозиціей обстоятельно указывались дѣйствія каждой колонны; было предписано имѣть подручныя матеріалы для устройства переправъ. Въ диспозиціи подчеркивалось, чтобы наступленіе велось въ порядкѣ, равняясь по сосѣдней правой колоннѣ, чтобы слишкомъ не спѣшили, «дабы не атаковать непріятели людьми усталыми». Смѣшенія войскъ также постарались избѣгнуть, почему русскіе были назначены въ центръ, а на флангахъ англичане. Въ общемъ диспозиція сводилась къ слѣдующему: 30.000 союзныхъ войскъ были распределены на три части: правый флангъ, для дѣйствія въ дюнахъ,—первая и вторая англійскія колонны генераловъ Аберкромби и Кутъ всего 11.000 человекъ, отъ Петена на Кампъ, Эгмондъ-ан-Зее и на Эгмондъ-оп-Гуфъ; и отъ Кампа на Грутъ и по дюнамъ, имѣя связь съ колонной Эссена. Центръ—для атаки Бергена, Схорльдама и Кудейка 3-ья, 4-ая, 5-ая, 6-ая, 7-ая и 8-я колонны, всего 12.000 человекъ подъ начальствомъ генераль-маіора Эссена, полковника Гладкаго, графа Четемъ, генераль-маіора Седморадскаго, капитана Попамъ и генераль-маіора Борердъ, изъ нихъ 3-я, 4-ая и 6-ая—русскія, а 7-ая состояла изъ канонерскихъ лодокъ, имѣвшихъ слѣдовать по Алькмарскому каналу. На лѣвомъ флангѣ—для демонстраціи противъ батавскихъ войскъ, была назначена 9-ая англійская колонна генерала-маіора Потнея въ 7.000 человекъ. Главный ударъ былъ намѣченъ герцогомъ Йоркскимъ противъ центра и праваго фланга занятыхъ французами, чтобы овладѣвъ Бергеномъ, отбросить непріятели отъ пути отступленія его на Гаарлемъ. 21-го числа въ 6 часовъ по сигнальному выстрѣлу всѣ колонны сразу двинулись. Правыя колонны имѣли частичный успѣхъ, а колонны центра овладѣли укрѣпленными позиціями деревень Грутъ и Схорльдамомъ. Непрительскія войска безъ упорнаго сопротивленія отошли съ передовыхъ пунктовъ и заняли сильно укрѣпленную позицію между деревнями Схорль и Схорльдамомъ. Всѣ три русскія колонны выстроили общій боевой порядокъ въ двѣ линіи, задерживая атаку, пока англійская бригада Кута не выйдетъ во флангъ непрительской позиціи. Эссенъ началъ громить артиллерійскимъ огнемъ непрительскіе окопы и въ 11 часовъ утра, республиканцы очистивъ Схорль и Схорльдамъ, отступили къ Бергену и Кудейку. Здѣсь была самая сильная непрительская позиція, прикрытая съ фронта широкимъ каналомъ, а на флангахъ Бергеномъ и Кудейкомъ, приспособленными къ оборонѣ; Брюнъ рѣшилъ держаться упорно. Французскій генераль Вандамъ командовалъ войсками въ дюнахъ противъ Аберкромби, а генераль Бонномъ у Кудейка.

Тѣмъ временемъ медленно наступавшія изъ-за трудной мѣстности англійскія колонны нашего праваго фланга, постепенно подвигающіяся впередъ, были усилены колонной графа Четема и, такимъ образомъ, къ послѣ полудню, въ дюнахъ собралось до 13.000 войскъ, изъ коихъ бригады Кута и Четема заняли, наконецъ, высоты надъ Бергеномъ, гдѣ задержались за невозможностью тащить орудія на песчаные холмы. Генераль Брюнъ, ободренный бездѣйствіемъ союзниковъ, рѣшилъ самъ

перейти въ наступленіе и французы атаковали Кута, Четема и одновременно Аберкромби, но успѣха не имѣли. Здѣсь интересно примѣненіе къ обстоятельствамъ конницы и ея починъ,—такъ французскіе драгуны, увидѣвъ англійскую батарею безъ прикрытія, атаковали и взяли ее, но англійская кавалерія въ свою очередь бросилась на французскихъ драгунъ отбила ихъ и спасла свою батарею. Этимъ кончилось сраженіе и войска оставаясь на позиціяхъ заночевали, а къ утру

Gevecht by Costricum 1799.
Сраженіе при Кастрикумѣ.

Брюнъ, опасаясь за свой флангъ, уже обойденный слѣва, отступилъ къ Бевервику; передовыя войска заняли позиціи по линіи Акерслотъ, Лиммень и Бакумъ; боковой отрядъ защищавшій дюны отошелъ къ Вейкъ-ан-Зее, а дивизія Дондельса отошла къ Пурмеренду. Утромъ 22-го союзники заняли мѣста оставленныя непріателемъ, главная квартира расположилась въ Алькмарѣ; такимъ образомъ бой этотъ рѣшился въ нашу пользу. Англичане потеряли въ этотъ день до 1.500 человекъ, а русскіе—убитыми 2-хъ офицеровъ и 77 нижнихъ чиновъ и ранеными офицеровъ 16 и 372 нижнихъ чина. Республиканцы потеряли больше 2.000 человекъ. Герцогъ

Юркскай послалъ Императору Павлу Петровичу поздравленіе съ побѣдою. Въ этомъ сраженіи Лейбъ-казакамъ проявить себя ничѣмъ не пришлось. Успѣхъ 2-го Бергенскаго сраженія особеннаго значенія для насъ не имѣлъ, такъ какъ генераль Брюнъ спокойно отступивъ, занялъ новую сильную позицію, а прибывшія подкрѣпленія изъ Бельгіи увеличили число французскихъ войскъ. Республиканцы расположились слѣдующимъ образомъ: французы—дивизія генерала Гувіона на лѣвомъ флангѣ въ дюнахъ; дивизія Буде у деревни Нордорпъ; бригада Фюзіе у Бевервика; голландцы—дивизія Боннома на правомъ флангѣ у деревни Уйтгестъ, а дивизія Дондельса у Моникадама и Пурмеренда. Герцогъ Юркскай, затрудненный продовольствіемъ, былъ намѣренъ сдѣлать еще одну попытку, чтобы вытѣснить французовъ изъ сѣверной Голландіи за Гаарлемъ, и отрѣзавъ ихъ отъ батавскихъ войскъ, открыть себѣ путь къ Амстердаму. 25-го Сентября герцогъ Юркскай рѣшилъ выбить непріятельское сторожевое охраненіе изъ деревень Бакумъ, Лиммень и Аккерслотъ, для чего было приказано русскому авангарду Седморадскаго—3.100 человекъ наступать на Бакумъ; генералу Аберкромби вдоль морского берега, а Дендасу на деревню Лиммень и Аккерслотъ. За авангардомъ Седморадскаго двигались главныя силы Эссена—4.000 человекъ и кромѣ того англійская дивизія Потнея оставалась противъ войскъ Дондельса, а 6 русскихъ баталіоновъ для охраны батарей на Зейпѣ. Въ 8 часовъ утра союзныя войска двинулись впередъ,—авангардъ генераль-маіора Седморадскаго, изъ 6-ти баталіоновъ съ 7-ю орудіями съ частью Лейбъ-казаковъ и Уральцевъ двинулся на Бакумъ. Первыми съ штабсъ-ротмистромъ Гуровымъ во главѣ ворвались туда Лейбъ-казаки, вытѣснили засѣвшихъ тамъ французовъ и держались въ ней, пока туда подоспѣла пѣхота; здѣсь штабсъ-ротмистръ Гуровъ былъ раненъ и одинъ Лейбъ-казакъ убитъ. Несмотря на укрѣпленія вооруженныя артиллерію, Седморадскій, овладѣвъ деревнею, увлеченный успѣхомъ, продолжалъ наступать на Кастрикумъ, куда отошелъ изъ Бакума генераль Пакто съ 3-мя французскими баталіонами и приготовился къ упорной защитѣ. Седморадскій, выставивъ артиллерію подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ своего полка, остальные части своей колонны направилъ вправо, чтобы занять командующія высоты, гдѣ эта часть соединилась съ отрядомъ полковника Гладкаго, бывшаго съ эскадрономъ Лейбъ-гусаръ (пѣшимъ), остальными Лейбъ-казаками и Уральцами, и командою егерей, для связи между колонною Седморадскаго и войсками Аберкромби. Французы, атакованные съ фронта и угрожаемые обходомъ, поспѣшно покинули Кастрикумъ и заняли новую позицію, разсыпавшись въ садахъ и по холмамъ за деревнею. Здѣсь Лейбъ-казакамъ вмѣстѣ съ Уральцами и эскадрономъ англійскихъ драгунъ, подъ командою полковника Гладкаго, пришлось неоднократно атаковать голландскій гусарскій полкъ, чѣмъ были задержаны стремительные удары непріятеля на нашъ правый флангъ.

Генераль Эссенъ, выступивъ съ главными силами и дойдя до деревни Эгмондъ-Биненъ, узнавъ, что Седморадскаго начали тѣснить французы, выслалъ полковника Дубянскаго съ тремя баталіонами и 6-ю орудіями на помощь, но подкрѣпленіе это

было ничтожно по сравненію съ тѣми силами непріятели, которыя длинной линіею охватили нашихъ. Несмотря на это, войска наши съ изумительнымъ упорствомъ держались больше 3-хъ часовъ; самъ генераль Эссенъ прибыль къ авангарду и послалъ приказаніе остававшимся у него 2-мъ полкамъ идти на помощь. Въ это время генераль Брюнъ, видя бездѣйствіе англичанъ на обоихъ флангахъ, усилиль свой центръ, чтобы рѣшительнымъ ударомъ сломить упорство русскихъ. Густая сомкнутая колонна французовъ двинулась въ штыки. Русскіе, изнуренные продолжительнымъ боемъ, большими потерями, не могли устоять и уступили высоты

Прибытіе принца Оранскаго.

французамъ; вслѣдъ за этимъ французы атаковали и самый Кастрикумъ; «тогда,— говоритъ въ своемъ донесеніи полковникъ Гладкій,— видя, что французская кавалерія стремительно бросилась впередъ, дабы, объѣхавъ нашъ флангъ, отрѣзать совсѣмъ пѣхоту, приказаль ему (поручику Токареву, Уральской сотни) на ту кавалерію сдѣлать атаку, гдѣ онъ съ малымъ числомъ обѣихъ командъ казаковъ (Лейбъ-казаковъ и Уральцевъ), съ крайнею отчаянностью ударивъ, удержаль оную. Наконецъ, бывъ несравненно превосходнымъ числомъ непріятельской кавалеріею со всѣхъ сторонъ окруженъ, прорвался сквозь оную и присоединился ко мнѣ, давъ мнѣ съ пѣхотой дойти до дефиле, коимъ хотѣли воспользоваться французы»¹⁾.

¹⁾ Моск. О. Арх. Г. Шт. «Дѣла Голландской экспедиціи» опись № 153, дѣло № 10.

Объ этой атакѣ сами французы говорили, что, вытѣснивъ русскихъ изъ Кастрикума, они преслѣдовали ихъ одной колонной, что бывший въ головѣ колонны драгунскій полкъ попалъ на засаду и внезапно атакованный англійскими драгунами, повернулъ назадъ, наскочилъ на французскую пѣхоту и всю колонну привелъ въ такой беспорядокъ, что она начала снова устраиваться только у Кастрикума ¹⁾).

Засыпанные въ деревнѣ съ окружавшихъ высотъ ядрами и пулями, русскія орудія скоро принуждены были замолчать; прислуга была вся переранена, лошади перебиты. Ворвавшись съ разныхъ сторонъ въ Кастрикумъ, французы перекололи остававшихся защитниковъ и захватили наши орудія. «Тогда,—продолжаетъ Гладкій,—поручикъ Токаревъ, бывъ мною отряженъ съ 20 казаками (Уральцами), отнял у французовъ взятыя ими наши 2 пушки, подъ коими артиллерійскія лошади да и канониры были ими всѣ побиты; казаки же, привязавъ хвостами своихъ лошадей, вывезли тѣ пушки». Русскіе начали отступать, для прикрытія въ арьергардѣ былъ оставленъ полковникъ Дубянской съ тремя баталіонами. Ему удалось было опять занять Кастрикумъ, отбить нѣсколько оставшихся нашихъ орудій и даже изъ нихъ опять открыть огонь противъ французовъ. Но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ,—окруженный, подавляющимъ по количеству непріателемъ, арьергардъ нашъ едва смогъ пробиться, оставивъ большое число плѣнныхъ и тѣ же пушки въ рукахъ французовъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ и Дубянской.

Было уже около 3-хъ часовъ, когда, на настойчивыя просьбы Эссена ускорить движеніе и оказать содѣйствіе русскимъ войскамъ, наконецъ двинулъ генераль Аберкромби одну бригаду изъ своей колонны черезъ дюны къ Бакуму. Тѣмъ временемъ Эссенъ, отступивъ за Бакумъ, устроилъ свои войска поперекъ дороги на песчаныхъ холмахъ. Опять начался кровопролитный бой; русскіе, утомленные до крайности, разстрѣлявъ почти всѣ патроны, напрягали послѣднія силы, чтобы устоять противъ непріятельскихъ атакъ. Наконецъ, въ 5-мъ часу справа показалась англійская колонна; собравшись съ духомъ, мы перешли въ контръ-атаку и опрокинули республиканцевъ за деревню Бакумъ. Занявъ ее, русскіе продолжали наступленіе; республиканцы едва успѣли занять новую позицію на высотахъ у Кастрикума. Брюнъ самъ былъ принужденъ повести въ атаку батавскихъ гусаръ противъ обходной англійской колонны. Вслѣдствіе наступившей темноты и крайняго утомленія войскъ къ ночи по всей линіи сраженіе прекратилось само собою. Въ центрѣ русскія войска остались у Бакума, а непріятельскія у Кастрикума; на правомъ флангѣ нашихъ войскъ, въ дюнахъ, особеннаго ничего не произошло и бой велся съ перемѣннымъ успѣхомъ; на лѣвомъ же англичане овладѣли деревнями Лимменъ и Аккерслотъ,—въ этомъ и состоялъ весь успѣхъ англо-русскихъ войскъ, купленный весьма дорогою цѣной, ибо мы потеряли убитыми 9 офицеровъ и 374 нижнихъ чина, и ранеными 26 офицеровъ и 709 нижнихъ чиновъ, въ числѣ раненыхъ былъ и пол-

¹⁾ Не надо забывать, что подъ командою полковника Гладкаго былъ и эскадронъ англійскихъ драгунъ и что англійскіе драгуны, какъ и Лейбъ-казаки, имѣли красные мундиры, а Уральцы—мало издали отличающіеся отъ красныхъ—малиновые.

ковникъ Гладкій, а изъ Лейбъ-казаковъ, кромѣ штабсъ-ротмистра Гурова, 2 казака. Англичане потеряли около 1.400 человекъ, а непріятельскія потери были около 2.000 человекъ. Герцогъ Йоркскій доносилъ Императору Павлу: «не могу достаточно нахвалиться подвигами русскихъ войскъ, хотя они пылкостью своею вовлечены были неожиданно въ генеральное сраженіе противъ силъ гораздо превосходныхъ, а потому и не могли быть поддержанны своевременно»¹⁾. Сами враги наши отдали должное русскимъ войскамъ, такъ генераль Брюнъ, когда привели къ нему взятаго въ плѣнъ полковника Дубянского, сказалъ ему: «ваши солдаты дерутся какъ львы, они скорѣе лягутъ всѣ на мѣстѣ, чѣмъ сдаться въ плѣнъ»²⁾.

Итакъ, за 6 недѣль кампаніи, потерявъ до 10.000 убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, не считая множества больныхъ, которыми переполнены были всѣ госпитали, союзники окончательно убѣдились, что расчеты ихъ на поддержку предпріятія батавскими войсками и народомъ не основательны; безъ этого же нельзя надѣяться и на успѣхъ, — это, вмѣстѣ взятое съ все возрастающимъ числомъ больныхъ, затрудненіями по подвозу продовольствія, истощеніемъ запасовъ патроновъ и снарядовъ, а также окончательно наступившая осенняя ненастная погода, — принудили главнокомандующаго союзными войсками герцога Йоркскаго вступить въ переговоры съ Брюномъ о заключеніи перемирія, а тѣмъ временемъ англо-русская армія стала отступать. Преслѣдованіе со стороны французовъ было очень незначительное, такъ какъ и они были въ положеніи почти не лучшемъ нашего; безъ серьезныхъ аррьергардныхъ дѣлъ мы дошли до самаго Алькмара; когда же англо-русскія войска заняли Гельдеръ, то французы атаковали наши передовыя части у Алькмара, но были отбиты русскимъ отрядомъ, въ составѣ коего были и Лейбъ-казаки. 27-го числа намъ пришлось очистить и Алькмаръ.

За недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, да и вслѣдствіе поспѣшности, больные и раненые большею частью были оставлены въ госпиталяхъ на мѣстѣ. Наконецъ, 6-го Октября герцогъ Йоркскій заключилъ съ французскимъ главнокомандующимъ конвенцію, въ силу которой, «не очень похвальной для англійскаго принца»³⁾, было предоставлено союзнымъ войскамъ свободно сѣсть на суда. Въ половинѣ Октября началась погрузка и вскорѣ эскадра наша съ войсками вышла на рейдъ, гдѣ была еще задержана противными вѣтрами и бурями, обычными въ это время у береговъ Голландіи. Положеніе нашихъ войскъ было невыносимо: въ страшной тѣснотѣ они терпѣли недостатокъ въ пищѣ и даже въ прѣсной водѣ; единственнымъ утѣшеніемъ была надежда на возвращеніе домой, но и этой надеждѣ не суждено было скоро исполниться. Было получено распоряженіе перевести войска на зимовку въ Англію. Высаженные на острова Джерсей и Гернсей, помѣщенные въ наскоро, кое-какъ построенныхъ баракахъ, до этого еще проживъ 6-ть недѣль на корабляхъ у берега, въ ожиданіи разрѣшенія высадки, терпѣли русскіе недо-

¹⁾ «Исторія войны 1798 года», Милютинъ.

²⁾ «Сынъ Отечества» 1824 года. Записки Дубянскаго.

³⁾ Кряжевъ—«Жизнь Павла Перваго» 1805 г.

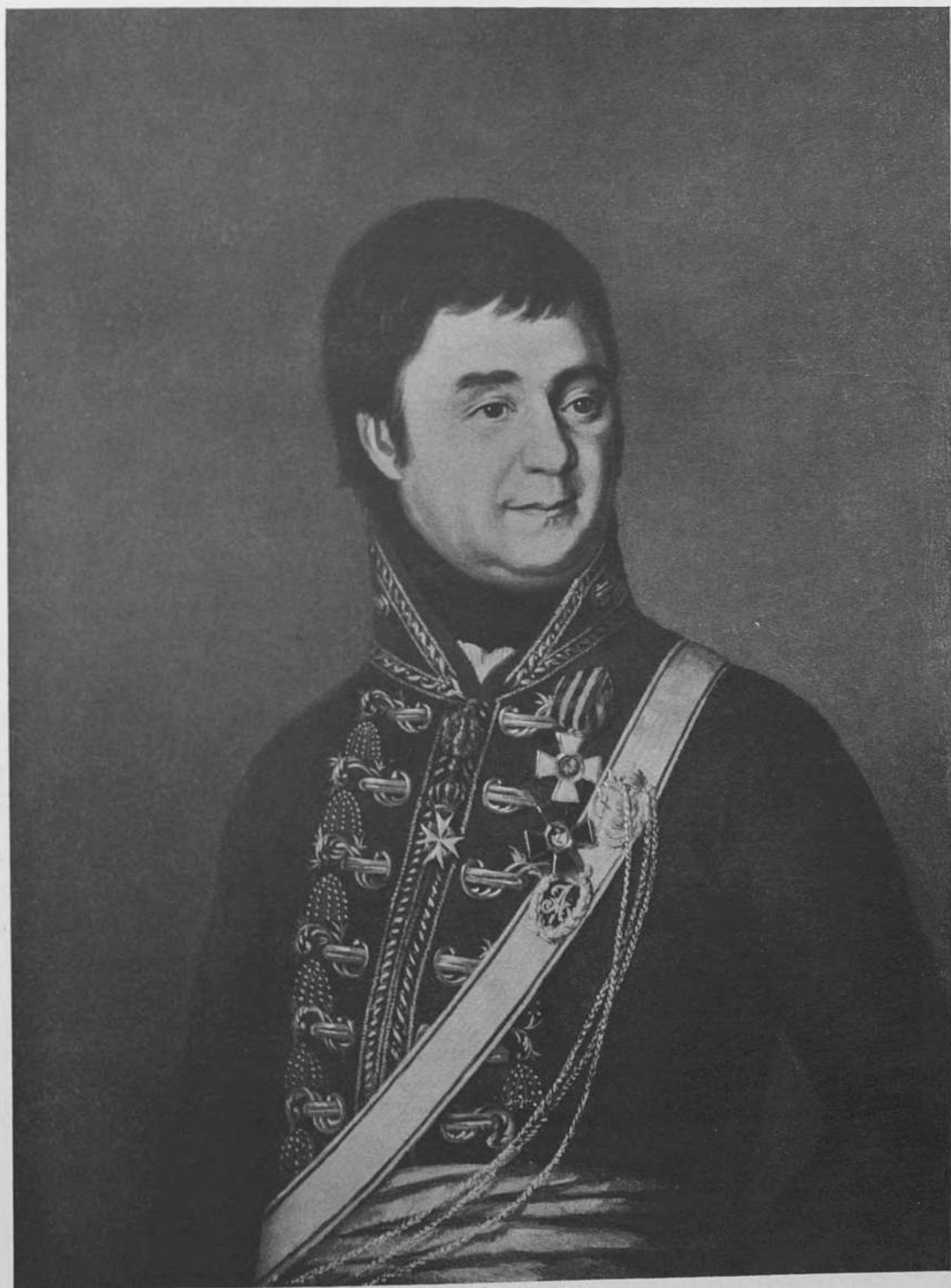
статокъ во всемъ необходимомъ, какъ говорилъ въ своемъ донесеніи Россійскій посоль въ Англіи графъ Воронцовъ: «они находились въ сущей нагости; уже гораздо за сроки носили изветшалую совсѣмъ одежду, а иные уже болѣе года должны бы получить оную». Павелъ Петровичъ, узнавъ о такомъ пренебрежительномъ отношеніи къ своимъ войскамъ со стороны Англіи, приказалъ тамъ же зимовавшимъ русскимъ эскадрамъ немедленно готовиться для перевозки войскъ въ Россію.

Къ 25-му Маю началась погрузка. До какого состоянія дошли въ это время русскія войска видно изъ строевого рапорта за Апрѣль мѣсяць 1800 года, представленнаго Павлу Петровичу генераломъ Виоменилемъ, который былъ назначенъ вмѣсто генерала Эссена, отставленнаго отъ командованія по проискамъ англичанъ. По этому рапорту состоитъ на лицо 396 офицеровъ и 11.238 нижнихъ чиновъ, больныхъ же 55 офицеровъ и 1.506 рядовыхъ,—это не считая раненыхъ, которые были отправлены въ госпитали раньше. Перевезенныя сначала въ Портсмутъ, войска наши, частью на русскихъ и частью на нанятыхъ англійскихъ корабляхъ, отправились въ Россію послѣдовательными эшалонами, изъ коихъ первый, отплывъ 5-го Іюня, прибылъ въ Ревель въ концѣ Іюля, а послѣдній прибылъ лишь въ началѣ Сентября. Многие испытали русскія войска, тяжело пришлось и Лейбъ-казакамъ, которыхъ вмѣсто 64 человекъ къ Маю мѣсяцу оставалось на лицо лишь 55; были обездолены казаки и лошадьми, ибо, за недостаткомъ мѣста на корабляхъ, ихъ нельзя было взять съ собой и пришлось оставить въ Голландіи.

Генераль-маіоръ
Алексѣй Петровичъ
ОРЛОВЪ 2-й.
Командиръ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка.
1801—1802.

Старый Петербургъ, Васильевскій островъ.

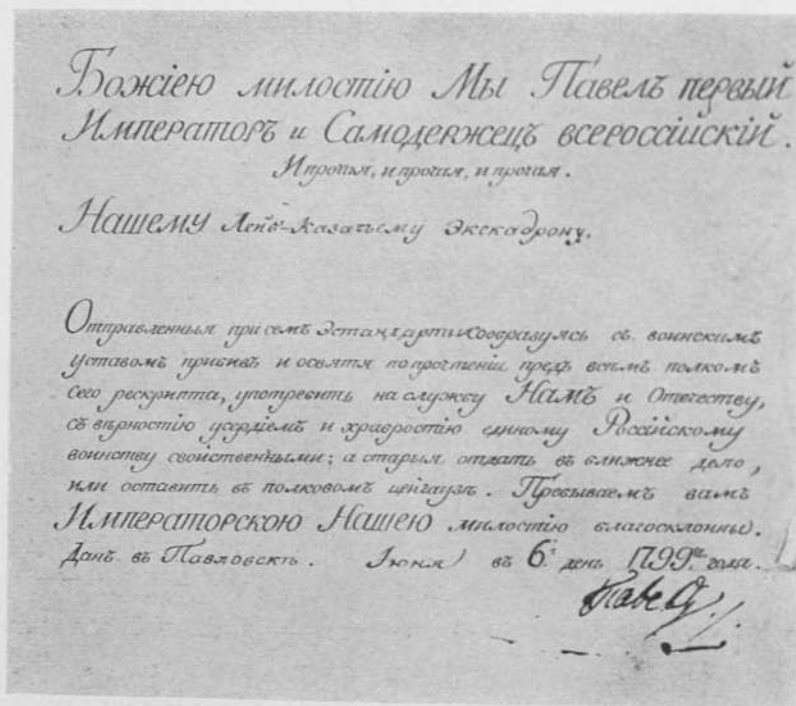
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Измѣненіе штатовъ полка. — Командированіе Лейбъ-казаковъ въ Выборгъ и въ Новгородскую губернію. — Охрана побережій Балтійскаго и Бѣлаго морей. — Высочайшее пожалованіе новыхъ штандартовъ. — Возвращеніе Лейбъ-казаковъ въ Петербургъ. — Характеръ военной службы при Павлѣ Петровичѣ. — Его реформы. — Интриги противъ Государя. — Біографія Грузиновыхъ.

Еще въ Мартѣ 1799 года было намѣчено увеличить составъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка до 5-ти эскадроновъ сотеннаго состава, о чемъ и былъ отданъ 18 числа Высочайшій приказъ. Неизвѣстно почему распоряженіе это въ исполненіе приведено не было и Высочайшимъ приказомъ 24-го Мая того же года былъ установленъ штатъ полка лишь въ три эскадрона по сто человѣкъ рядовыхъ въ каждомъ. Полкъ былъ доведенъ до комплекта дополнительною командою, прибывшею съ Дона подъ начальствомъ поручика Чикова. Вслѣдствіе такого преобразования въ Лейбъ-казачьемъ полку прибавилось: 1 полковникъ, 1 ротмистръ, 1 штабсъ-ротмистръ, 1 поручикъ, 2 корнета, 1 вахмистръ, 1 эстандартъ-юнкеръ, 11 унтеръ-офицеровъ, въ томъ числѣ 1 квартирмистръ, 44 рядовыхъ и 2 трубача. Кромѣ того было положено имѣть и второго младшаго лѣкаря. Командиромъ вновь сформированнаго третьяго эскадрона былъ назначенъ родной братъ войскового атамана генераль-маіоръ Алексѣй Петровичъ Орловъ 2-й, именемъ котораго и сталъ называться этотъ эскадронъ. Необходимо еще сказать, что знакомъ милостиваго вниманія Павла Петровича къ Лейбъ-казакамъ изъ бывшихъ Его Гатчинцевъ, было пожа-

лованіе каждому офицеру, при переводѣ во вновь образованный Лейбъ-казачій полкъ, имѣнія въ сто душъ крестьянъ, что и послужило въ общемъ началомъ владѣнія землей Донскимъ дворянствомъ внѣ Войска.

1799 годъ, помимо Голландской экспедиціи, былъ вообще тяжелъ для Лейбъ-казачковъ, такъ какъ имъ пришлось его почти что сплошь провести въ дальнихъ и трудныхъ походахъ. 12-го Апрѣля эскадронъ Его Величества и второй, подъ начальствомъ полковника Грекова¹⁾, были командированы въ Выборгъ для содержанія кордонной линіи по берегу рѣки Кюмень и Финскому за-

Рескриптъ Императора Павла I о пожалованіи полку штандартовъ.

ливу, въ виду возникшихъ недоразумѣній со Швеціею и снаряженія ея въ Свеаборгъ большой флотиліи, что являлось какъ-бы угрозою Россіи, а третій эскадронъ подъ командою ротмистра Эльмурзина былъ оставленъ въ Новгородской губерніи для усмиренія возмущившихся крестьянъ. Затѣмъ, вслѣдствіе войны съ французами, опасаясь, что они намѣрены сдѣлать высадку на Русскіе берега въ Балтійскомъ или Бѣломъ моряхъ, было отдано распоряженіе о сборѣ въ Лифляндіи особаго отряда, подъ начальствомъ генерала Эссена 1-го, а для охраненія Архангельскаго и Онежскаго портовъ,—предписано генералу князю Волконскому 4-му собрать у Бѣлозерска и Вологды другой отрядъ. Въ составъ этихъ отрядовъ вошли и Лейбъ-казаки. Полковнику Грекову было приказано немедленно прибыть въ Петербургъ со своими двумя эскадронами, сдавъ свои посты пришедшему на смѣну въ Выборгъ Донскому казачьему армейскому полку. Полковникъ Грековъ съ Лейбъ-казаками прибылъ въ Петербургъ 25-го Мая.

6-го Іюня 1799 года Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ удостоился получить при Высочайшей грамотѣ два новыхъ штандарта взамѣнъ старыхъ, перешедшихъ въ

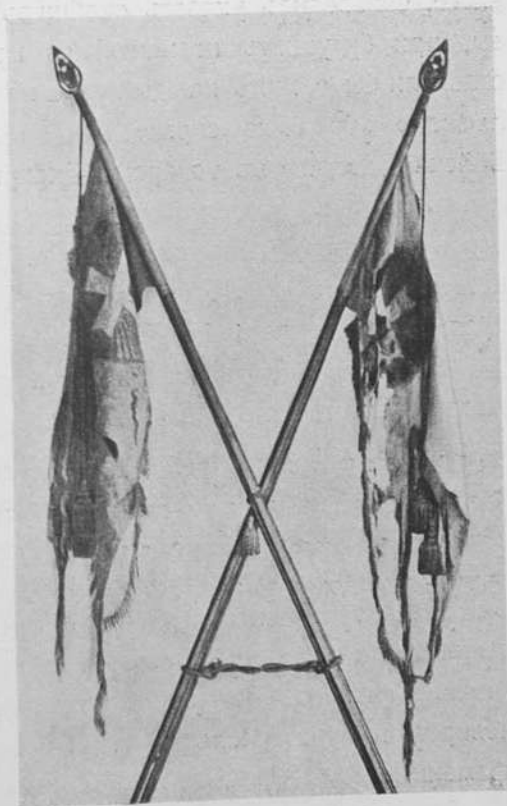
¹⁾ Андрей Евдокимовичъ въ 1796 г. командированный отъ Войска Донскаго въ Петербургъ съ послѣднею Лейбъ-казачьею Придворною командою въ должности начальника и затѣмъ вошедшій съ нею въ составъ полка; раньше въ 1789—90 гг. былъ въ Лейбъ-казачьей командѣ субалтернъ-офицеромъ.

полкъ отъ Гатчинскихъ казачьихъ эскадроновъ. Штандартъ Лейбъ-эскадрона былъ бѣлый съ золотою бахромою и съ малиновымъ мальтійскимъ крестомъ въ золотомъ сіяніи, другой штандартъ—малиновый съ серебряною бахромою и съ бѣлымъ мальтійскимъ крестомъ въ серебряномъ сіяніи. Древки, копыя и шнуры съ кистями были такіе же, какъ у штандартовъ драгунскихъ и кирасирскихъ полковъ.

Послѣ краткаго отдыха первые два эскадрона выступили въ Лифляндію въ отрядъ генерала Эссена. Начальство надъ этими эскадронами принялъ генераль-маіоръ Орловъ 2-ой, назначенный Высочайшимъ приказомъ 10-го Мая командующимъ Лейбъ-гвардіи Казачьимъ полкомъ, такъ какъ командиръ полка графъ Денисовъ былъ назначенъ инспекторомъ Кавказской дивизіи и Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ, хотя и съ оставленіемъ въ должности командира полка. Не успѣли еще упомянутые два эскадрона дойти до мѣста своего назначенія, какъ 2-го Іюля послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ отмѣнялось формированіе отряда генерала Эссена, а вмѣсто этого предписывалось тамъ быть только двумъ эскадронамъ Лейбъ-казаковъ съ 4-мя орудіями конной артиллеріи и 2-мъ пѣхотнымъ баталіонамъ, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Орлова 2-го, который и расположилъ свой отрядъ по берегу Балтійскаго моря. Третьему эскадрону бывшему въ Новгородской губерніи подъ начальствомъ ротмистра Эльмурзина, было приказано идти къ берегамъ Бѣлаго моря. Главный пунктъ порученный его наблюденію и въ случаѣ надобности его защитѣ, былъ Онежскій портъ.

Здѣсь третій эскадронъ провелъ лѣто, осень и часть зимы и только 19-го Декабря, по полученному Высочайшему повелѣнію, выступилъ обратно въ Петербургъ, куда и прибылъ 15-го Января 1800 года, не видѣвъ никакихъ признаковъ непріятели. Такъ же неосновательны оказались и слухи о намѣреніи французовъ появиться со своимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ.

15-го и 19-го Іюля послѣдовали Высочайшія повелѣнія о роспускѣ отряда генераль-маіора Орлова и 21-го Августа Лейбъ-казаки возвратились уже въ Петербургъ, но не всѣ, ибо часть ихъ была прямо направлена къ Ревелю для участія въ Голландской экспедиціи, о чемъ говорилось въ предыдущихъ главахъ.

Штандарты, пожалованные Лейбъ-казакамъ Павломъ I.

15-го Августа 1800 года прибыла въ Петербургъ команда Лейбъ-казаковъ, бывшая въ Голландской экспедиціи съ поручикомъ Давыдовымъ, принявшимъ ее еще въ Англіи отъ штабсъ-ротмистра Гурова, который приказомъ 10-го Мая этого же года былъ Высочайше уволенъ въ отставку «за ранами».

Здѣсь кстати упомянуть и о тѣхъ милостивыхъ распоряженіяхъ, которыя были сдѣланы Павломъ Петровичемъ въ отношеніи Войска Донского сверхъ описанныхъ раньше ¹⁾). Такъ,—рескриптомъ на имя атамана Орлова 25-го Мая 1798 года было распространено на казаковъ право, по выслугѣ установленныхъ сроковъ службы, полученія знака ордена Св. Анны. Затѣмъ, 15-го Октября того же года, «Государь Императоръ соизволилъ указать дать знать вашему превосходительству (атаману Орлову), что Онъ, любя Войско Донское, желаетъ, въ вѣдшее доказательство Высочайшаго Его къ Войску благоволенія, имѣть отъ васъ представленія о производствѣ чиновъ на могущія быть вакансіи кромѣ штабъ-офицеровъ, состоящихъ въ общемъ списокѣ». А 18-го Ноября «Государь Императоръ изъ уваженія къ Войску Донскому, принимая на себя трудъ дѣлать производства офицерамъ онаго, соизволилъ указать сообщить о семъ вашему превосходительству и чтобы вы, при будущихъ назначеніяхъ къ производству, начиная съ урядниковъ, представляли бы о нихъ каждый разъ на утвержденіе Его Императорскаго Величества». Вызвано это было справедливымъ вниманіемъ Императора къ тяжелой службѣ Войска Донского въ то время,—напримѣръ, въ 1799 году на службѣ было 45 Донскихъ полковъ и донцы проявили высокую доблесть подъ начальствомъ Суворова, что и отмѣчено пожалованіемъ Войску Донскому 15-го Февраля 1800 года великолѣпнаго бѣлага знамени съ надписью «за оказанныя услуги въ продолженіе кампаніи противъ французовъ 1799 года».

При Павлѣ Петровичѣ былъ изданъ новый кавалерійскій уставъ,—«много хорошаго и дѣльнаго внесъ онъ въ основаніе обученія нашей кавалеріи: двухшереножный строй, введенный окончательно, во взводахъ по 16 рядовъ, расчетъ на отдѣленія, построенія колоннъ изъ середины, наконецъ, самая строгая точность въ исполненіи» ²⁾). Въ то же время указами 12-го и 30-го Мая 1797 года и по штатамъ 1798 года были увеличены фуражныя дачи всѣмъ строевымъ, выучнымъ и подъемнымъ лошадямъ. Минусомъ кавалеріи того времени были чрезмѣрно сложныя построенія, непрактичность обмундированія и излишества относительно требованій по содержанію конскаго состава: стрижка ногъ и ушей, заплетаніе гривокъ и хвостовъ, полировка мунштуковъ и т. д.,—все это осталось намъ въ наслѣдіе отъ того времени.

Продолжая обрисовку военной службы эпохи Павла Петровича, нельзя не привести еще нѣсколько примѣровъ, опровергающихъ ходячее мнѣніе, что, съ вступленіемъ на престолъ Павла I, усилились въ войскахъ грубость и жестокость

¹⁾ См. главу 3-ю.

²⁾ «Русская кавалерія». П. А. Ивановъ.

отношений; напротивъ, мы видимъ, что приказомъ отъ 23-го Сентября 1796 года, фельдфебель, «осмѣлившійся жестоко наказать рядового» — былъ разжалованъ: Генераль-маіоръ Шишковъ и генераль-маіоръ Берхъ отставлены отъ службы, первый «за неисправность лазарета и за неимѣніе для часовыхъ тулуповъ», а второй «за несбереженіе людей»; генераль-маіоръ Дистерло — «за обученіе полка послѣ обѣда» ¹⁾). Цѣлый рядъ приказовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Павелъ Петровичъ строго взыскивалъ за произволъ и жестокость въ обращеніи съ нижними чинами, — на примѣръ, маіоръ Шубинъ «за жестокіе побои нанесенные имъ нижнимъ чинамъ» исключенъ изъ службы съ отобраніемъ патента, а подполковникъ Самаринъ «за нарушеніе правилъ наказанія спиць-рутьемъ» — то же самое и съ отдачею подъ судъ. Если же и существовали жестокія наказанія въ арміи, то не надо забывать вообще о духѣ времени, когда тѣлесныя наказанія процвѣтали и въ общемъ судопроизводствѣ; не надо забывать, что и въ Екатерининской арміи было то же самое, — «законъ предписывалъ кроткое обращеніе съ новобранцами, но не исполнялся, потому что шель въ разладъ съ общимъ уголовнымъ законодательствомъ и съ давно установившимися обычаями...» ²⁾). Напротивъ того, при Павлѣ Петровичѣ наказанія были болѣе правильно соразмѣрены и какъ, на примѣръ, видно изъ устава 1797 года «гоняніе сквозь строй», точно урегулированное закономъ, было значительно менѣе жестоко даже, чѣмъ въ послѣдующія времена ³⁾).

Государь, еще въ бытность свою наслѣдникомъ, хорошо зная всѣхъ Своихъ Гатчинскихъ офицеровъ, вникая и въ ихъ домашнія, семейныя дѣла, являлся частымъ ходатаемъ за нихъ предъ Дворомъ Екатерины и заслужилъ ихъ преданную любовь, почему потомъ, бывшіе Гатчинцы, гордясь всю жизнь своимъ мундиромъ, всегда съ удовольствіемъ вспоминали о трудной Гатчинской службѣ. Естественно, когда отъ всѣхъ войскъ, съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, была потребована та же точность и служебная исполнительность, то же знаніе уставовъ и пунктуальное несеніе своихъ обязанностей, то многимъ изъ гвардейскихъ

Л.-гв. Семеновскій полкъ Павловской эпохи.

¹⁾ Высоч. прик. за 1800 г. Апрѣля 13-го, Мая 21-го и Юля 28-го.

²⁾ Петрушевскій, I, 36.

³⁾ «Столѣтіе Военнаго Министерства». Исторія Государевой Свиты.

офицеровъ, избалованнымъ легкою полупридворною службою—Гатчинскіе порядки показались чѣмъ то невыносимымъ ¹⁾).

Въ основу военныхъ реформъ Павла Петровича Имъ были вложены Его взгляды, что воинская дисциплина—законъ одинаково обязательный для всѣхъ военнослужащихъ, и что благоустройство арміи зависитъ отъ состава офицерскаго корпуса, который долженъ обладать безукоризненною честностью, благородствомъ поведенія и примѣрною исполнительностью всѣхъ требованій службы, безъ какихъ бы то ни было, и для кого бы то ни было, исключеній ²⁾).

Такимъ образомъ, пресловутая жестокость военной службы временъ Павла Петровича, бывшая ни чуть не больше той, которая была до Него, а въ особенности послѣ Него во времена «Аракчеевщины»,—была сильно преувеличена неудовольствіемъ начальствующихъ лицъ, стѣсненныхъ въ своемъ произволѣ, предоставленномъ имъ въ эпоху Екатерины. Благодаря строгой безпристрастности Императора, вникавшаго во все и, въ особенности, вслѣдствіе учрежденія фактической инспекціи войскъ,—всѣ должны были начать заниматься дѣломъ и отказаться отъ «безгрѣшныхъ доходовъ».

Укоренившійся въ эпоху Екатерины обычай записывать дворянскихъ дѣтей на службу чуть не съ пеленокъ, благодаря чему, по достиженіи достаточнаго возраста, различные недоросли, имѣвшіе протекцію, являлись въ полки въ солидныхъ офицерскихъ чинахъ, будучи совершенными невѣждами въ военномъ дѣлѣ, а то и просто продолжали только числиться въ полкахъ, проживая у себя дома или въ Петербургѣ въ ожиданіи тепленькаго мѣстечка или полученія доходной должности командира отдѣльной части,—указомъ Государя были призваны явиться въ свои части, а неявившіеся и младенцы были исключены. «Но всѣ эти мѣры, вводимыя въ армію и казавшіяся генераламъ и офицерамъ ненужными строгостями и притѣсненіями, были вызваны историческою необходимостью, и были необходимы при томъ разстройствѣ внутренняго порядка, въ которомъ находилась армія къ концу царствованія Екатерины II» ³⁾).

Записки современниковъ даютъ достаточныя указанія, что всѣ преобразованія Павла Петровича, являвшіяся, по тогдашнему духу времени и общему нравственному уровню, до нѣкоторой степени чрезмѣрными и несвоевременными, если и были неудобными, — то главнымъ образомъ для высшаго класса; что же касается всей массы населенія и арміи, то «народъ не былъ обиженъ, даже солдатъ, который всегда жалуется, не тяготился суровостью службы: онъ получалъ все, что ему было должно и могъ дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, не смотря на свое плебейство и на самую низшую степень общества, изъ которой онъ былъ взятъ» ⁴⁾).

¹⁾ Д. Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ».

²⁾ «Исторія Кавалергардовъ», Панчулидзева.

³⁾ «Столѣтіе Военнаго Министерства». Исторія Государевой Свиты.

⁴⁾ Записки Рунича.

Въ какой мѣрѣ Павелъ Петровичъ былъ доступенъ для каждаго нижняго чина, видно по слѣдующей Высочайшей Его резолюціи: «Лейбъ-казачьяго полка рядовому Милекову въ просьбѣ о переводѣ его въ другой какой-либо полкъ отказано, потому что служба вездѣ одинакова». Простой казакъ не боится доводить свою просьбу, и просьбу въ сущности маловажную, до Самого Государя Императора. «По дѣятельности и страху, господствующему тогда въ обществѣ, царствованіе

Донской казакъ начала XIX ст.

Павла напоминало времена Петра I. Но ежели Павелъ дѣйствовалъ въ высшей степени произвольно и самоуправно, то съ другой стороны, какъ я слышалъ отъ людей степенныхъ и пожилыхъ, Онъ рѣшительно остановилъ самоуправство Екатерининскихъ вельможъ и стремился водворить повсюду порядокъ благоустройства въ администраціи, правду и силу законовъ суда. Простой народъ благоденствовалъ при Павлѣ и имѣлъ въ Немъ покровителя. Онъ первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю, а для обезпеченія продовольствія учредилъ для крестьянъ запасные магазины» ¹⁾. Саблуковъ

¹⁾ Записки Мирковича.

въ своихъ запискахъ говорить, что во времена Павла Петровича хотя личная милость Государя и вліяла на раздачу даровъ и наградъ, но ею никогда не опредѣлялось производство въ военной службѣ и судебное разбирательство всегда было безъ лицепріятія. «Корнетъ могъ безбоязненно требовать военного суда со своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ разсчитывая на безпристрастное разбирательство...».

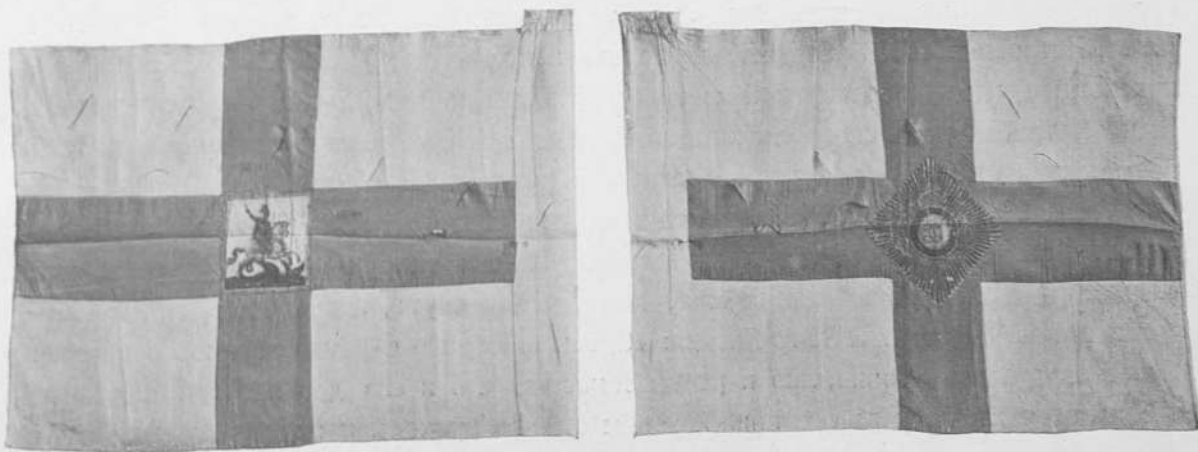
Насколько вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ Петровичъ высоко ставилъ понятія о воинской службѣ и званіи военнослужащаго, видно изъ слѣдующаго: «Нашему любезному сыну Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Павловичу. Давъ уже повелѣніе Наше о немедленномъ собраніи къ своимъ полкамъ и командамъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои по злоупотребленіямъ, до сего вкравшимся находились въ частныхъ услугахъ по деревнямъ, дачамъ и домамъ, такъ какъ и излишнихъ сверхъ положеннаго числа денщиковъ, нужнымъ почитаемъ чрезъ сіе

подтвердить всѣмъ инспекторамъ, въ томъ числѣ и Вамъ, дабы въ дивизіи Вами командуемой, вышеизображенное повелѣніе Наше въ самой точности и безъ малѣйшаго замедленія исполнено было...». О взглядѣ, въ частности, на офицерское званіе свидѣтельствуетъ слѣдующее: «По Высочайшему повелѣнію всѣмъ г.г. генераламъ, имѣющимъ у себя положенныхъ имъ адъютантовъ дѣлается замѣчаніе, чтобы отнюдь не употреблять въ посылки по своимъ надобностямъ адъютантовъ, кои имъ назначаются для отправленія службы Государской, а не для посылокъ по своимъ нуждамъ; въ противномъ же случаѣ, чтобы опасались суда». Особенное неудовольствіе начальствующихъ лицъ вызвало, что «Государь Императоръ сдѣлалъ примѣчаніе всему генералитету, что сказываются больными для отбыванія отъ службы, когда она нужна, то и совѣтуетъ таковымъ лучше оную совсѣмъ оставить. Господа генералитетъ сами собою розыщутъ, до кого оно слѣдуетъ» ¹⁾).

¹⁾ Исторія Государевой Свиты, приложенія.

Несмотря на строгость службы и совершенное безпристрастие въ требовательности со стороны Павла Петровича ко всѣмъ начальникамъ, интрига и соперничество между Его приближенными процвѣтали. Начало 1800 года было ознаменовано цѣлымъ рядомъ крутыхъ мѣръ, направленныхъ или противъ отдѣльныхъ личностей или къ выставленію Павла Петровича въ непривлекательномъ видѣ; конецъ же 1800 года заключенъ былъ цѣлымъ рядомъ милостей для всѣхъ штрафованныхъ и исключенныхъ изъ службы. «Всѣ эти перемѣны, приписываемыя Павлу, были только послѣдствіемъ глубоко заходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостью, съ какою она произведена

Личный значекъ атамана В. П. Орлова въ бытность его начальникомъ Лейбъ-казачьей команды.

была въ исполненіе» ¹⁾). Объ интригѣ этой графъ Паленъ откровенно говорилъ Ланжерону, что онъ стремился усилить общее ожесточеніе противъ Императора. «Крутыя мѣры, исторгаемыя у Павла, имѣли цѣлью вызвать озлобленіе общества противъ Императора; искаженіе смысла Императорскихъ повелѣній или карикатурно-точное ихъ выполненіе должно было представить ясныя, повидимому, доказательства психическаго разстройства Государя» ²⁾).

И вотъ жертвою интригъ, свившихъ себѣ гнѣздо у подножья престола, въ первую же очередь падаютъ одни изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Государя— Лейбъ-казаки свиты Его Величества полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ и родной братъ его подполковникъ и георгіевскій кавалеръ Петръ.

Печальное дѣло братьевъ Грузиновыхъ имѣетъ слишкомъ важное значеніе для исторіи Лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка и заслуживаетъ полного вниманія особенно въ настоящее время, когда, благодаря новѣйшимъ разъясненіямъ и историческимъ даннымъ, представляется уже возможнымъ снять съ

¹⁾ Гейкингъ.

²⁾ Е. С. Шумигорскій.

памяти братьевъ Грузиновыхъ и съ памяти другихъ, пострадавшихъ съ ними Донцовъ, безчестіе государственнаго преступленія и тѣмъ самымъ доказать, что на страницахъ исторіи Лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка не можетъ быть мѣста какому бы то ни было повѣствованію объ измѣнѣ вѣрныхъ Государевыхъ слугъ.

Евграфъ Грузиновъ, сынъ старшины Войска Донскаго Осипа Грузинова, заслуженнаго ветерана Екатерининскихъ войнъ, происходилъ изъ Донскихъ казаковъ Старочеркасской станицы. Въ 1793 году, будучи полковымъ есауломъ, онъ привелъ команду Донскихъ казаковъ въ Гатчину и, начальствуя тамъ надъ «Гатчинскими казацкими эскадронами», въ 1795 году, по представленію генерала Салтыкова, произведенъ въ Войсковые старшины, съ мѣста заслуживъ расположеніе Цесаревича Павла Петровича своей усердною службою и исполнительностью. Статный, высокій, красивый Донецъ, богатырской силы, смѣтливый и ловкій, искренно преданный Павлу Петровичу, онъ скоро снискалъ полное довѣріе Цесаревича, успѣшно выполняя возлагаемыя на него, иногда и секретныя, порученія.

Такъ, 23-го Января 1796 года, еще будучи Наслѣдникомъ, Павелъ Петровичъ писалъ Аракчееву: «Возвращаю къ вамъ Грузинова рапортъ. Прошу узнать, что слышно о сихъ движеніяхъ войскъ, даже, что и врутъ, а при томъ, гдѣ и какъ долго стоять будутъ». И 30-го Января: «Здѣсь пріобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволенъ точностью и расторопностью его и его донесеніями. Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобы онъ ее прочелъ и видѣлъ Мое удовольствіе». Въ этомъ же году Грузиновъ былъ уже подполковникомъ. Безотлучно состоя со своими Донцами при Павлѣ Петровичѣ, Грузиновъ 6-го Ноября 1796 года сопровождалъ Павла при слѣдованіи Его изъ Гатчины въ Петербургъ и въ эти минуты всеобщей растерянности, своею рѣшительною исполнительностью заслужилъ вниманіе и признательность Государя, такъ что, сдѣлавшись вполнѣ довѣреннымъ лицомъ Императора, въ качествѣ тѣлохранителя Грузиновъ даже спалъ во дворцѣ у входа въ Царскую спальную. При воцареніи Павла Петровича, когда только что формировался Лейбъ-казачій полкъ, Грузиновъ, хорошо зная характеръ и взгляды Павла Петровича еще по Гатчинской службѣ, является, такъ сказать, посредникомъ и проводникомъ Царскихъ требованій среди казаковъ, будучи самымъ дѣятельнымъ участникомъ организаціи полка, при чемъ, командуя Лейбъ-казаками, онъ назначается шефомъ второго эскадрона. 10-го Апрѣля 1797 года онъ произведенъ въ полковники и въ этомъ же году успѣшно выполняетъ возложенное на него порученіе по усмиренію волнений среди крестьянъ Ладожскаго уѣзда. Въ 1798 году, вернувшись изъ похода въ Финляндію, гдѣ казаки содержали кордонную стражу, за что Высочайшимъ приказомъ ему была объявлена Царская благодарность, онъ сдаетъ начальство надъ Казачьими эскадронами генералу Денисову, назначенному командиромъ Лейбъ-гвардіи казачьяго полка, и продолжаетъ командовать въ составѣ полка вторымъ имени своего эскадрономъ. Высочайшимъ при паролѣ отданнымъ приказомъ отъ 29-го Іюня того же года «Лейбъ-

казачьяго полка полковникъ Грузиновъ 1-й опредѣляется въ Свиту Его Императорскаго Величества».

Къ этому времени въ Лейбъ-казачьемъ полку служатъ еще братья Евграфа Осиповича: Грузиновъ 2-й, Петръ, въ 1797 году произведенный изъ маіоровъ въ подполковники, до этого времени служившій въ арміи, и подъ начальствомъ генерала Денисова отличившійся въ Польской кампаніи 1794 года въ сраженіяхъ 15-го Іюня при Липовскомъ полѣ и 29-го Сентября при Маціеовицахъ, гдѣ имъ отбиты двѣ пушки, за что онъ и былъ 26-го Ноября 1795 года награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ Грузиновъ 3-й, Романъ, будучи въ Гатчинскихъ казацкихъ эскадронахъ, въ 1796 году произведенный изъ Донскихъ хорунжихъ въ поручики, назначенный полковымъ адъютантомъ и въ 1798 году произведенный въ ротмистры. И Грузиновъ 4-й, Афанасій, въ 1797 году Всемилостивѣйше произведенный изъ Донскихъ есауловъ въ корнеты и переведенный въ Лейбъ-казачій полкъ. Возвращаемся къ дѣлу братьевъ Грузиновыхъ.

Генераль-маіоръ
КОЛОДРИВОВЪ.

Командиръ Лейбъ-гусарскаго Лейбъ-казацкаго полка.
1796—1798.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Интриги заговорщиковъ противъ Грузиновъхъ. — Увольненіе Грузиновъхъ изъ полка. — Положеніе Евграфа Грузинова на Дону — надзоръ за нимъ. — Генералы Репнинъ и Кожинъ. — Арестъ Грузиновъхъ. — Донесеніе Кожина. — Судъ и приговоръ.

Н. Самойловъ.

Группа злонамѣренныхъ лицъ, образовавшихъ заговоръ, душою котораго становится графъ Палень, начинаетъ постепенно подготавливать для себя благоприятную почву и создавать обстановку еще съ 1798 года. Но какъ бы имъ ни удавалось при помощи «тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адской ловкостью», возбуждая неудовольствіе противъ Императора, тѣмъ самымъ увеличивать число своихъ сообщниковъ,—до тѣхъ поръ пока вблизи Государя оставались такіе преданные люди какъ Грузиновъ,—злодѣи не могли достигнуть своей цѣли. И вотъ сначала, пользуясь минутой гнѣва Павла Петровича, подводятъ подъ гнѣвъ этотъ брата Евграфа Осиповича, почему 24-го Апрѣля 1798 года: «Лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-ой исключается изъ списковъ». Можно было предполагать, что немилость обращенная къ Грузинову 2-му, отразится и на Грузиновѣ 1-мъ и, такимъ образомъ, рассчитывая на характеръ Павла Петровича, Грузиновъ 1-ый тоже будетъ удаленъ, или же обиженный за брата онъ отойдетъ самъ отъ Императора на сторону недовольныхъ, а съ нимъ молъ заручатся если не содѣйствіемъ, то хотя бы без-

дѣйствіемъ покорныхъ Грузинову казаковъ. Но видно расчеты эти не оправдались и Высочайшимъ указомъ 29-го Іюня—«бывшій Лейбъ-казачьго полку подполковникъ Грузиновъ 2-ой всемилостивѣйше прощается».

Тогда интриги обращаются непосредственно противъ Грузинова 1-го. Поистинѣ «съ адскою ловкостью» былъ использованъ нравъ Государя. Зная, какъ Онъ, вѣрившій въ святость державной власти Помазанника Божія,—враждебно-подозрительно относился ко всему, подъ вліяніемъ ужасовъ французской революціи, что имѣло хотя бы намекъ на «якобинство», заговорщики стараются на этой почвѣ возбудить недовѣріе Императора къ укладу исторической самобытности Донского казачества, будто бы въ обычаяхъ своихъ и общественной жизни имѣющаго республиканскій отпечатокъ, а дальше перенести это недовѣріе на Донского же казака Грузинова. Были пущены въ ходъ всяческіе способы, невзначай вспоминался Пугачевскій бунтъ, самовольный уходъ Донскихъ казаковъ съ Кубани, бывшій незадолго передъ этимъ, намекалось о какихъ-то слухахъ о вольнолюбивыхъ домогательствахъ Донскихъ казаковъ и ко всему этому какъ то примѣшивалось имя Грузинова. И вотъ, когда ядъ сомнѣнія возымѣлъ свое дѣйствіе на подозрительную душу Павла, то Ему все еще высказывавшему недовѣріе къ обвиненіямъ, возводимымъ на Его любимца, было приготовлено доказательство, что Грузиновъ, раньше и не помышлявшій о поѣздкѣ на Донъ, теперь, когда у него совѣсть не чиста и когда въ его преступныхъ цѣляхъ ему необходимо быть на Дону,—онъ сразу съ радостью согласится на поѣздку, если Императоръ ему предложитъ. Надо сказать, что коварные люди только что передъ этимъ отъ самого же Грузинова узнали, что онъ получилъ письмо отъ своего престарѣлаго отца, разбитаго параличемъ и умирающаго, который настойчиво звалъ старшаго сына повидаться передъ смертью. И вотъ, увлеченный подозрѣніями, Павелъ Петровичъ соглашается на испытаніе и неожиданно предлагаетъ Грузинову съѣздить на родину повидаться со своими, а кстати даетъ ему и нѣкоторыя служебныя порученія на Донъ. Грузиновъ счастливъ милостивымъ вниманіемъ Государя, такъ отвѣчающимъ его стремленіямъ этой минуты и рассказываетъ Государю о полученномъ отъ отца письмѣ, но въ то же время и чувствуетъ что-то недоброе. А въ Павлѣ Петровичѣ сомнѣніе недовѣрія еще борется съ тѣмъ сознаніемъ личной безопасности и спокойствія, которое было у Него всегда при близости къ Нему Его испытаннаго и преданнаго тѣлохранителя «Осиповича», какъ часто Государь называлъ Грузинова. При прощаніи оба были растроганы и Государь, говоря Грузинову, чтобы тотъ поскорѣе возвращался, что, впрочемъ, Онъ Самъ ему напишетъ, когда пріѣзжать, пожаловалъ ему деревню и 1.000 душъ крестьянъ. Едва Грузиновъ уѣхалъ, какъ враги его поспѣшили довести дѣло до конца и, упрочивъ недовѣріе Государя къ ничего не вѣдающему Грузинову, добиваются того, что отдается Высочайшій приказъ отъ 17-го Сентября 1798 года: «Свиты Его Императорскаго Величества полковникъ Грузиновъ 1-ый за ложное себя рапортованіе больнымъ чрезъ 6 недѣль исключается изъ полка и посылается на Донъ съ фельдъ-егеремъ».

Собираясь, Грузиновъ еще въ Петербургѣ видѣлъ, какую радость вызываетъ его отъѣздъ въ генералахъ Ливенѣ, Паленѣ и Бенигсенѣ, и недоброе предчувствіе закралось въ его душу. Грузинова въ пути сопровождалъ курьеръ, данный ему яко бы для почета. Въ Черкасскѣ пріѣздъ Грузинова, какъ новаго лица изъ Петербурга, да еще любимца Государя, произвелъ большой переполохъ. Доносы и сутяжничество въ то время на Дону уже достаточно процвѣтали, почему многія лица могли отнести этотъ пріѣздъ за свой счетъ и безпокоиться, что настало время давать отвѣтъ. Грузиновъ засталъ своего отца еще въ живыхъ, но не радовало его отцовское настроеніе, — старикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, яснѣе другихъ сознавалъ тревожное положеніе вообще, а въ частности, сыновей своихъ въ Петербургѣ. Тѣмъ временемъ курьеръ, пріѣхавшій съ Грузиновымъ, передалъ атаману Орлову привезенную инструкцію отъ Палена о секретномъ надзорѣ за Грузиновымъ, съ указаніемъ слѣдить за нимъ, гдѣ онъ бываетъ, что говорить, какъ себя держать и что «не найдутся ли на Дону люди, которые, будучи свидѣтелями нечестивыхъ дѣлъ Грузинова, сумѣютъ послѣ доказать о семъ формально». Тѣмъ не менѣе атаманъ на другой же день пріѣхалъ провѣдать Грузинова для того, чтобы на всякій случай оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Царскимъ любимцемъ, — вѣдь времена были переменчивыя. — «Я пріѣхалъ къ вамъ освѣдомиться о драгоцѣнномъ здравіи Его Императорскаго Величества», — сказала Войсковой атаманъ, низко опустивъ голову при упоминаніи о Царскомъ титулѣ. — «Государь находится въ вождѣлѣнномъ здравіи и повелѣлъ мнѣ передать вашему высокопревосходительству о Его неизмѣнномъ къ вамъ и Войску Донскому благоволеніи». Орловъ поднялъ голову и выпрямился: — «А ваше, господинъ полковникъ, милостивый государь мой, каково здоровье и на долго ли изволили къ намъ пожаловать». — «Несказанно благодаренъ за честь, прибылъ я сюда для свиданія съ родителемъ и пробуду до осени. Государь мнѣ повелѣлъ освѣдомиться и секретно отписать Его Величеству, всѣ ли, назначенные въ Цѣсарскую землю, полки выступили и готово ли Донское Войско усилить ихъ, если бы потребовали обстоятельства». Атамана удивило такое порученіе, у него лежала въ карманѣ бумага о надзорѣ за Грузиновымъ, а между тѣмъ Грузиновъ въ такомъ довѣрїи у Государя. Попросивъ передать Государю о всегдашней готовности къ службѣ Войска Донского, атаманъ уѣхалъ, а Грузинова наперерывъ стали навѣщать черкасскіе обыватели, стремясь узнать петербургскія новости. Нѣсколько мѣсяцевъ Евграфъ Оси-

Императоръ Павелъ I.

повичъ провелъ на Дону въ страшномъ томленіи. Черкасскъ часто казался ему могилой, изъ Петербурга ни отъ кого ни вѣсточки. Даже родной братъ Петръ писалъ только о своемъ здоровьѣ, да освѣдомлялся о положеніи отца, ни о службѣ, ни о придворныхъ новостяхъ, ни тѣмъ болѣе, о Государѣ, въ письмахъ не было даже намековъ. Къ тягости положенія присоединилось высокомерное отношеніе атамана, которое Орловъ при каждой встрѣчѣ старался дать почувствовать. Къ тому же нѣкій казакъ Низовкинъ, цѣловальникъ по профессіи, зачастилъ подъ всякими предлогами въ домъ Грузинова. Домашніе Грузинова замѣчали, что человекъ этотъ часто появлялся около дома ночью или позднимъ вечеромъ и какъ будто присматривался ко всѣмъ посѣщавшимъ Грузинова. Старикъ отецъ, какъ бы предчувствуя, чѣмъ можетъ кончиться двухсмысленное положеніе сына, предостерегалъ его быть осторожнѣе, ибо за нимъ видимо учрежденъ какой-то надзоръ. Интересъ для слѣдящихъ за Грузиновымъ въ скоромъ времени усилился тѣмъ, что Грузиновы пріютили какого то прохожаго странника-богомольца — человекъ бывалаго и начитаннаго, съ которымъ Евграфъ Осиповичъ началъ, что называется, отводить душу въ разговорахъ на религіозныя и другія отвлеченныя темы, — а изъ такихъ разговоровъ, конечно, при желаніи можно было всегда надергать отдѣльныхъ выраженій и фразъ, компрометирующихъ Грузинова.

Въ скоромъ времени Грузиновъ невольно далъ еще новый поводъ къ возведенію на него разныхъ обвиненій: къ нему въ Черкасскѣ явились ходоки отъ общества крестьянъ деревни, пожалованной ему, передъ отѣздомъ изъ Петербурга, Павломъ Петровичемъ. Крестьяне хотѣли повидаться съ своимъ новымъ владѣльцемъ и переговорить съ нимъ, какъ имъ быть на оброкѣ или какъ либо иначе. Удрученный своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, Грузиновъ пересталъ интересоваться своими дѣлами, да къ тому же въ его вольной казачьей головѣ не уживалось представленіе о владѣнн людми, почему онъ ихъ отпустилъ безъ всякихъ условій: «ничего мнѣ отъ васъ не надо, идите домой, живите какъ жили, я отъ Государя моего и безъ васъ всѣмъ доволенъ, для чего вы мнѣ здѣсь, а къ вамъ туда я не поѣду, мнѣ некогда, какіе тутъ крестьяне». Крестьяне упали въ ноги Грузинову, благодаря его за милость, на что Грузиновъ, поднимая ихъ, сказалъ, что такъ кланяться надо Богу, а не человекъ. Этотъ разговоръ тоже дошелъ до его недоброжелателей. Удрученное состояніе духа, въ которомъ находился Грузиновъ, полный тревожной неизвѣстности, стало выражаться въ крайней его раздражительности: однажды, когда къ нему явились два сослуживца по гвардіи, казаки Поповъ и Космынинъ, получить съ Грузинова деньги, которыя онъ занялъ у нихъ еще въ Петербургѣ на дорогу, то Грузиновъ, бывший безъ денегъ и въ то же время изъ гордости не желавшій у кого либо одолжаться, просилъ ихъ подождать, когда же они стали настаивать, то онъ вспылить и въ раздраженіи сказалъ нѣсколько неосторожныхъ словъ, что если они не хотятъ ждать, то пусть жалуются хоть Царю, что какія у него были деньги на Царской же службѣ истратилъ: жалованье алтынное, а во дворецъ не могъ же онъ являться оборвышемъ. Эти слова впо-

слѣдствіи также послужили къ обвиненію Грузинова. Уже почти около года жилъ въ Черкасскѣ Евграфъ Осиповичъ, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга его родной братъ Петръ, исключенный изъ Лейбъ-казачьяго полка по Высочайшему повелѣнію, но неизвѣстно за что. Петръ Осиповичъ по натурѣ своей веселый человѣкъ пріѣхалъ скучнымъ, необщительнымъ и когда Евграфъ, жадный до придворныхъ новостей и всего того, что произошло послѣ его отъѣзда изъ Петербурга, приставалъ съ разспросами, то Петръ или отговаривался незнаніемъ или все отмалчивался. Однажды, разговорившись въ дружеской компаніи, Петръ Грузиновъ не выдержалъ и высказался, обращаясь къ своему брату Евграфу, что онъ, Петръ, исключенъ изъ гвардіи безъ всякой вины только за то, что онъ родной братъ Евграфа, что давно бы онъ сказалъ, а рассказывать все боится, ибо ему заказали, да какъ заказали... «Ты, братъ, смотри, скоро до тебя доберутся. Мало, что тебя удалили, еще удавятъ. Вѣдь ты думаешь, что тебя пощадятъ, нѣтъ, другъ любезный, тебя надо сжить со свѣту. Ты былъ и до сихъ поръ есть имъ помѣха. Имъ надо вонъ чего — Его убрать, а ты помѣха, а теперь Алексѣй Петровичъ Орловъ помѣха и его уберутъ, ужъ два раза въ Сибирь ссылали, да неудачно».

Казакъ XIX столѣтія.

«Ну, да Орлова не такъ то бояться, онъ баринъ, его, говорятъ они, можно и въ Петербургѣ придержать, а тебя надо имъ сплавить такъ, чтобы отъ тебя и слѣда не осталось. Царь имъ не въ угоду, строгій очень, непостоянный... простоту завелъ, никому не вѣрять. Ты, братъ, ушелъ бы куда-нибудь уходомъ или отрекся бы, чую я, что бѣда будетъ, они тебя бояться... Думаютъ: а что, если Царь опомнится, да Евграфа Грузинова возвратитъ — дѣлу ихъ капутъ, потому знаютъ и твою длань, и умъ, и приверженность; боюсь я за тебя и за отца, и за всѣхъ нашихъ родичей; мнѣ велѣли, чтобы я имъ, потаясь тебя и отца, писалъ о всемъ, что ты дѣлаешь, куда ѣздишь, съ кѣмъ и о чемъ говоришь, кому что посылаешь, обѣщали и въ гвардію воротить меня и чинъ большой дать. А я не могу — до сихъ поръ ни одной строчки. Какъ же такъ на брата» ¹⁾.

Понялъ Грузиновъ, въ какую бѣду онъ попалъ, и у него явилось предположеніе не лучше ли дѣйствительно куда-нибудь бѣжать или тайкомъ пробраться въ Петербургъ и раскрыть глаза Государю. Дальнѣйшій разговоръ на эту же тему братья Грузиновы вели со своими друзьями уже на улицѣ, провожая ихъ ночью по домамъ. Здѣсь опять Грузиновыми былъ замѣченъ казакъ Низовкинъ, который, прячась, слѣдовалъ

¹⁾ А. А. Карасевъ. «Полковникъ Грузиновъ».

за ними и для нихъ уже стало несомнѣннымъ, что онъ поставленъ за ними слѣдить и подслушивать. Очевидно, и этотъ разговоръ былъ переданъ кому слѣдуетъ. Овладевъ- шее Грузиновымъ отчаяніе продержало его въ нерѣшительности все лѣто между побѣ- гомъ и надеждами, что Павелъ Петровичъ вспомнитъ о немъ и вернетъ его къ Себѣ.

Не удержался въ полку и Грузиновъ 3-й, Романъ Осиповичъ, уволенный отъ службы маіоромъ 13-го Октября 1799 года. Наступилъ 1800 годъ. Въ началѣ августа прибылъ въ Черкасскъ одинъ изъ инспекторовъ арміи генераль Кожинъ, который вмѣстѣ съ генераломъ Репнинымъ, пріѣхавшимъ раньше для производства слѣдствія надъ Грузиновымъ, имѣли секретное совѣщаніе съ атаманомъ. На другой день послѣ этого въ домъ Грузиновыхъ явился полиціймейстеръ со стражею и аресто-

Казакъ.

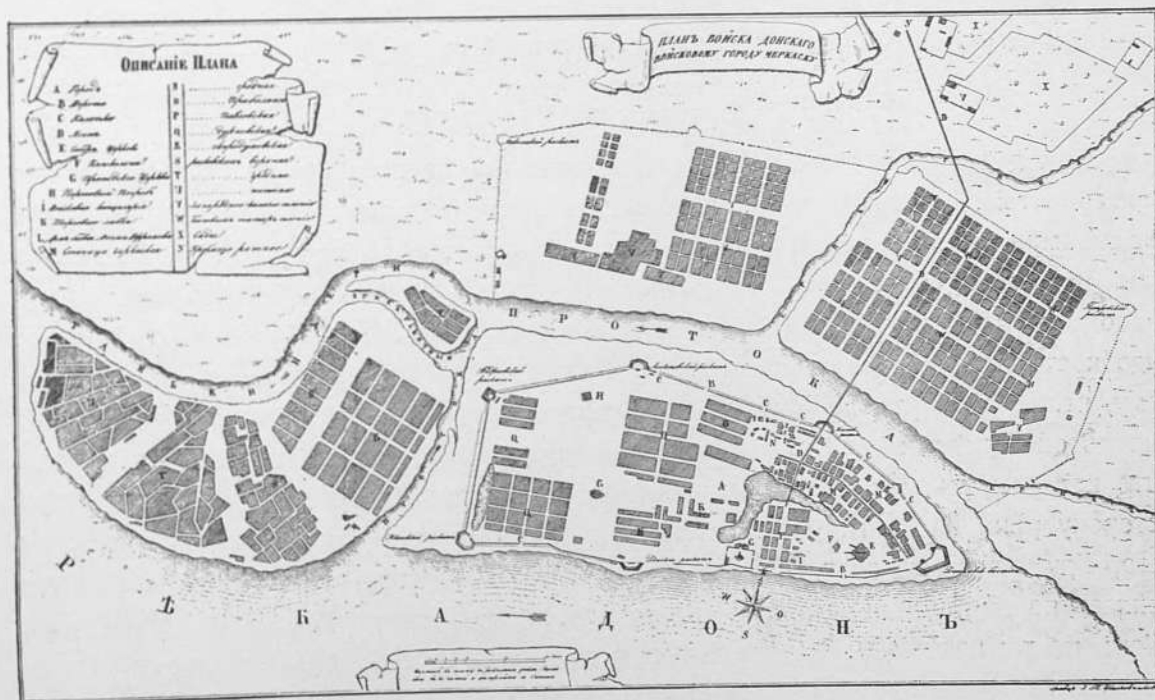
валъ Евграфа Осиповича, который и былъ отве- денъ въ тюрьму, вмѣстѣ съ нимъ былъ аресто- ванъ и братъ его Петръ. «Объ арестѣ двухъ братьевъ заговорилъ сначала Черкасскъ, а по- томъ и все Войско Донское... Шепотомъ, пред- варительно осмотрѣвшись во все стороны или вплотную прикрывши все двери. Думка у всехъ была одна — извести хотя бы Государя, а потому истребляютъ вѣрныхъ слугъ Его. Ею заражены были и начавшая въ тѣ поры нарождаться дон- ская аристократія, и простое казачество, видѣв- шее свое счастье въ лицѣ Государя, безъ кото- раго ему не жить. Хотя извѣстія изъ Франціи доходили на Донъ въ неполномъ и значительно искаженномъ видѣ, тѣмъ не менѣе, грамотные Донцы имѣли нѣкоторое понятіе о существѣ пере- ворота и не могли не раздѣлять опасенія, что то же самое можетъ сдѣлаться и на Руси. А разъ случится что-либо подобное, Донцамъ, какъ Ван-

дейцамъ, придется выносить на себя всю тяжесть защитниковъ идеи едино- державія, или, вѣрнѣе, погибнуть за нее. Вотъ, почему, неожиданно свалившееся на Грузиновыхъ, несчастье сдѣлалось какъ бы общимъ бѣдствіемъ для Дона, а потому сознавалась потребность открыть Государю глаза¹⁾».

У всехъ было сомнѣніе, что это произошло по Царскому повелѣнію. Стали устраиваться различныя собранія. Одно изъ собраній послало выборныхъ лицъ къ атаману съ просьбой показать именное повелѣніе Государя. Атаманъ, закрывъ текстъ рукой, показалъ подпись Императора и такимъ путемъ ему удалось убѣ- дить генерала Мартынова и полковника Жирова. Генераль Кожинъ вмѣстѣ съ Репнинымъ, у которыхъ были въ рукахъ все нити Грузиновскаго дѣла, узнавъ

¹⁾ А. А. Карасевъ. «Полковникъ Грузиновъ».

о посѣщеніи Мартыновымъ и Жировымъ атамана и о сборищахъ, стали торопиться окончаніемъ судебного разсмотрѣнія. Атаманъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ «мутители» разѣхались по своимъ домамъ, а то съ ними поступать такъ же, какъ и съ Грузиновыми. Онъ говорилъ, по внушенію Кожина, что на это у него есть Высочайшій указъ. Всѣ были такъ напуганы, что не замедлили поразѣхаться. Поле дѣйствій для Кожина и Репнина было очищено. Была образована комиссія, которую составляли: презусъ генераль-маіоръ Родіоновъ 1-й, ассесоры полковники—Агѣевъ, Слюсаревъ, подполковники—Иловайскій, Леоновъ, войсковые старшины—Щедровъ, Чикилевъ; аудиторскія обязанности исполнялъ войсковою есауль Юдинъ. Присутствовалъ въ этой комиссіи протоіерей Волошеневскій,

вызванный для увѣщаній полковника Грузинова, который выслушивалъ всѣ эти увѣщанія съ горькою усмѣшкою на устахъ. На судѣ полковникъ Грузиновъ держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ и спокойно. На многіе вопросы онъ не отвѣчалъ, такъ какъ находилъ, что ни воинскимъ, ни гражданскимъ судомъ судимъ онъ быть не можетъ. Единственный ему судья—это Царь. Прослушавъ нѣкоторыя показанія Грузинова, комиссія приступила къ допросу свидѣтелей. Нѣкоторые изъ свидѣтелей своими показаніями поколебали невинность полковника. Показаніе Грузинова было записано, при чемъ прибавлено, что подсудимый давалъ его, пренебрегая судъ и грубо, и что свидѣтели показывали, что Грузиновъ произносилъ на Государя и Государыню ругательныя слова. Закончивъ допросъ свидѣтелей, комиссія приступила къ постановленію окончательной сентенціи.

Сущность обвинительнаго акта сводилась къ тому, что будто бы Грузиновъ съ какимъ-то войскомъ хвалился взять Константинополь, населить его разныхъ

вѣръ людьми, учредить тамъ свой сенатъ и управленіе, что если бы онъ пошелъ съ оружіемъ въ рукахъ по Россіи, то не такъ, какъ Разинъ или Пугачевъ, а такъ, что Москва затряслась бы, — все это былъ наборъ отдѣльныхъ подслушанныхъ фразъ, искусно подтасованныхъ врагами Грузинова. Само по себѣ обвиненіе было настолько нелѣпо и оскорбительно, что Грузиновъ даже пересталъ и отвѣчать на задаваемые ему судомъ вопросы ¹⁾.

Вторая военно-судная коммиссія, разбиравшая дѣло Петра Грузинова, состояла изъ презуса генераль-маіора Поздѣева 1-го и ассесоровъ—полковника Иловайскаго, полковника Мѣшкова, подполковника Чернозубова, подполковника Ребрикова, войскового старшины Гнилозубова, войскового старшины Персіянова; аудиторомъ былъ квартирмейстеръ Номикосовъ.

Кожинъ спѣшилъ донести въ Петербургъ:

«Вашему Императорскому Величеству.

Всеподданнѣйше доношу, что вчерашняго дня случилось здѣсь нижеслѣдующее происшествіе. Находящійся здѣсь подъ особеннымъ присмотромъ генерала Орлова, исключенный изъ службы подполковникъ Грузиновъ 2-й, при захожденіи солнца находящійся здѣсь заливъ, называемый Протокой, хотѣлъ переѣхать верхомъ въ самомъ устьѣ впаденія оной Протоки въ рѣку Донъ. Часовой, поставленнаго по удобства положенія сего мѣста на другой сторонѣ онаго залива бекета, закричалъ ему, чтобы онъ тутъ не ѣздилъ, потому тутъ ѣздить запрещено, а ѣхалъ бы на мостъ оной протоки, гдѣ и поставленъ еще другой бекетъ. Онъ и на сіе отвѣчалъ, что караулы, генералы, фельдмаршалы ему ничего не значать и что ѣдетъ на другую сторону рѣки Дона открывать непріятеля; тогда часовой бросился для удержанія его, Грузинова, въ воду, но онъ отъ него взялъ гораздо глубже, пустился тогда вплавъ по рѣкѣ Дону, стараясь добраться гораздо выше лежащаго чрезъ рѣку Донъ моста; извѣщенный тотчасъ о семъ правящій теперь здѣсь должность плацъ-маіора Атаманскаго полка командиръ подполковникъ Иловаискій 8-й бросился на коня и настигъ его вмѣстѣ съ есауломъ Леоновымъ уже на мосту, гдѣ, взявъ его, отвелъ къ генералу Орлову, который приказалъ его отвести въ домъ и окружить оной часовыми, не слышавъ еще тогда о словахъ, имъ часовому говоренныхъ.

Въ самое же то время, когда генералъ Орловъ извѣстилъ, что вышеупомянутый подполковникъ Грузиновъ 2-й изъ дому своего отлучился, то послалъ онъ своего караула казака именемъ Пастухова въ оный домъ узнать, куда онъ поѣхалъ; вышедшій къ оному казаку братъ его, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ 1-й, на спросъ его о братѣ зачалъ ругать наиподлѣйшими мерзкими бранями войскового атамана, меня и генерала Репнина, а потомъ несравненно паче всего сей неистовый извергъ изрекъ таковыя же слова противъ освященнѣйшей

¹⁾ «Существо отвѣтовъ подсудимаго Грузинова, а также свидѣтельскихъ показаній взято изъ обрывковъ копій съ дѣла, найденныхъ во время большого пожара въ Новочеркасскѣ 1858 года, когда сгорѣлъ Войсковой Архивъ». — А. А. Карасевъ.

особы Вашего Императорскаго Величества. По рапортѣ о семь происшедшемъ казака, я, войсковой атаманъ Орловъ и генераль Репнинъ пошли къ нему въ домъ; гдѣ онъ былъ сташенъ подполковникомъ Иловайскимъ 8-мъ съ чердака, по здѣшнему палатами именуемаго, и взятъ. Мы его при себѣ раздѣли и, яко важнаго преступника противъ своего законнаго Государя и Помазанника Божія, заковавъ какъ можно крѣпче, повергли въ преисподнюю темницу.

Наряженъ былъ тотчасъ военный судъ. 10-го сего дня по утру былъ онъ введенъ въ судейскую, съ приличнымъ карауломъ и коннымъ конвоемъ, гдѣ мы, войсковой атаманъ, генераль Репнинъ и я, были сами свидѣтели его допроса и гдѣ онъ тотчасъ показалъ безъ малѣйшаго принужденія все вышеписанное, прибавляя къ сему, что онъ то же самое и при какихъ именно казакахъ еще весною говариваль, также когда принуждали его подписаться исключеннымъ, то онъ говорилъ, что онъ еще не знаетъ, почему онъ подданный Вашего Императорскаго Величества; при этомъ имъ самимъ писаннымъ найдѣнъ у него проектъ о заведеніи какой-то арміи и прочее въ приговорѣ судейскомъ подробно описанное. Суду я предложилъ по важности уже иныхъ пунктовъ, тотчасъ свой приговоръ сдѣлать, для скорѣйшаго всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, поелику послѣдствія они могутъ потомъ продолжать.

Брата же его посадили въ колодки также подъ караулъ, допроса же ему не успѣли сдѣлать; впрочемъ не преминемъ общими силами всякими образами и кромѣ суда исторгать изъ нихъ, нѣтъ ли сообщниковъ и прочихъ какихъ-либо злоумышленій.

Также всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству счастье имѣю донести, что поимка, открытіе и отсылка бѣглыхъ здѣсь происходитъ безпрестанно, караулы и все по сіе число обстоитъ благополучно. О чемъ Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшимъ благоговѣніемъ всеподданнѣйшее счастье имѣю донести.

Всеподданнѣйшій Генераль-Адъютантъ *Кожинъ*» ¹⁾.

Г. Черкасскъ.
1800 г. Августа 13 дня.

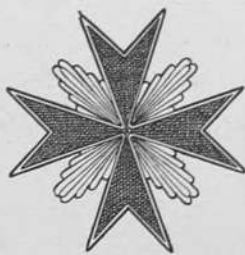
Казачій строй.

¹⁾ Моск. О. Арх. Г. Ш. «Книга донесеній по военно-походной Его Императорскаго Величества канцеляріи» за 1800 г. № 673.

Изъ донесенія Кожина Государю видно, что судная комиссія такъ торопилась, что приступила къ составленію приговора, не дожидаясь окончанія дѣла. Прокуроромъ Миклашевичемъ былъ поданъ протестъ по существу приговора и отправленъ въ Петербургъ, но обстоятельство это лишь ускорило развязку.

25-го Августа былъ назначенъ нещадный кнутъ для Евграфа Грузинова и такой же простой для Петра, а особое совѣщаніе обѣихъ комиссій приговорило свидѣтеля войскового старшину маіора Ивана Афанасьевича Апонасова и трехъ Лейбъ-казаковъ нижнихъ чиновъ Луганской станицы, Василія Попова, Илью Колесникова и Зиновія Космынина—«за несвоевременное донесеніе о хулительныхъ словахъ на Высочайшую персону къ отрубленію головы». Копія сентенціи, по утвержденіи ея атаманомъ Орловымъ, была препровождена къ войсковому прокурору Миклашевичу. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: приговоръ комиссії составленъ 25-го Августа, а Высочайшій указъ объ этомъ же сенату: «исключеннаго изъ службы полковника Грузинова 1-го за измѣну противъ Насъ и государства повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ..., а имѣнія его отписать въ казну»—26-го Августа. Такимъ образомъ выходитъ, что меньше чѣмъ въ однѣ сутки, при отсутствіи въ то время телеграфовъ, приговоръ побывалъ въ Петербургѣ, былъ утвержденъ Государемъ и возвратился обратно.

Старочеркасская соборная церковь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Казнь.—Грамота атамана Орлова.—Донесеніе Кожина.—Протестъ прокурора, возмездіе.—Служба полка въ Петербургѣ.—Удаленіе графа Денисова.—Отправка Лейбъ-казаковъ на Финское побережье.—Отставка Денисова.—Смерть Павла Петровича.

Вотъ какъ описываетъ казнь Карасевъ: «было хорошее Сентябрьское утро. Шедшіе на рынокъ и возвращавшіеся оттуда были заворачиваемы полицейскими казаками, отдававшими приказаніе Войскового атамана—всѣмъ идти на базарную площадь. Такіе же казаки ходили по всѣмъ дворамъ и требовали, чтобы всѣ обыватели отъ мала до велика отправлялись немедленно туда же. Кромѣ того, станичные есаульцы громко провозглашали на улицахъ обычное: «собирайтесь на майданъ для войскового дѣла». Шибко проскакалъ на базарную площадь атаманъ Орловъ съ конвоемъ. Конные ординарцы сновали по всѣмъ направлениямъ. Суматоха видѣлась небывалая. Старики и старухи, помнившіе татарскіе и черкесскіе набѣги, думали, что наступаетъ непріятель, а потому бабы и дѣти подняли вой. Многіе бросились прикрывать желѣзные ставни, ожидая выстрѣловъ черкесовъ со стороны Дона. Цѣлыя толпы народа, подгоняемая полицейскими, съ вытянутыми лицами приближались къ площади, гдѣ имъ представилось небывалое зрѣлище. На первомъ планѣ, на какомъ-то деревянномъ возвышеніи, стояли сани, перевернутыя вверхъ полозьями... Вокругъ этихъ сооруженій живая огорожа изъ полицейскихъ съ оружіемъ въ рукахъ, а по угламъ четырехугольника стояло 4 пушки, въ народъ направленные, и при нихъ пушкаріи съ дымящимися пальниками. Влѣво отъ этой

Донской казакъ конца XVIII ст.

картины, какъ бы прижавшись къ Петропавловской колокольнѣ, стояла группа лицъ, среди которыхъ виднѣлась высокая фигура атамана Орлова, тихо разговаривавшаго съ «сиповскими» генералами, Кожинымъ и Репнинымъ. Невдалекѣ отъ нихъ на вытяжку стоялъ полиціймейстеръ, ожидая приказаній. Какъ только площадь наполнилась народомъ, атаманъ сдѣлалъ знакъ начальнику полиціи, который бросился къ колокольнѣ и исчезъ подъ ея сводами. Прошло нѣсколько минутъ ужасающей тишины. Народъ мгновенно разступился со стороны колокольни, чтобы очистить кому-то дорогу. Взоры всей массы устремились на эту брешь. Первымъ показался полиціймейстеръ, а за нимъ два казака съ саблями наголо. За казаками шель, грозно погромыхая кандалами, Евграфъ Осиповичъ, безбоязненно взглянувшій на толпу и на эшафотъ. За нимъ два также вооруженныхъ казака... Первымъ вошелъ на возвышеніе Евграфъ Осиповичъ и вся соборная площадь ахнула... водворилась мертвая

тишина. Изъ генеральской группы отдѣлился аудиторъ Юдинъ и громкимъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, сталъ читать приговоръ. Прежде всего, до снятія кандаловъ и одежды, переломили надъ головой осужденнаго саблю, уложили Евграфа Грузинова на опрокинутыя сани, привязавъ могучія руки его къ полозьямъ толстыми ремнями. Палачъ сталъ складывать, а потомъ расправлять кнутъ изъ бычачьихъ жилъ». Началось отвратительное истязаніе. «Въ толпѣ пролетѣлъ глухой ропотъ, смолкнувшій послѣ перваго удара... Толпа услышала внятнѣйшій голосъ мученика: «Господи, помилуй»... Черезъ нѣсколько времени палачъ не выдержалъ. Поставили другого. Вскорѣ и онъ зашатался и уронилъ кнутъ. Близъ стоящій полицейскій поднялъ инструментъ и подаль его палачу, но послѣдній, закрывъ руками лицо, кнута не принялъ. Его свели съ эшафота. Произошла довольно большая заминка... третьяго палача не находилось... По обычаю аудиторъ обратился къ близъ стоящимъ свидѣтелямъ казни и предложилъ ее докончить. Вызвался одинъ полстоваль изъ пришлыхъ великороссовъ, но только что подступилъ съ этимъ намѣреніемъ къ эшафоту, какъ послышался внятнѣйшій гулъ толпы: «воля Божья, воля Божья, не ходи, не ходи». Полстоваль остановился въ нерѣшительности, глядя на начальство... Порѣшено было окончить сѣченье. Грузинова провели подъ колокольню, куда устремились за нимъ Кожинъ и Репнинъ. Какъ только мученика усадили на какой-то боченокъ, сбрызнули водкой спину и надѣли сорочку, онъ попросилъ воды, Кожинъ поспѣшилъ разрѣшить, приказавъ подать похолоднѣе.

Услужливая полиція принесла полную кружку со льдомъ и подала страдальцу. Грузиновъ трясясь, всѣмъ тѣломъ, жадно выпилъ всю воду и уронилъ кружку. Кожинъ схватилъ ее и въ ту же пору замѣтилъ, что жертва его валится на полъ. Казаки поддержали Грузинова и, пославъ грязныя тряпки, уложили на нихъ полковника. Черезъ нѣсколько минутъ наступили какія-то подергиванія во всемъ тѣлѣ засѣченнаго, кончившіяся очень легкою смертью. Грузиновъ какъ-то скосилъ глаза, икнулъ два-три раза и вытянулся. Генераль-адъютантъ Кожинъ не былъ медикомъ, но хорошо понималъ, что въ такихъ случаяхъ холодная вода съ большимъ успѣхомъ замѣняетъ самыхъ искусныхъ мастеровъ заплечнаго дѣла. Похолодѣвшій трупъ Евграфа Осиповича лежалъ подъ колокольней... Полиція распорядилась вырыть яму недалеко отъ пороховой казны, куда и помѣстила на вѣчное жительство останки Евграфа Осиповича въ наскоро сколоченномъ гробѣ».

Послѣ казни атаманъ Орловъ призвалъ къ себѣ квартирмейстера Номикосова и войскового есаула Юдина, бывшихъ аудиторами военно-судныхъ комиссій, которымъ приказалъ «опубликовать по всѣмъ начальствамъ особенную войсковою грамотою и грамоту эту такъ сочинить, чтобъ и войско убѣдилось, что Евграфъ былъ наипервѣйшій злодѣй». Вотъ эта грамота:

№ 15075, 6-го Сентября 1800 года.

«Грамота войска Донскаго изъ Войсковой Канцеляріи Внижнее Хоперское Сыскное Начальство, по Высочайшему Его Императорскаго Величества имянному Указу отъ 25-го Августа пущенному, а настоящаго мѣсяца 4-го числа въ 8 часовъ пополудни сею Канцелярією полученному, изъ ключенный изслужбы полковникъ Грузиновъ 1-ый за измѣну противу высочайшей освященнойшей Его Императорскаго Величества Особы и Государства вчерашнего дня въ 9 часовъ пополудни на публичномъ местѣ вчеркаске по лишеніи чиновъ и дворянства наказанъ нещадно кнутомъ, послѣ оной извергъ Грузиновъ черезъ два часа лишилса жизни; тысяча душъ крестьянъ всемилостивѣйше ему пожалованныхъ отписаны вказну и такъ погибъ величайшей виновникъ золь, и вместе съ нимъ хотя исчезло поносное имя его, но чтобы все верноподданные Его Императорскому Величеству и любители своего Государства могли показать къ мерскому тленію его свое прѣзреніе во всехъ станицахъ онаго начальства распубликовать»¹⁾.

Донская казачка конца XVIII ст.

¹⁾ Сохранена орфографія подлинника.

А вотъ какъ доносили объ этомъ Павлу Петровичу Кожинъ:

«Вашему Императорскому Величеству Всеподданнѣйше доношу, что сего дня удостоился я получить Всемиловѣннѣйшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе прошедшаго Августа въ 24-ый день и при ономъ копіи съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, коего удостоенъ былъ генераль Орловъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ счастье имѣю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, что вслѣдствіе моего всеподданнѣйшаго о вчерашнемъ днѣ рапорта, многіе помѣщики сами уже поскакали и всѣ почти безъ изъятія просятъ у войскового атамана Орлова въ свои хутора и слободы, чтобы очистить совершенно свою совѣсть въ разсужденіи богатыхъ людей и прочихъ по сему пункту злоупотребленій. Но я еще приостановлюсь, дабы хотя весьма не уповательно, но можетъ еще кто-либо преступилъ изъ не бывшихъ здѣсь вчерашній день и коихъ малая весьма часть, а потомъ, воспользуясь Всемиловѣннѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества позволеніемъ поспѣшу пасть къ освященнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества для принесенія рабской признательности за собственноручное высокомиловитое вниманіе Всемиловѣннѣйшаго моего Государя и Властелина.

За долгъ поставляю всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести, что казнь надъ извергомъ Грузиновымъ была сего же дня, при стеченіи многочисленной толпы народа и разнаго званія людей, коихъ въ памяти сіе зрѣлище останется надолго; я самъ однако же слышалъ, что многіе между собой, на мѣстѣ казни говоря, скорбѣли, что таковой неблагодарный извергъ между ними родился; чрезъ два часа потомъ испустилъ онъ свою зловредную душу.

Сего же дня конная Донская артиллерія, простоявъ весьма хорошо и осторожно, смѣнена Атаманскимъ полкомъ, и здѣсь все благополучно, о чемъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше счастье имѣю донести.

Вѣрноподданнѣйшій генераль-адъютантъ *Кожинъ* ¹⁾).

г. Черкасскъ.

1800 г. Сентября 5-го дня.

Враги побоялись оставить въ полку и послѣдняго Грузинова 4-го Афанасія Осиповича, который въ чинѣ поручика былъ уволенъ 22-го Сентября и затѣмъ заключенъ въ крѣпость въ Нарвѣ «по вѣдомству тайной экспедиціи».

27-го Сентября былъ казненъ войсковою старшина маіоръ Апонасовъ и съ нимъ Лейбъ-казаки Космынинъ, Поповъ и Колесниковъ, которымъ отрубили головы, а 26-го Сентября «поутру въ 9 часовъ былъ наказанъ кнутомъ подполковникъ

¹⁾ Моск. О. Арх. Г. Ш. «книга донесеній по военно-походной Его Императорскаго Величества канцеляріи» за 1800 г. № 309.

Петръ Грузиновъ, которому дано 125 ударовъ и положены знаки съ вырѣзаніемъ ноздрей» ¹⁾).

Слѣдствіемъ прокурорскаго протеста былъ Высочайшій приказъ отъ 13-го Октября того же года: «Генераль-отъ-кавалеріи Репнинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго Моею конфирмаціею» ²⁾);

Пока тянулась въ Черкасскѣ ужасная Грузиновская исторія—въ Петербургѣ полковая жизнь шла своимъ чередомъ. По исключеніи Грузинова 1-го изъ полка, второй его имени эскадронъ сталъ называться эскадрономъ генерала Денисова, т. е. командира полка. Несмотря на Грузиновское дѣло, Императоръ по прежнему продолжалъ благоволить къ полку; такъ, на примѣръ, 12-го Мая «позутру, вначалѣ 9 часа Его Величество съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и оберштальмейстеромъ гр. Кутайсовымъ, изволилъ выѣхать на парадное мѣсто, что противъ Лѣтняго сада, гдѣ построившимся подъ распоряженіемъ Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, Лейбъ-гвардіи Коннаго и Гусарскаго полковъ эскадронамъ, а также Лейбъ-казакамъ и казакамъ Уральскимъ изволилъ учинить смотръ», за что 14-го Мая было объявлено офицерамъ Высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ пожаловано по фунту мяса и по чаркѣ водки ³⁾).

Казачьи пикеты.

Разсказываютъ, будто бы обрадованные и успокоенные удачнымъ смотромъ начальники отряда и даже старшіе офицеры разѣхались, кому куда хотѣлось, по окрестностямъ столицы; но объ этомъ дошло до свѣдѣнія Государя, и онъ на другой день очень раннимъ утромъ, вызвалъ снова тотъ же отрядъ, по тревогѣ, на ученье. Бывшіе на лицо въ строю младшіе офицеры растерялись и путали команды; тогда Императоръ, приведенный въ крайнее неудовольствіе, вызвалъ впередъ своего ординарца—простого Лейбъ-казака, и велѣлъ ему командовать. Казакъ, однакожъ, не растерялся и, не зная регулярныхъ построеній, гаркнулъ громовымъ голосомъ: «корпусъ, стройся,—по вчерашнему!»

¹⁾ Записки П. М. Чеботарева.

²⁾ «Столѣтіе Военнаго Министерства». Исторія Государевой Свиты, приложенія.

³⁾ Архивъ Мин. Дв., «К.-фурьерскій журналъ», 1800 г.

— «Что? что такое?»—спросилъ Императоръ.

— «Приказаль строитья по вчерашнему, такъ какъ Ваше Императорское Величество вчера изволили остаться весьма довольными!»

Государь разсмѣялся и похвалилъ Лейбъ-казака за находчивость ¹⁾.

Осенью въ окрестностяхъ Петербурга состоялись большіе маневры, на которыхъ участвовали и Лейбъ-казаки. Какъ маневрами, такъ и самими войсками, Павелъ Петровичъ остался очень доволенъ и пригласилъ 14-го Сентября къ Своему столу командировъ частей и штабъ-офицеровъ. Для полковъ же были предложены отъ двора угощенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ отбой,—Лейбъ-казаки угощались адъютантомъ Будбергомъ въ Колпинѣ.

Такъ шло время, а заговоръ все разростался, теперь могли смѣлѣе дѣйствовать злодѣи,—вѣрнаго слуги Царскаго Грузинова не было, но сами по себѣ казаки видимо неудобны были для заговорщиковъ и вотъ, такъ или иначе, стараются ихъ подвести подъ гнѣвъ Государя, чтобы затѣмъ, поколебавъ вѣру Царя въ ихъ преданность, какъ-нибудь удалить отъ службы при Дворѣ. Еще 18-го Марта командиръ полка графъ Денисовъ «за проволочку препорученнаго ему дѣла по комиссіи военнаго суда» былъ отставленъ отъ службы, что являлось несомнѣнно отраженіемъ той же Грузиновской исторіи, а командующимъ полкомъ оставался генераль-майоръ Орловъ 2-ой. Но 6-го Ноября того же года Денисовъ принятъ по прежнему на службу, а 9-го Ноября ему повелѣно «быть въ Лейбъ-гвардіи Казачьемъ полку шефомъ». Невольно является желаніе сопоставить эти даты съ отдачею Грузинова подъ судъ, его казнью и указомъ отъ 13-го Октября воздававшимъ должное генералу Репнину.

Между тѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Европа въ политическихъ дѣлахъ своихъ совершаетъ необычайный переворотъ: непримиримые враги дѣлаются друзьями, прежніе друзья врагами; содргнувшія Европу стремленія Французской республики вдругъ объединяются, складываются въ нѣчто цѣлое и выливаются въ тѣ формы государственнаго устройства, которое подъ мощною рукою перваго консула могло казаться служить надежною гарантіею Европейскаго спокойствія. Подготавливаемая усиліями Англій Европейская коалиція противъ Франціи распадается и вмѣсто нея является союзъ континентальныхъ государствъ противъ самой Англій. Происходитъ разрывъ, на который къ тому же повліяли, съ одной стороны, эгоистичное поведеніе англичанъ въ отношеніи русскихъ во время Голландской экспедиціи, а съ другой стороны, значительно отношеніе Павла Петровича къ Наполеону сильно смягчившееся благороднымъ поступкомъ Бонапарта, великодушно отпустившаго безъ всякаго размѣна взятыхъ въ плѣнъ русскихъ около пяти тысячъ, предварительно обмундировавъ и снарядивъ ихъ по русскимъ образцамъ во все новое за счетъ Франціи. Такимъ образомъ, ожидается война съ Англіей; Россія, Пруссія, Данія и Швеція становятся противъ нея. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ принятіемъ

¹⁾ И. И. Шамшевъ.

Генераль-фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

мѣръ къ защитѣ Русскихъ береговъ. Войска наши поспѣшно стянуты въ Курляндію, Лифляндію, Эстляндію и Петербургскую губернію, подѣ начальствомъ генерала Палена. Защита окрестностей Петербурга была имъ поручена генералу Голенищеву-

Кутузову, въ корпусъ котораго былъ назначенъ Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ. Казакамъ было приказано расположить свои сторожевые пикеты вдоль морского берега по обѣ стороны Сестрорѣцка, имѣя въ немъ свою штабъ-квартиру. Въ этомъ періодѣ службы своей Лейбъ-казаки впервые познакомились съ будущимъ защитникомъ Россіи въ великую эпоху Отечественной войны—Кутузовымъ, имя котораго уже и въ 1800 году начинало пріобрѣтать всеобщую извѣстность, и на глазахъ котораго впоследствии удалось Лейбъ-казакамъ показать столько богатырскихъ подвиговъ...

Но въ 1800 году нашему обсервационному корпусу нечего было дѣлать у береговъ Финскаго залива и хотя Англійскія эскадры, дѣйствительно, появились въ Балтійскомъ морѣ, но англичане вскорѣ убѣдились, что для военныхъ дѣйствій флота выбрано самое неудобное время, ибо берега Балтійскаго моря были покрыты льдомъ, а Финскій заливъ и совсѣмъ замерзъ. Лейбъ-казаки размѣстились на зимнихъ квартирахъ въ Сестрорѣцкѣ и въ сосѣднихъ прибережныхъ деревняхъ ожидая весны и вскрытія водъ. Здѣсь Лейбъ-казаки снова разстались и уже навсегда со своимъ старымъ отцомъ-командиромъ графомъ Федоромъ Петровичемъ Денисовымъ, который «за безпорядки, происшедшіе въ полку ему ввѣренномъ, по старости лѣтъ отставленъ отъ службы» по Высочайшему повелѣнію 4-го Января 1801 года ¹⁾.

Изъ дѣлъ не видно, въ чемъ заключались эти безпорядки и, главное, какъ они замѣчены Государемъ въ то время, когда весь полкъ находился далеко отъ Петербурга, не надо забывать лишь, что войсками нашими командовалъ генераль Палень, и что Денисовъ вѣрный и неподкупный служака былъ близокъ Грузиновымъ, изъ которыхъ Петра онъ же и перевелъ съ собою въ Лейбъ-казачій полкъ. Такъ или иначе, но Лейбъ-казаковъ удалось убрать изъ Петербурга и держать вдали для охраны Финскаго побережья противъ англійской эскадры, равно какъ и преданныхъ Павлу Петровичу Лейбъ-Уральцевъ, которые были расположены кордономъ отъ Красной горки до Петергофа (это зимой, когда заливъ былъ покрытъ сплошнымъ льдомъ). Теперь заговорщики могли смѣло дѣйствовать.

На мѣсто Денисова командиромъ полка былъ назначенъ генераль-маіоръ Орловъ 2-ой. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что вообще начальствованіе графа Денисова надъ Лейбъ-гвардіи Казачьимъ полкомъ, было чисто номинальное, ибо

¹⁾ Общ. Арх. Гл. Шт., дѣло № 2.

ему Государемъ давались отдѣльныя порученія и фактически полкомъ командовалъ за его отсутствіемъ Орловъ. Съ выбытіемъ Денисова изъ полка второй имени его эскадронъ сталъ называться эскадрономъ полковника Чернозубова 5-го имъ командовавшего.

13-го Марта 1802 года расположенный у Сестрорѣцка Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ Императора Павла Петровича. Не касаясь здѣсь ужасающихъ подробностей гнуснаго преступленія, совершеннаго заговорщиками-цареубійцами и не описывая настроенія охватившаго вѣрныхъ присягѣ Лейбъ-казаковъ, нельзя не привести здѣсь, какъ заключеніе къ Грузиновскому дѣлу, слѣдующихъ словъ историка Карасева: «когда въ концѣ Марта черкасцы возвращались изъ церкви, гдѣ читался манифестъ о восшествіи на престолъ Александра I, то не могли не остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ полъ-года назадъ происходило истязаніе Евграфа Осиповича Грузинова. Что думалъ каждый изъ нихъ, оглядывая базарную площадь, то выражалось въ неистовомъ крикѣ полупомѣшанной Ипатьевны (старухи, бывшей няньки Грузинова), которая, идя среди народа и творя крестное знаменіе, твердила: «не умеръ бы нашъ Государь батюшка, кабы не сгубили окаянныя моего болѣзнаго, слугу Его вѣрнаго»...

Среди казаковъ сохранилась слѣдующая легенда: когда удалось злымъ врагамъ Царскимъ удалить отъ Государя вѣрныхъ слугъ Его Лейбъ-казаковъ и задумали они тоже продѣлать и съ Уральцами, которыхъ также жаловалъ Павелъ Петровичъ, то тутъ имъ представилось затрудненіе,—хоть и согласился Государь послать Уральскую сотню за «Красныя горы», но оставилъ при себѣ изъ казаковъ небольшую команду, которая продолжала состоять безотлучно при Немъ и конвоировала Его Особу во всѣхъ выѣздахъ. Видя злѣды, что дѣло не удастся,—пустились на хитрость, чтобы отдѣлаться отъ казаковъ, и вотъ, въ ночь на 11-ое Марта, выѣхала изъ Михайловскаго замка Царская карета, а въ окнахъ шторы опущены. Послали сказать Уральцамъ, что Государь неожиданно въ Павловскъ собрался,—мигомъ осѣдлали казаки, вскочили на коней и догнали карету... Шибко ѣхали, почти полъ-дороги сдѣлали, только уряднику, что у дверки ѣхаль, чудно показалось—и ни разу-то Царь-Батюшка изъ кареты не выглянулъ, съ казаками, какъ бывало, не здоровался. Перемолвился урядникъ со станичниками, да тихонько съ коня дверку кареты и пріоткрылъ,—глядь, а карета-то пустая. Почуяли казаки недоброе, кинулись назадъ опрометью, взмылили-загнали лошадей, да ужъ поздно было, прискакали, а Государя-то въ живыхъ нѣтъ...

«Его знали мало; Онъ не зналъ никого. Дѣятельный, скорый, кипучій, повелительный, любезный и обворожительный, даже и безъ Царскаго вѣнца,—Онъ хотѣлъ одинъ всѣмъ управлять, все видѣть, все улучшить; создалъ множество неблагодарныхъ и умеръ несчастнымъ» ¹⁾.

¹⁾ Переводъ французскаго стихотворенія неизвѣстнаго автора, которое распространилось въ Петербургѣ, по кончинѣ Павла I—«Русская старина» 1877 г. П. С. Лебедевъ «Военные дѣятели».

Рядовой в лѣтней и офицеръ въ зимней формахъ Л.-гв. Казачьяго полка
1796—1801 гг.

Одно изъ знаменъ Войска Донского.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Приходъ Лейбъ-казаковъ въ Петербургъ. — Погребеніе Императора. — Донская пѣсня на смерть Павла I. — Реабилитация Грузиновыхъ. — Измѣненіе въ формѣ. — Вторичный походъ къ Сестрорѣцку и обратно. — Коронованіе Александра I. — Увеличеніе содержанія. — Командировка 3-го эскадрона. — Вступленіе въ командованіе полкомъ полковника Чернозубова. — Подчиненіе Цесаревичу Константину Павловичу. — Характеръ и духъ офицерскаго состава. — Увеличеніе состава полка. — Цесарскій походъ. — Обстановка начала войны. — Ульмскій погромъ. — Выступленіе въ походъ гвардіи. — Подвигъ Багратіона.

13-го Марта Лейбъ-казаки получили приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Выступивъ подъ командою Орлова, полкъ прибылъ въ столицу 17-го Марта.

Въ этотъ же день тѣло покойнаго Государя было одѣто въ Императорскую мантию и въ 7-мъ часу вечера «по учиненіи достоюжнаго поклона покойному Императору, Его Величество (Александръ I) взялъ со стола приготовленную корону и возложилъ на голову покойнаго Императора».

Затѣмъ по перенесеніи тѣла въ Малый тронный залъ народъ былъ допущенъ въ Михайловскій замокъ для прощанія, а 20-го Марта прахъ Павла Петровича былъ перенесенъ и поставленъ въ Военномъ залѣ на катафалкъ. 23-го Марта въ страстную субботу совершилось перевезеніе останковъ Императора Павла I изъ Михайловскаго замка въ Петропавловскій соборъ и затѣмъ Его погребеніе. Участвуя въ печальной церемоніи, отдавали послѣдній долгъ и Лейбъ-казаки своему Государственному Основателю полка.

Трагическое событіе 11-го Марта нашло отзывъ въ пѣснотворчествѣ Донскихъ казаковъ:

СМЕРТЬ ПАВЛА I.

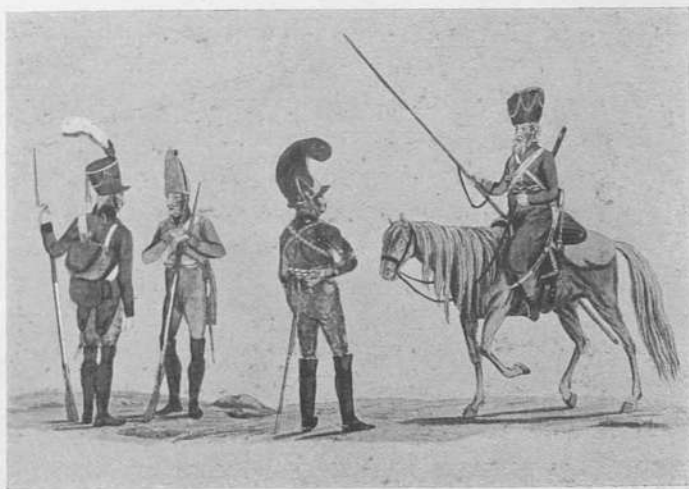
«Не вечерняя ясная звѣздочка высоко восходила,
Освѣтила эта звѣздочка всю кременную Москву,
Кременную Москву, Царскій зеленъ садикъ,
Въ томъ, то саду Царскія палатушки;
Изъ палатушекъ бѣлая лебедушка вылетала,
А за нею всѣ мелкія пташечки, всѣ жалко запѣли,
Какъ серебряные колокольчики всю ночь прозвенѣли:
Знать у насъ въ кременной Москвѣ, не совсѣмъ здорово!
Какъ вечеръ-то нашъ Государь лежитъ, умираетъ,
Передъ нимъ стоитъ Его Царевна, Она плачетъ,
Не такъ Она сильно плачетъ, какъ рыдаетъ,
Во слезахъ-то Государыня Его спрашиваетъ:
«Да Ты Батюшка нашъ, православный Государь,
Православный Государь Павелъ Петрович!
На что Ты рано, Государь, умираешь?
На кого Ты Свое жите-быте оставляешь?»
«Оставляю Свое жите-быте на большева сына,
Армеюшку вручаю Я Свою на меньшева сына!»¹⁾).

Въ послѣдующіе дни среди многихъ милостей, объявленныхъ съ престола, было и возстановленіе справедливости по отношенію памяти Грузиновыхъ. Такъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 29-го Марта младшій Грузиновъ Афанасій Осиповичъ былъ возвращенъ въ полкъ, а 9-го Апрѣля послѣдоваль указъ Императора Александра I: «отписанное въ казну по указу отъ 26-го Августа прошлаго 1800 года имѣніе, принадлежавшее лишенному чиновъ и дворянскаго достоинства полковнику Грузинову, состоящее въ городѣ Черкасскѣ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратить братьямъ его яко ближайшимъ по немъ наслѣдникамъ».

14 марта, 1801 года Лейбъ-казаки получили нѣсколько измѣненную форму, а именно: куртка алая и чекмень синій прежняго покроя, но съ высокими открытыми стоячими воротниками, причемъ у офицеровъ на воротникахъ, обшлагахъ и груди было серебряное шитье съ канительными кистями, бортъ до талии, края воротника, обшлага и спинные швы также были вышиты серебромъ. У унтеръ-офицеровъ по воротнику и обшлагамъ—серебряный галунъ. У всѣхъ нижнихъ чиновъ воротникъ по краямъ и бортъ да талии—съ обшивкою бѣлой тесьмою. Шаровары на выпускъ синіе; кушакъ у всѣхъ бѣлый, причемъ офицеры въ строю поверхъ кушака одѣвали серебряный съ кистями шарфъ. Киверъ черный бухарскаго смушка съ нѣсколько меньшимъ чѣмъ прежде разваломъ; шлыкъ красный, кутасы и кутасные шнуры у рядовыхъ красно-бѣлые, у унтеръ-офицеровъ черно-желто-бѣлые,

¹⁾ «Донскія казачьи пѣсни», собранныя и изданныя А. Пивоваровымъ.

а у офицеровъ серебряные; султанъ пушистый волосяной, у рядовыхъ и офицеровъ бѣлый съ оранжево-чернымъ основаніемъ, а у унтеръ-офицеровъ бѣлый съ оранжево-черной верхушкой. Лядунка съ перевязью у нижнихъ чиновъ красной юфти съ мѣднымъ приборомъ, причемъ лядунка носилась черезъ правое плечо, а черезъ лѣвое у рядовыхъ — на бѣлой лосинной перевязи пистолетъ подвѣшенный за рукоять. Поясная портупея черная сыромятная. Сабля, пика, конское снаряженіе и трубы—прежнія, какъ при Павлѣ I-омъ. Унтеръ-офицеры и трубачи пики и лядунки не имѣли, а были вооружены кромѣ сабли двумя пистолетами, которые помѣщались въ сѣдельныхъ ольстредяхъ, имѣвшихъ по шести патронныхъ гнѣздъ, равно какъ и офицеры. Офицеры имѣли портупею красную сафьянную съ серебрянымъ приборомъ, а лядунку изъ черной кожи съ крышкой обшитою чернымъ бархатомъ съ серебряною оправою и звѣздою съ двуглавымъ орломъ, перевязь изъ серебрянаго въ видѣ рогожки галуна съ двумя черными просвѣтами и бархатнымъ подбоемъ, съ серебрянымъ Императорскимъ вензелемъ, тремя цѣпочками съ протравниками, арматурою, приборомъ и приборникомъ. Для придерживанія перевязи офицеры имѣли на лѣвомъ плечѣ серебряный витой жгутъ. Сапоги тупоносые у всѣхъ со шпорами. Плащъ бѣлый общаго образца. У трубачей на султанахъ унтеръ-офицерскаго образца, вмѣсто бѣлаго, волосъ былъ красный, на плечахъ подкрылки по цвѣту мундира и красно-желтые басоны на груди, рукавахъ, спинныхъ и рукавныхъ швахъ, воротникъ и обшлага съ галуномъ какъ у унтеръ-офицеровъ. Перчатки съ крагами. Принадлежностью офицеровъ и унтеръ-офицеровъ попрежнему оставалась форменная трость ¹⁾).

Musquetier, Grenadier, Curasier, Donischer Kosack.

Желая прекратить войну съ Англійей, Александръ I послалъ повелѣніе возвратить Донцовъ изъ похода на Индію. 5-го Мая Лейбъ-казаки въ составѣ войскъ гвардіи принимали на Царицыномъ лугу участіе въ торжественномъ открытіи памятника генералиссимусу князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому.

11-го Мая полкъ выступилъ обратно въ Сестрорѣцкъ. Совсѣмъ другая картина представилась на этотъ разъ участникамъ похода. Передъ глазами ихъ было

¹⁾ Висковатовъ.

дѣйствительное море, а не сплошная масса льда... Непрiятельскихъ кораблей однако не показывалось. Къ концу Мая у Ревеля появилась было англійская эскадра, угрожая высадкою, но вслѣдъ затѣмъ обстоятельства измѣнились и русскіе и шведскіе корабли стали спокойно проходить мимо англійскихъ крейсеровъ, не опасаясь захвата.

Интересенъ разсказъ о появленіи флота генералъ-маіора Балашева, Ревельскаго военнаго губернатора: «Когда англійскій флотъ подошелъ къ Ревелю, а нашъ флотъ за льдомъ не могъ выйти на рейдъ, то произошла такая тревога, что не знали что и дѣлать. Адмиралъ Нельсонъ прислалъ къ Балашеву просить позволенія

Kosacken Pferd.

наливаться водой. На это Балашевъ отвѣчалъ, что не только онъ не можетъ то позволить, но ежели-бы можно было, онъ бы лишилъ его и той воды, которую его флотъ имѣетъ. Нельсонъ прислалъ вторично сказать, что онъ удивляется такому отказу, когда миръ заключенъ между обѣими державами, въ удостовѣреніе чего прiѣдетъ къ нему въ крѣпость безъ оружія со всѣми флагманами и капитанами кораблей. Балашевъ просилъ сдѣлать ему сію честь, а самъ

съ донесеніемъ отправилъ къ Императору курьера, который разѣхался съ посланнымъ отъ Государя къ Балашеву съ извѣстіемъ о заключеніи мира.

Нельсонъ на шлюпкахъ, со всѣми имъ объявленными, прибылъ въ Ревель и Балашеву рекомендовалъ своихъ подчиненныхъ: такой-то — первый атаковалъ при Абукирѣ французскій флотъ, такой-то — прошелъ черезъ Зундъ, и т. д. Балашевъ угостилъ гостей какъ можно лучше, послѣ чего отправились они на свой флотъ, и какъ скоро оный налилса водою, то и отправился обратно съ положенною съ обѣихъ сторонъ пушечною салютаціей» ¹⁾).

Начались переговоры и 5-го Іюня былъ заключенъ миръ. 10-го Іюня Лейбъ-казаки возвратились въ Петербургъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Императора Александра I по вступленіи на престолъ было порученіе Цесаревичу Константину Павловичу начальствованія надъ всею гвардіею.

¹⁾ Записки Энгельгардта.

1-го Августа 1801 года эскадронъ Его Величества, подъ командою полковника Егорова 1-го, выступилъ въ Москву по случаю предстоящаго коронаванія тамъ Императора Александра I.

При эскадронѣ находились: командиръ полка генераль-маіоръ Орловъ 2-й и 8 офицеровъ: ротмистръ Чернозубовъ 2-й, штабсъ-ротмистры Ефремовъ, Егоровъ 2-й, поручики Давыдовъ, Грузиновъ 4-й, Филипповъ и корнеты Мельниковъ и Сохранновъ.

8-го Сентября въ день торжественнаго вѣзда Императора въ Москву Лейбъ-казаки открывали шествіе Высочайшаго кортежа къ Кремлю.

15-го Сентября состоялось торжество коронаванія Императора Александра I. На немъ свидѣлись Лейбъ-казаки съ новымъ атаманомъ Войска Донскаго Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ, занявшимъ мѣсто, ненадолго пережившаго Павла Петровича и Грузинова, В. П. Орлова. Въ числѣ Войсковой депутаціи былъ и старый вождь Лейбъ-казаковъ графъ Федоръ Петровичъ Денисовъ съ своимъ племянникомъ А. К. Денисовымъ, впоследствии также Войсковымъ атаманомъ.

Ко дню коронаванія были приурочены различныя милости, въ томъ числѣ было и увеличено жалованіе чинамъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, а именно: полковнику съ 1.200 р. въ годъ на 1.397 р., ротмистру съ 770 р. 16 к. на 891 р., штабсъ-ротмистру съ 624 р. 42 к. на 718 р., поручику съ 562 р. 48 к. на 658 р., корнету съ 306 р. 94 к. на 360 р. и вахмистру съ 95 р. 80¹/₄ к. на 97 р. 75.

Вскорѣ послѣ возвращенія эскадрона Его Величества изъ Москвы, Лейбъ-казакамъ выпала новая командировка. Въ то время въ Петербургской губерніи и особенно въ окрестностяхъ столицы было не совсѣмъ покойно. Въ лѣсахъ появились бродяги, успѣвшіе въ весьма короткое время совершить нѣсколько жестокихъ и смѣлыхъ преступленій, разнеслись слухи о грабежахъ по дорогамъ, и даже о нападеніяхъ на жилища. Возрастающая смѣлость образовавшихся шаекъ грабителей вызвала необходимость принять энергичныя мѣры къ подавленію зла. Обязанность эта была возложена на третій эскадронъ подъ начальствомъ полковника Чернозубова 7-го. Ему было дано предписаніе имѣть разъѣзды по всѣмъ ближайшимъ къ столицѣ уѣздамъ, ловить всякаго рода подозрительныхъ людей и представлять ихъ въ Петербургъ. Эта командировка одного эскадрона Лейбъ-казаковъ была весьма продолжительна; она окончилась только тогда, когда несмѣтныя полчища Наполеона уже придвинулись къ Русской границѣ. Послѣ полковника Чернозубова 7-го командовалъ третьимъ эскадрономъ ротмистръ Эльмурзинъ, — и эскадронная квартира находилась въ Екатерингофѣ.

Въ 1802 году, 30-го Декабря вышелъ въ отставку командиръ полка генераль-маіоръ Алексѣй Петровичъ Орловъ 2-й, и сдалъ полкъ полковнику Петру Абрамовичу Чернозубову 5-му, который впрочемъ не получилъ званія командира полка, несмотря на то, что командовалъ полкомъ болѣе пяти лѣтъ до 21-го Іюля 1807 года, и что за это время получилъ чинъ генераль-маіора 24-го мая 1805 года. Какъ было выше сказано, вся гвардія поступила въ вѣдѣніе Цесаревича Константина

Павловича, который съ жаромъ принялся за исполненіе возложеннаго на него, вникая во всѣ детали, какъ строевой службы, такъ и хозяйственнаго управленія. Время начальствованія надъ гвардіею Цесаревича останется навсегда памятнымъ въ хроникахъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Августѣйшій вождь былъ неразлученъ съ ними и на ученьяхъ, и на маневрахъ, и въ самомъ разгарѣ битвъ съ непріятелемъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Гвардія того времени была немногочисленна: она состояла изъ пѣхотныхъ полковъ — Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, баталіона егерей и кавалерійскихъ полковъ — Кавалергардскаго, Коннаго, Гусарскаго и Лейбъ-казачьяго; кромѣ того былъ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ и къ гвардейскому корпусу были причислены Лейбъ-гренадерскій полкъ и Уланскій Цесаревича Константина.

Относительно духа, тона и направленія тогдашней военной гвардейской молодежи дѣлаетъ интересную обрисовку въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ Булгаринъ, онъ говоритъ, что, въ смыслѣ службы, кромѣ мельчайшей пунктуальности въ формѣ одежды, отъ офицера требовалось, чтобы онъ зналъ хорошо службу и исполнялъ ее рачительно. Основаніемъ

служебнаго порядка и благоустройства полка являлись эскадронные командиры и ротмистра, большая часть которыхъ были люди уже пожилые, опытные, посвятившіе свою жизнь службѣ по призванію, воины уже крещенные въ пороховомъ дымѣ. Обхожденіе ихъ съ молодыми субалтернами напоминало отношеніе добрыхъ родителей къ дѣтямъ-повѣсамъ, которымъ охотно прощаютъ шалости—вспышки молодости, лишь бы исполнялись обязанности службы, была храбрость въ дѣлѣ и охранялась честь мундира. «Офицеръ, который бы измѣнилъ своему слову или обманулъ кого бы то ни было, не могъ быть терпимъ въ полку. Правда, мы дѣлали

Русская зимняя закладка Александровской эпохи.

долги, но не смѣли обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. Въ крайности офицеры складывались и уплачивали долгъ товарища, который, въ свою очередь, выплачивалъ имъ въ условленные сроки. Офицерская честь высоко цѣнилась, хотя эта честь имѣла свое особенное условное значеніе». Довольно часто происходили дуэли, но и въ нихъ было свое раздѣленіе, такъ—стрѣлялись въ исключительныхъ случаяхъ, за кровныя обиды въ вопросахъ чести, но рубились за всякую мелочь, «за что нынѣ и не поморщатся». Офицерскій корпусъ представлялъ изъ себя одну семью, въ которой все было общее и время, и деньги, и удовольствія, и непрятности, и опасности. Въ общемъ, Булгаринъ характеризуетъ направленіе поговоркою: «послѣдняя копѣйка ребромъ»; «жизнь копѣйка—голова ничего». Веселились и развлекались шумно. Офицерская молодежь любила побушевать и буянство хоть и взыскивалось, «но не почиталось порокомъ... военно-кавалерійская молодежь не хотѣла покоряться никакой власти, кромѣ своей полковой и непрерывно противодѣйствовала земской и городской полиціи, фланкируя противу ихъ чиновниковъ».

Относительно особенностей полковъ, гвардія раздѣлялась на три группы: «въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ былъ особый тонъ и духъ. Этотъ корпусъ офицеровъ составлялъ, такъ сказать, постоянную фалангу высшаго общества непремѣнныхъ танцоровъ, между тѣмъ какъ офицеры другихъ полковъ навѣщали общество только по временамъ наѣздами. Въ этихъ трехъ полкахъ господствовали придворные обычаи и общій языкъ былъ французскій, когда, напротивъ, въ другихъ полкахъ между удалою молодежью, хотя и знавшею французскій языкъ, почиталось неприличіемъ говорить между собою иначе какъ по-русски. По-французски позволялось говорить только съ иностранцами, съ вельможами, съ придворными и съ дамами... Конногвардейскій полкъ былъ, такъ сказать, нейтральнымъ, соблюдая смѣшанные обычаи, но Лейбъ-гусары, Измайловцы и Лейбъ-егеря слѣдовали по большей части господствующему духу удалства. О Лейбъ-казакахъ и говорить нечего: въ нихъ молодечество было въ крови». Дальше, упоминая о шалостяхъ молодыхъ офицеровъ, уланъ-Булгаринъ говоритъ: «жаль мнѣ, когда я подумаю, какъ доставалось отъ нашихъ молодыхъ повѣсь бѣднымъ нѣмецкимъ биргерамъ и ремесленникамъ, которые тогда любили веселиться съ своими семействами въ трактирахъ на Крестовскомъ Острову, въ Екатерингофѣ и Красномъ Кабакѣ. Молодые офицеры ѣздили туда, какъ на охоту. Начиналось тѣмъ, что заставляли дюжихъ маменекъ и тетушекъ вальсировать до упаду, потомъ спаивали муженьковъ, наконецъ, затягивали хоромъ извѣстную нѣмецкую пѣсню: «Freu't euch des Lebens»... упираясь на слова—«Pflücke die Rose»... и наступало волокитство, оканчивавшееся обыкновенно баталіей. Загородные разѣзды содержались тогда Лейбъ-казаками, братьями улановъ. Кутили всю ночь, а въ 9 часовъ утра всѣ являлись къ разводу... и какъ будто ничего не бывало. Черезъ нѣсколько дней приходили въ полки жалобы и виновные тотчасъ сознавались»... ¹⁾).

Всѣ дѣла, касающіяся Лейбъ-казаковъ, проходили также черезъ Великаго князя; такъ Высочайшимъ указомъ было предоставлено Константину Павловичу разсматривать «о назначенныхъ въ отставку нижнихъ чинахъ Лейбъ-казачьяго полка и Уральской сотни» ²⁾).

Гвардейская служба того времени ставилась значительно выше по сравненію съ арміей, почему, принимая во вниманіе продолжительный срокъ ея, при увольненіи въ отставку или переводѣ въ армію Лейбъ-казаки награждались или повышались въ чинахъ въ небывалой для настоящаго времени степени. Такъ, напримѣръ, въ 1801 году увольняется Высочайшимъ приказомъ отъ службы рядовой Лейбъ-казаच्याго полка Челебовъ эстандартъ-юнкеромъ, унтеръ-офицеры Кирилкинъ, Сударчиковъ и Желтухинъ — хорунжими и пр. Въ отношеніи комплектованія особыхъ перемѣнъ въ полку за это время не происходило, и убыль въ немъ пополнялась выбираемыми на Дону лучшими казаками. Офицерскій составъ попол-

¹⁾ «Воспоминанія» О. Булгарина, ч. II.

²⁾ «Казачьи дѣла» Моск. от. общ. Арх. Гл. шт. 1801 г.

нялся производствомъ на вакансіи въ полку же или переводомъ изъ Войска достойнѣйшихъ офицеровъ. Являясь такимъ образомъ дѣйствительно представителемъ по своему отборному составу Войска Донского, Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ въ то же время, благодаря основательно проходимой служебной школѣ въ составѣ войскъ гвардіи, являлся какъ бы и учебной частью для всего Войска, снабжая его хорошо изучившими технику службы и строй молодыми офицерами. Мы постоянно видимъ, что привилегированная Донская молодежь, поступающая въ гвардію и получая званіе портупей-юнкера, переводится въ Войско на офицерскія должности — напр. Высочайшій указъ 1803 г. «О произведеніи назначенныхъ къ отправленію въ Войско Донское Лейбъ-казачьяго полка портупей-юнкера Данилова, юнкеровъ: Себрякова и Аксентьева въ хорунжіи по Войску Донскому» и 1804 г. «О произведеніи въ хорунжіе на вакансіи въ Войско Донское Лейбъ-казачьяго полка портупей-юнкеровъ Михѣева и пр.»

Неся разнообразную и трудную службу въ столицѣ, вслѣдствіи малочисленного состава полка, въ особенности въ отношеніи лошадей, Лейбъ-казаки сильно утомлялись, на что было обращено вниманіе какъ мѣстнаго такъ и Донского начальства. Такъ, Войсковой атаманъ Войска Донского Матвѣй Ивановичъ Платовъ въ рапортѣ своемъ отъ 4-го Февраля 1804 г. за № 91 писалъ Великому Князю Цесаревичу: «Въ продолженіи бытности моей во весь прошлый 1803 г. въ Петербургѣ я, примѣчая состояніе служащаго здѣсь Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, нашель, что хотя въ ономъ и состоитъ три эскадрона и въ каждомъ изъ нихъ числятся по сту казаковъ, но изъ числа ихъ одинъ эскадронъ расположенъ внѣ города по разнымъ уѣздамъ и селеніямъ, а затѣмъ изъ остающихся здѣсь двухъ эскадроновъ, за исключеніемъ больныхъ, въ караулы, на вѣсти, въ разѣзды по городу, и въ другія по полку употребленія,—только двѣ смѣны, такъ что казакъ черезъ всякій день бываетъ въ таковой должности, отъ чего казачьи строевыя лошади доводятся до изнуренія». Для устраненія этихъ неудобствъ и для облегченія службы Лейбъ-казаковъ Платовъ ходатайствовалъ передъ Цесаревичемъ «о прибавкѣ къ каждому

Атаманъ Платовъ.

эскадрону, по примѣру гусарскихъ полковъ, по 28 человекъ, что составитъ на всѣ три эскадрона 84 казака», причемъ добавлялъ: «тогда употребленіе ихъ не будетъ столь частое, слѣдовательно и лошади останутся безъ отягощенія, и казакамъ доставится сею выгодною особлива Монаршая милость». Объ этомъ же было сдѣлано «предложеніе министра военныхъ и сухопутныхъ силъ о прибавкѣ Лейбъ-казачьяго полка въ каждый эскадронъ по 28 человекъ казаковъ». Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и приказомъ Лейбъ-гвардіи Казачьему полку отъ 23-го Февраля 1804 года Великій Князь Цесаревичъ далъ знать, что Государь Императоръ мнѣніе о прибавленіи въ каждый эскадронъ по 28 человекъ казаковъ для облегченія находящихся здѣсь на службѣ, «Высочайше опробовавъ, указать изволили генераль-лейтенанту Платову сдѣлать надлежащее». Въ этомъ же году по представленію военного министра былъ нормированъ установленный въ Лейбъ-казачьемъ полку порядокъ замѣщенія въ полку офицерскихъ вакансій. Подтверженіемъ вышесказаннаго о внимательномъ отношеніи Цесаревича ко всему касающемуся Лейбъ-казаковъ является Высочайшій указъ того же года «о переводѣ по представленію Его Высочества Цесаревича изъ Лейбъ-казачьяго полка юнкеровъ Барушева и Лакчурина по дурному ихъ поведенію въ Теплярскій таковой же».

Наступалъ 1805 годъ, а съ нимъ и начало продолжительнаго періода боевой жизни Лейбъ-казаковъ.

Условія Аміенскаго соглашенія между Франціей и Англійей привели лишь къ окончательному разрыву между этими государствами. Благодаря вліянію Воронцова, политика наша проявляла тяготѣніе къ Англійи, а поведеніе нашего представителя во Франціи вызвало неудовольствіе Бонапарта, о чемъ имъ было написано конфиденціальное письмо еще въ 1803 году.

Наполеонъ затѣмъ предложилъ Александру I быть посредникомъ въ дѣлахъ съ Англійей, что Александръ отклонилъ, поставивъ новыя условія, одинаково неприемлемыя для обѣихъ сторонъ. Хотя Наполеонъ стремился, несмотря на неудачи, установить добрыя отношенія съ Россійскимъ Императоромъ, но вскорѣ создалось такое положеніе, что каждую минуту можно было ожидать окончательнаго разрыва. Негодованіе Русскаго двора, вызванное злодѣйской казнью герцога Ангіенскаго, выразилось со стороны Александра Павловича передачей французскому правительству ноты съ выраженіями негодованія, а французскому представителю было предложено оставить Россію. Наполеонъ на ноту отвѣчалъ въ томъ же духѣ, но еще болѣе рѣзко. «Въ отвѣтѣ было прямо сказано, что когда въ Петербургѣ былъ умерщвленъ по проiscaмъ Англійи Императоръ Павелъ, никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намекъ Наполеона никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ¹⁾). Послѣ происшедшаго столкновенія было неизбѣжно. Вслѣдъ за занятіемъ Швейцаріи, присоединеніемъ Цизальпійской республики и королевства Неаполитанскаго, провозглашеніемъ Наполеона

¹⁾ «Императоръ Александръ I». Великаго Князя Николая Михайловича.

императоромъ 20 Мая 1804 г. и въ 1805 г. королемъ Италіи, произведенныхъ безъ малѣйшаго сношенія съ Европейскими державами, окончательно составила коалиція изъ Россіи, Англіи, Австріи, Швеціи и Неаполя, которая къ 21-му Маю 1805 года развилась въ наступательный и оборонительный союзъ. Расчитывая привлечь на свою сторону Баварію, бывшую въ союзѣ съ Франціей, австрійцы вступили въ нее съ 84.000 арміей, но расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ; несмотря на это, австрійцы продолжали идти дальше и армія эрцъ-герцога Фердинанда, перейдя Изерь и Лехъ, остановилась на Дунаѣ и Иллерѣ. Вторая австрійская армія подъ командою эрцъ-герцога Іоанна занимала Тироль, а третья подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла сосредоточивалась на границѣ Италіи. По договору съ Австріей Россія обязалась выставить ей въ помощь противъ Франціи 50-тысячную армію. Армія эта къ Августу мѣсяцу 1805 года была уже сосредоточена на Австрійской границѣ близъ Радзивилова. Начальство надъ нею принялъ генераль-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, получившій приказаніе перейти границы Австріи и спѣшить на соединеніе съ австрійцами, находившимися уже въ Баваріи. Между тѣмъ армія Бонапарта быстро шла противъ австрійцевъ. Имѣя около 180 тысячъ войска, Наполеонъ намѣревался броситься въ тылъ австрійцамъ, тѣмъ самымъ отрѣзавъ ихъ отъ сообщеній съ русскимъ корпусомъ двигавшимся черезъ Моравію. Слѣдствіемъ занятія частью французской арміи княжества Анспахъ, принадлежавшаго объявившей нейтралитетъ Пруссіи, послѣдняя также склонилась къ рѣшенію присоединиться къ союзникамъ. Въ это время бездарный генераль Маккъ, который былъ генераль-квартирмейстеромъ у Фердинанда и фактически командовалъ арміею, не давъ ни одного генеральнаго сраженія, загнанный въ Ульмъ, 8-го Октября съ 30 тысячами войскъ, 16 генералами и 60 орудіями положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ французамъ; только незначительной части войскъ съ эрцъ-герцогомъ удалось пробиться. Тѣмъ временемъ русскіе спѣшили къ театру войны.

Французскій гренадеръ.

Пока разыгрывались эти событія и нашъ корпусъ спѣшилъ на помощь, Императоръ Александръ, предвидя недостаточность силъ, рѣшилъ послать въ подкрѣпленіе Кутузову Свою гвардію, которая 5-го Августа получила приказаніе въ пять дней быть готовой къ выступленію въ походъ. 10-го Августа всѣ части войскъ нашей гвардіи, назначенныя въ походъ, въ томъ числѣ Его Величества и второй эскадроны Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, построились на Измайловскомъ плацу. Общее начальство надъ войсками принялъ Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Скоро на плацъ прибылъ Императоръ и произвелъ смотръ находившимся въ строю войскамъ, которыя затѣмъ и двинулись въ походъ.

Гвардія была раздѣлена на 6 эшелоновъ, двигавшихся на разстояніи и получившихъ приказаніе соединиться въ Брестъ-Литовскѣ. Лейбъ-казаки шли въ

пятомъ эшелонѣ съ Кавалергардами и Лейбъ-гусарами и частью пѣшей артиллеріи. Состоя подѣ начальствомъ командующаго полкомъ полковника Чернозубова 5-го, Лейбъ-казаки имѣли эскадронъ Его Величества подѣ командою полковника Егорова и второй подѣ командою ротмистра Бирюкова; при эскадронахъ состояло оберъ-

Русскій егеръ начала царствованія Александра I.

офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 28, трубачей 4, рядовыхъ 249, нестроевыхъ 21, лошадей-строевыхъ 283 и подъемныхъ 335 ¹⁾). Маршрутный путь Лейбъ-казаковъ лежалъ на Гатчину, Лугу, Порховъ и Витебскъ. 9-го Ноября въ Брестъ-Литовскъ произошло соединеніе всѣхъ эшелоновъ. Несмотря на испорченныя дождями дороги

¹⁾ В. У. Арх. № 1549.

и осеннее ненастье, походъ гвардіи сначала совершался довольно легко: дневные переходы обыкновенно составляли версть 20 — 25. За каждымъ тремя переходами слѣдовала дневка. Черезъ лежавшіе на пути губернскіе города, войска обыкновенно проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Цесаревича въ полной парадной формѣ.

Гвардіи оказывался радушный пріемъ со стороны мѣстныхъ жителей; ей вездѣ дѣлались торжественныя встрѣчи, вездѣ она видѣла выраженія народного восторга. Особеннымъ гостепріимствомъ отличалась Псковская губернія.

Крестьяне села Бѣшковичи Порховскаго уѣзда съ такимъ радушіемъ встрѣчали проходившую гвардію, что Императоръ призналъ справедливымъ наградить этихъ крестьянъ единовременною имъ выдачею тысячи рублей.

Имѣя впереди себя Кутузова и 30 тысячъ австрійцевъ позади въ Тиролѣ, Наполеонъ рѣшился на смѣлое движеніе вглубь страны на Вѣну. Дунай покрылся судами, французскія колонны шли по обоимъ берегамъ. Попавъ въ затруднительное положеніе, Кутузовъ началъ отступать. Наполеонъ торопился покончить съ русской арміей. Послѣдовалъ цѣлый рядъ боевъ въ арьергардѣ, которымъ командовалъ Багратіонъ. Не доходя до Вѣны, Кутузовъ перешелъ на другую сторону Дуная. Австрійцы какъ всегда оставались плохими союзниками—ихъ армія въ Тиролѣ была задержана французами, а Вѣну они отдали безъ выстрѣла; мостъ черезъ Дунай австрійцы просто прозѣвали, благодаря дерзости Мюрата. Авангардъ французовъ спѣшилъ къ городу Цнайму. Въ ту же ночь выступилъ туда же Кутузовъ.

Весь вопросъ былъ кто раньше придетъ,—если французы война кончена, ибо Кутузовъ отрѣзанъ отъ Россіи, если Кутузовъ придетъ раньше война—только начинается. Становился дорогъ каждый часъ, каждая минута. Отойдя около 20 верствъ отъ Дуная на Цнаймскую дорогу, былъ высланъ Багратіонъ съ арьергардомъ. Благодаря находчивости Кутузова, перехитрившаго Мюрата желавшаго поддѣть русскихъ на ту же удочку, что австрійцевъ у Вѣны, благодаря геройской доблести суворовскаго ученика Багратіона и его славнаго арьергарда, проявившаго самоотверженность у Шенграбена, когда 6000 русскихъ доблестно сдерживали бѣшеный натискъ всей французской арміи, Кутузову удалось выиграть 20 часовъ и русская армія была спасена. Кутузовъ черезъ Вишау двинулся на Ольмюцъ на соединеніе съ войсками Буксгевдена, нашей гвардіей и австрійцами. Въ это же время Наполеонъ вступилъ въ Моравію, отойдя нѣсколько влѣво къ городу Брюнну въ 70 верстахъ отъ Ольмюца. Преслѣдованіе прекратилось. Наступилъ переломъ войны.

Рядовой в лётней и офицеръ в зимней формахъ Л.-гв. Казачьяго полка
1801—1809 гг.

Аустерлицъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

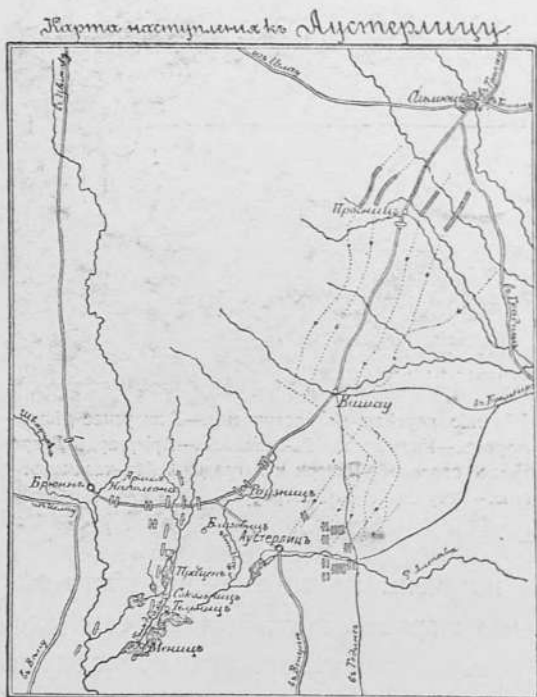
Соединеніе гвардіи съ Кутузовымъ.—Высочайшій смотръ.—Рѣшеніе перейти въ наступленіе.—Вишауское дѣло.—Диспозиція Вейротера.—Аустерлицкое сраженіе трехъ Императоровъ.—Подвигъ Лейбъ-казаковъ.—Арьергардъ Депре-радовича.—Разгромъ обоихъ нашихъ фланговъ.—Потери обѣихъ сторонъ.—Потери и награды Лейбъ-казаковъ.—Конецъ кампаніи.—Возвращеніе въ Россію.—Вступленіе въ Петербургъ.

Вслѣдъ за Ульскимъ погромомъ были получены новыя тяжелыя вѣсти объ отступленіи Кутузова отъ границъ Баваріи и о жаркомъ преслѣдованіи его Наполеономъ. Всѣ поняли тогда опасность, въ которой находилась немногочисленная въ сравненіи съ непріятелемъ русская армія, мужественно задерживающая быстрыя наступленія Наполеона и угрожаемая обходомъ съ фланговъ. Надобно было спѣшить на помощь Кутузову, и гвардія начала дѣлать усиленные переходы по 40 и болѣе верстъ съ весьма рѣдкими дневками. Въ Галиціи войска наши стали пользоваться нѣкоторымъ содѣйствіемъ австрійцевъ: аммуниція нижнихъ чиновъ была сложена въ телѣги, для которыхъ давали обывательскихъ лошадей. Офицеры на половинѣ каждаго перехода находили для себя готовый обѣдъ. Дойдя до Кракова, гвардія наша раздѣлилась и продолжала свой путь двумя колоннами: одна, подѣ начальствомъ Великаго Князя Цесаревича, полки—Преображенскій, Семеновскій, Егерскій, Конный и Гусарскій, вся конная и часть пѣшей артиллеріи,—шла впереди, а за нею шла вторая колонна, подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта Малютина, полки—Измайловскій, Лейбъ-гренадерскій, Кавалергардскій, два эскадрона Лейбъ-казаковъ и остальная часть пѣшей артиллеріи. Въ такомъ порядкѣ наша гвардія

дошла до Ольмюца, гдѣ обѣ ея колонны, соединясь, остановились для отдыха. Въ Ольмюцѣ нетерпѣливо ждалъ ее Кутузовъ, ускользнувшій отъ превосходныхъ силъ Наполеона, употреблявшаго всѣ усилія разгромить русскую армію прежде, чѣмъ она соединится съ идущими къ ней подкрѣпленіями. Послѣ непродолжительнаго отдыха, гвардія подъ начальствомъ Цесаревича вступила 13-го Ноября въ полной парадной формѣ въ самый городъ Ольмюцъ, гдѣ въ то время находились Императоръ Александръ I-й и Францъ I-й. Здѣсь русскимъ войскамъ былъ произведенъ Высочайшій смотръ. Войска расположились такъ: гвардія встала на правомъ флангѣ, армія Кутузова въ центрѣ, а корпусъ графа Буксгевдена, пришедшій изъ Россіи нѣсколькими днями раньше гвардіи—на лѣвомъ флангѣ. Государь остался вполне доволенъ состояніемъ

Своихъ войскъ и, проѣзжая по рядамъ, выражалъ имъ благодарность. Послѣ смотра всѣ войска расположились биваками на возвышенностяхъ, окружающихъ Ольмюцъ. Въ тотъ же день Цесаревичемъ былъ отданъ приказъ по гвардейскому корпусу съ изъявленіемъ благодарности Государя Императора за порядокъ и исправность всей гвардіи.

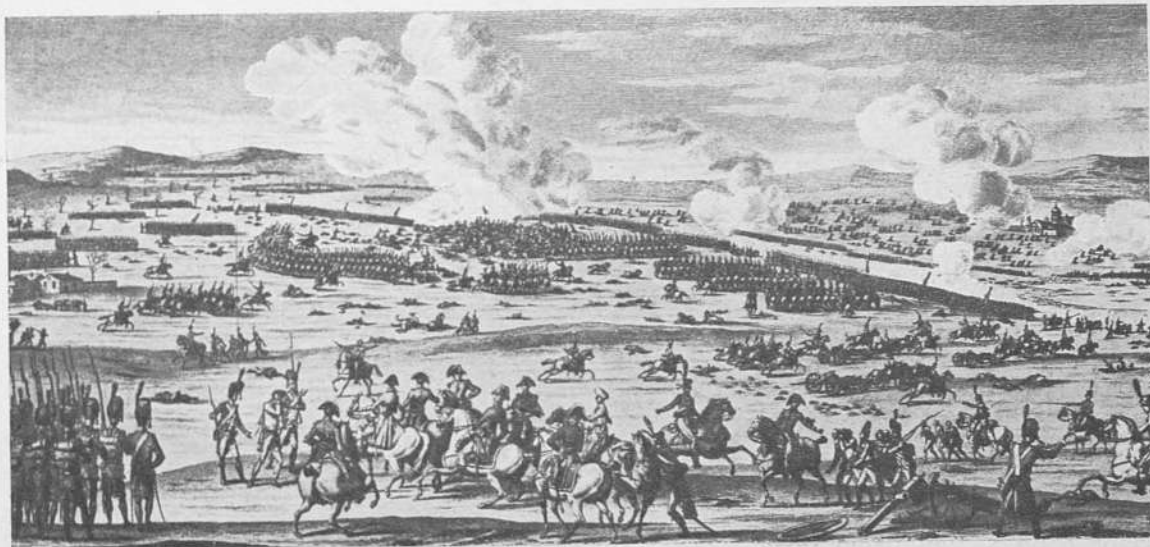
Всего теперь, считая 13,000 австрійцевъ, у насъ набиралось до 86,000 человекъ. Тѣмъ временемъ Наполеонъ перешелъ Дунай и расположился у Брюнна съ 60,000-мъ войскомъ, остальные его силы обеспечивали линію сообщеній по долинѣ Дуная. Свита Александра Павловича, не вникая глубоко въ суть положенія, указывая Государю на численное превосходство нашихъ силъ, стояла за

переходъ въ наступленіе, тѣмъ болѣе, что доблесть нашихъ войскъ, запечатлѣнная у Амштетена, Кремса и Шенграбена, вселила въ свитскую молодежь увѣренность въ побѣдѣ, основанную на презрѣннѣ къ непріятелю. Произошло разногласіе: боевые генералы съ Кутузовымъ во главѣ считали необходимымъ ждать, ибо готовившаяся объявить войну Наполеону Пруссія усилила бы черезъ нѣкоторое время армію на 80 тысячъ человекъ, да изъ Италіи двигалась также 80 тысячная армія австрійцевъ подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла; наконецъ ожидалось значительныя подкрѣпленія и изъ Россіи, но мнѣніе главной квартиры восторжествовало и Кутузовъ, хотя и назначенный главнокомандующимъ всѣми войсками, бывшими у Ольмюца, принужденъ былъ уступить настояніямъ придворной партіи и австрійцамъ, требовавшимъ наступленія, согласно плану дѣйствій, выработанному без-

дарнымъ австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ. 15-го Ноября русскія войска спустились съ Ольмюцкихъ высотъ и двинулись впередъ нѣсколькими колоннами, гвардія вошла въ составъ третьей колонны,—съ этой колонной слѣдовалъ Императоръ Александръ. Подъ 16-ое гвардія вмѣстѣ съ главной квартирой ночевала въ Просницѣ, а 17-го Цесаревичъ съ гвардіей стоялъ по лѣвую сторону рѣки Литтау недалеко отъ Аустерлица. 16-го Ноября авангардъ Багратіона разсѣялъ у Вишау нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ, при чемъ Донскими казаками былъ взятъ въ плѣнъ цѣлый эскадронъ.

Это удачное дѣло еще болѣе возбудило въ союзникахъ желаніе рѣшительнаго боя. Въ тотъ же день къ Вишау подошли наши главныя силы. До Брюнна, впе-

Сраженіе при Аустерлицѣ.

реди котораго занялъ позиціи Наполеонъ, оставался только одинъ переходъ по прямой дорогѣ.

Но тутъ, вслѣдствіе теоретическихъ измышлений того же Вейротера, было рѣшено поразить непріятеля обходомъ его праваго фланга. Въ исполненіе этого армія наша свернула влѣво отъ Ольмюцкаго шоссе и продолжала путь по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ къ Аустерлицу, — три дня тащились союзники по невылазной грязи, дѣлая отъ 7-ми до 12-ти верстъ въ сутки. Армія наша сильно терпѣла отъ недостатка продовольствія. Наступившій морозъ покрылъ твердой коркой грязь и лужи, однако ледъ не выдерживалъ и войска проваливались, особенно терпѣли артиллерія, обозъ и лошади, которымъ острые края ледяной корки подрѣзывали ноги. 18 числа войска встали бивакомъ у Мергофа въ виду Аустерлица, который въ тотъ же день былъ занятъ авангардомъ князя Багратіона. Только 19-го числа союзники добрались до Аустерлица, подаривъ такимъ образомъ Наполеону цѣлыхъ три дня. Надо сказать, что съ высотъ, занятыхъ Наполеономъ,

всѣ движенія союзниковъ были видны какъ на ладони. За эти дни французская армія усилилась до 70 тысячъ человѣкъ и заняла позицію впереди Брюнна, прикрываясь ручьемъ Гольдбахъ. 19 число прошло для русской арміи въ передвиженіяхъ войскъ занимавшихъ позиціи передъ Аустерлицемъ. По диспозиціи Вейротера авангардъ подъ начальствомъ Багратіона долженъ былъ, составляя правый флангъ,

Схватка Лейбъ-казаковъ съ французскими гусарами.

занять дорогу изъ Брюнна въ Ольмюцъ съ цѣлью принять на себя ударъ лѣваго фланга французовъ. Изъ остальныхъ войскъ, раздѣленныхъ на пять колоннъ, — три силою около 38 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Буксгевдена должны были спуститься съ Праценскихъ высотъ влѣво, атаковать и обойти правый флангъ французовъ и отбросить всю ихъ армію къ сѣверу. Четвертая колонна должна была спуститься противъ центра непріятеля, а пятая поддерживать связь между четвертой и Багратіономъ. Въ резервъ за правымъ флангомъ поставлена была русская

гвардія подъ командою Цесаревича Константина Павловича. Въ ночь на 20 число снялась съ позиціи у Мергофа и гвардія, оставивъ въ резервъ Лейбъ-гренадеръ, Кавалергардовъ и Лейбъ-казаковъ.

Поле предстоящаго сраженія представляло изъ себя холмистую мѣстность, среди которой у селенія Праценъ находились высоты командующія всей окрестностью; раздѣленной оврагомъ. Южнѣ этихъ высотъ тянется рядъ озеръ, въ то время покрытыхъ тонкимъ льдомъ и образующихъ острый уголъ съ теченіемъ болотистаго Гольдбахскаго ручья, который впадаетъ въ одно изъ этихъ озеръ. Рядъ селеній, расположенныхъ въ глубокой долинѣ Гольдбаха, составлялъ своими плотинами и мостами трудные дефиле.

Провожая двинушіеся впередъ полки и видя себя оставленными сзади, Лейбъ-казаки приуныли, что не будутъ участвовать въ предстоящемъ сраженіи. Такъ стояли они въ бездѣйствіи до двухъ часовъ дня и, слыша сильную канонаду, замѣчали по постепенно приближающимся выстрѣламъ, что сраженіе клонится не въ нашу пользу. Вдругъ скачетъ къ резерву ординарецъ Цесаревича и передаетъ приказаніе Его Высочества спѣшить на помощь гвардіи. Въ карьеръ помчались Лейбъ-казаки черезъ Аустерлицкія высоты, спустились внизъ къ Раусницкому ручью и здѣсь только сознали

опасность, въ которой находилась русская гвардія; по диспозиціи она должна была стоять въ резервѣ между центромъ и правымъ флангомъ, имѣя передъ собою австрійскія войска князя Лихтенштейна между Блазовицею и Кругомъ. Но австрійцы опоздали, и наша гвардія, идя на позицію, неожиданно очутилась въ первой линіи, встрѣченная артиллерійскимъ огнемъ; внезапности способствовалъ, не успѣвшій еще разсѣяться въ долинѣ, туманъ.

Вмѣсто союзниковъ, гвардія передъ собою увидѣла французскую кавалерію, которая заняла прорывъ между центромъ и правымъ флангомъ нашего боевого порядка и это въ тотъ моментъ, когда центръ нашъ уже былъ разстроены и началъ отступать. Цесаревичъ Константинъ лично командовавшій гвардіей, въ первую голову послалъ въ атаку своихъ уланъ, напутствовавъ ихъ словомъ, получившимъ историческую извѣстность: «Ребята, помните чье имя вы носите, не выдавай». — «Рады умереть» — отвѣчали уланы и, дѣйствительно, своей молодецкою атакою, доказали это.

Положеніе гвардіи было очень трудное, ей приходилось сражаться съ подавляющимъ числомъ непріятеля и въ то же время отступать по длинному топкому болоту къ Аустерлицу. Напоръ французскихъ колоннъ становился все сильнѣе и сильнѣе, наши гвардейскіе пѣхотные полки должны были почти на каждомъ шагу вновь поворачиваться къ непріятелю и защищаться штыками. Кавалерія, прикрывая фланги и защищая артиллерію, съ трудомъ пробиравшуюся по вязкому болоту, непрерывно кидалась въ атаку, удерживая напиравшія колонны. Такое тяжелое и опасное отступленіе длилось болѣе часу. Близки уже были и Крженевицъ и переправа черезъ Раусницкій ручей, за которымъ начиналась возвышенность идущая до Аустерлица. Наступала рѣшительная минута. Наполеонъ видѣлъ какъ ускользаетъ отъ него добыча, которую онъ считалъ уже своею, — и вотъ вся масса французской кавалеріи устремляется на наше лѣвое крыло, разстраиваетъ нѣсколько нашихъ баталіоновъ и тѣснитъ Лейбъ-гусаръ; еще мгновеніе, и вся гвардія наша обойдена, путь къ переправѣ отрѣзанъ. Въ этотъ моментъ являются Лейбъ-казачьи эскадроны, проскакавшіе десять верстъ до мѣста битвы. Увидя непріятельскую конницу, конно-егерей и гусаръ, врѣзавшуюся въ наши пѣхотные баталіоны, Лейбъ-казаки стремительно

Мамелюкъ изъ конвоя Наполеона.

бросаются ей во флангъ и ряды ея мгновенно смѣшиваются, разстраиваются. Не останавливаясь на этомъ успѣхѣ, Лейбъ-казаки кидаются на вновь подошедшія французскія колонны, и тутъ завязывается ожесточеннѣйшій бой. Штабсъ-ротмистръ Филипповъ, одушевлявшій своимъ примѣромъ казаковъ, падаетъ въ головѣ

Атака уланъ.

эскадрона мертвый, валятся съ лошадей Лейбъ-казаки одинъ за другимъ, но видъ смерти не уменьшаетъ ихъ мужества; проникнутые местью за своихъ братьевъ, они еще сильнѣе тѣснятъ врага. Падаетъ вмѣстѣ съ убитою лошадыю поручикъ Чеботаревъ. Лейбъ-казаки спасаютъ тѣло Филиппова и прорываются на выручку къ Чеботареву, который окруженный насѣдающими на него французами отбивается отъ нихъ пѣшій возлѣ своей убитой лошади. Здѣсь, между прочимъ, французы взяли въ плѣнъ всего израненнаго казака Ивана Абашина. На помощь Лейбъ-казакамъ подоспѣваютъ

Кавалергарды, и вмѣстѣ съ казаками задерживаютъ ожесточенное наступленіе непріятельскихъ массъ, пока остальная гвардія успѣла перейти черезъ ручей и лежавшій на другой сторонѣ его широкій оврагъ. Поднявшись на возвышеніе, гвардія возстановила боевой порядокъ, тотчасъ же были выдвинуты орудія и загремѣли выстрѣлы; тогда только отступили Кавалергарды и Лейбъ-казаки на лѣвый берегъ ручья. Непріятельская кавалерія пыталась прорваться вслѣдъ за ними черезъ мостъ, но остановленная атакой Лейбъ-казаковъ, принуждена была отступить на правый берегъ съ большимъ урономъ. Въ это время подошли Лейбъ-гренадеры и развернули боевой порядокъ. Наполеонъ счелъ ихъ за передовыя части корпуса Эссена, спѣшившаго въ то время на соединеніе съ русскою арміею. Полагая, что и весь корпусъ Эссена уже близко, Наполеонъ не рѣшился переходить черезъ Раусницкій ручей, чтобы атаковать нашу готовую опять принять бой гвардію и прекратилъ наступленіе. Гвардія пошла далѣе къ Аустерлицу, а для прикрытія переправы здѣсь были оставлены Кавалергарды, Лейбъ-казаки и баталіонъ Измайловцевъ подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Депрерадовича. Между тѣмъ къ стоявшимъ на противоположномъ берегу французскимъ войскамъ подоспѣла артиллерія, и подъ ея прикрытіемъ они рѣшились сдѣлать новую попытку овладѣть переправою. Загремѣли орудія; поддержанная сосредоточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, непріятельская колонна бросилась на мостъ,—но встрѣтила сильный отпоръ; поражаемые картечью нашихъ орудій и встрѣченные Измайловцами и спѣшенными Лейбъ-казаками, французы не выдержали и бросились обратно, при чемъ ихъ жестоко преслѣдовали Кавалергарды по другую сторону ручья. Это было послѣднее

покушеніе французовъ перейти Раусницкій ручей. Несмотря на свою остановку, они не прекращали сильнаго огня съ того берега до наступленія совершенной темноты. Не разъ завязывалась перестрѣлка и ночью. Отрядъ Депрерадовича удерживалъ переправу до самаго утра,—и только тогда когда совсѣмъ разсвѣло, присоединился къ главнымъ силамъ.

Когда Наполеонъ увидѣлъ, что передъ Аустерлицемъ стоитъ въ боевой линіи Лейбъ-гренадерскій полкъ, онъ приказалъ прекратить наступленіе и обратилъ все вниманіе на фланги. Былъ уже часъ дня. Маршалы Ланнъ и Мюратъ атаковали Багратіона, а Даву—первыя три колонны. Съ Праценскихъ высотъ были направлены туда же въ тылъ колоннамъ корпусъ Сульта, гвардія, гренадеры и даже

Конецъ Аустерлицкаго сраженія.

конвой Наполеона. Послѣ упорнаго боя Багратіонъ, неоднократно кидаясь въ атаку, отошелъ къ селу Раусницъ, гдѣ наконецъ Ланнъ оставилъ его въ покоѣ. Въ это же время забытое лѣвое крыло союзниковъ погибало подъ двойными ударами спереди и сзади. Третья колонна наконецъ пробилась у села Кобельницъ, едва сохранивъ изъ 8-ми тысячъ только 2 тысячи. Первая и вторая колонны понесли особо жестокія потери у Литавы и Тельницъ, гдѣ много погибло нашихъ, бросившихся на невыдержавшій тяжести ихъ ледъ Сачанскаго озера. Наконецъ Дохтурову удалось вывести остатки своихъ войскъ. Начинало смеркаться, пальба стихла, изрѣдка слышались одиночныя выстрѣлы, медленно собирались разстроенныя наши войска, а у французовъ въ это время на бивакахъ запылали огни. Наступила ночь, шумно и весело встрѣчали французы своего Императора, онъ тихо проѣзжалъ вдоль биваковъ, возвращаясь съ озеръ. Довольный онъ повременамъ останавливаясь,

поздравлялъ съ побѣдой свои войска. Около 10 часовъ вечера Наполеонъ добрался до большой дороги. Солдаты ближайшихъ частей принесли ему на ужинъ свои порціи. Этотъ счастливый для французовъ день былъ названъ сраженіемъ трехъ Императоровъ. Къ шести часамъ вечера наши отступившія съ центра позиціи войска и гвардія собрались позади Аустерлица и Годиць въ Мисковицахъ, а въ полночь гвардія направилась въ Венгрію черезъ Годыжець, Чейчь, Гедингъ и Голичь.

Такъ закончилось знаменитое Аустерлицкое сраженіе. Мы потеряли вмѣстѣ съ австрійцами около 30 тысячъ выбывшими изъ строя, 120 пушекъ и нѣсколько знаменъ, французы потеряли около 15 тысячъ. Императоръ австрійскій, считая свое положеніе безнадежнымъ, вступилъ въ переговоры съ Наполеономъ, а Александръ I-й, узнавъ о начатыхъ переговорахъ Австріей, повелѣлъ Своей арміи возвратиться въ Россію. Въ окрестностяхъ Голича у Сенницы до гвардіи дошли вѣсти о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Здѣсь же былъ полученъ слѣдующій Высочайшій приказъ: «Его Императорское Величество объявляетъ Свою совершенную благодарность всему корпусу, состоявшему подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича, за храбрость въ сраженіи 20 числа сего мѣсяца, которую оный корпусъ доказалъ, будучи употребленъ противъ самаго сильнаго упора непріятеля чему отдаетъ справедливость и самъ непріятель». Подъ Аустерлицемъ Лейбъ-казаки кромѣ раненыхъ потеряли убитыми штабсъ-ротмистра Филиппова, трехъ унтеръ-офицеровъ и 19 казаковъ. За оказанную здѣсь храбрость награждены: командующій полкомъ полковникъ Чернозубовъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени, ротмистръ Бирюковъ I-й, поручикъ Чеботаревъ и корнетъ Жмуринъ— орденами св. Анны 3 ст.

Подъ Аустерлицемъ наша гвардія покрыла себя славою, блистательно выйдя изъ труднаго положенія, а гвардейская кавалерія явила цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ,—«Кавалергарды, Конная Гвардія и Лейбъ-казаки отчаянными атаками спасли гвардейскую пѣхоту ¹⁾». Съ гордостью можно сказать, что здѣсь Лейбъ-казаки, вовремя прискакавшіе и мужественно кинувшіеся на французскія колонны, оказали гвардіи неоцѣненную услугу; что могло бы случиться, если бы въ критическую для гвардіи минуту не подоспѣли казаки трудно сказать, но можно думать, что безъ этой молодецкой атаки поразившей и ошеломившей французовъ,—едва ли удалось бы гвардіи перейти Раусницкій ручей безъ страшныхъ потерь.

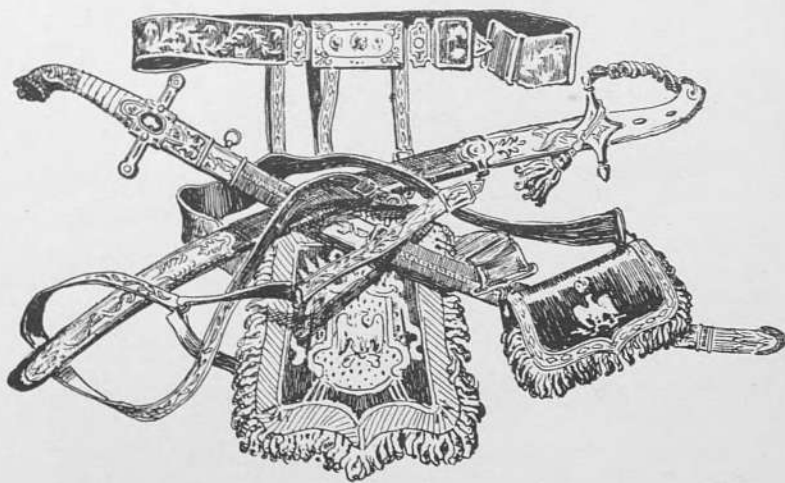
27-го Ноября русская армія двинулась въ Россію черезъ Венгрію и Галицію, встрѣчая вездѣ самый радушный пріемъ. 11-го Декабря гвардія вступила въ Краковъ, 1-го Января 1806 года въ Люблинъ и 9-го Января перешла Русскую границу у Брестъ-Литовска, откуда двинулась къ Петербургу. Глубокіе снѣга и жестокіе морозы крайне затрудняли дорогу. Къ Петербургу гвардія подошла въ концѣ марта и расположилась въ окрестностяхъ столицы, чтобы приготовиться къ парадному

¹⁾ «Воспоминанія»—О. Булгарина, ч. II.

вступленію въ нее. Императоръ Александръ I-й встрѣчалъ гвардію за Московской заставой, откуда полки слѣдовали уже церемоніальнымъ маршемъ до Зимняго дворца.

Вся столица встрѣчала войска, отдавая должное ихъ доблести. Передъ Коннымъ полкомъ везли его трофей—знамя 4-го пѣхотнаго французскаго полка, взятое подъ Аустерлицомъ.

На Дворцовой площади было приказано остановиться и всѣмъ безъ исключенія генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ были розданы очередные ордена.

Plattfuß: *Na, ja, das wäre
mir eben reiche! Nur
kommen gar die Horden
und die Turken und*

Der Cosak
und
der Freiwillige
von
Kotzebue

*fischen einen die christlichen
Dorfen vor der Nase weg*

Stenberg, in F. Campes

«Вотъ это мнѣ нравится! Являются язычники, турки, и вылавливаютъ изъ подъ нашего носу христіанскихъ дѣвочекъ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кампанія 1806—1807 гг.—Обстановка, начало войны.—Иена, Ауэрштедтъ, Прейсишъ-Эйлау.—Выступление въ походъ гвардіи.—Высочайшій смотръ.—Возобновленіе дѣйствій, положеніе и силы сторонъ.—Дѣло съ корпусомъ маршала Нея.—Клейнфельдъ, подвигъ Лейбъ-казаковъ у Вольфсдорфа.—Гутштадтъ, ночной поискъ Лейбъ-эскадрона черезъ р. Алле.—Дѣло у Фридландскаго моста.

Слѣдствіемъ Аустерлицкаго сраженія было отклоненіе Пруссіи отъ союза съ Россіей и Австріей, и сближеніе съ Франціей.

Но вскорѣ Пруссія уже почувствовала всю невыгоду принятаго ею положенія: занятіе Ганновера влекло за собою войну съ Англіей и, слѣдовательно, страдали торговые интересы Пруссіи. Желая измѣнить нѣкоторые пункты договора, Берлинскій кабинетъ обратился къ Наполеону, но пренебреженіе, выказанное имъ въ данномъ случаѣ, вызвало сильное негодованіе среди прусскаго народа. Уступая

общественному мнѣнію, король прусскій рѣшилъ употребить силу оружія противъ властолюбія Наполеона, заручившись предварительно союзомъ Россіи и, такимъ образомъ, въ 1806 году началась новая война. На этотъ разъ Пруссія повторила ошибку Австріи прошлой кампаніи: не дождавшись прибытія русскихъ, пруссаки рѣшились одни начать войну. Наполеонъ, давно знавшій о приготовленіяхъ Пруссіи,

съ своей стороны повторилъ пріемы прошлаго года: овладѣвъ линією сообщеній непріятельской арміи, онъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ разгромилъ пруссаковъ, а безпорядочное ихъ отступление довершило уничтоженіе почти 150 тысячной арміи. Ввиду неготовности къ защитѣ, крѣпости Штетингъ, Кистринъ и Шпандау принуждены были сдаться Наполеону въ дальнѣйшемъ его наступленіи и, черезъ 6 недѣль, вся Пруссія, за исключеніемъ восточной части съ городами Данцигомъ и

Кенигсбергомъ, была во власти французовъ. Русская армія, назначенная для содѣйствія пруссакамъ, состояла изъ двухъ корпусовъ: подъ командою генерала Бенигсена, около 60 тысячъ и, подъ командою графа Буксгевдена, около 40 тысячъ; главнокомандующимъ былъ назначенъ престарѣлый графъ Каменскій.

Какъ ни спѣшила русская армія на помощь Пруссіи, но Бенигсенъ перешель границу у Гродно только 1-го Ноября и сосредоточился у Остроленки, за нимъ слѣдовалъ Буксгевденъ и, прежде чѣмъ русской арміи удалось соединиться съ пруссаками, армія послѣднихъ уже не существовала, за исключеніемъ 14 тысячаго корпуса генерала Лестока, уцѣлѣвшаго въ восточной Пруссіи. Такимъ образомъ, рассчитывая только на эти ничтожныя силы, русскимъ, какъ и въ 1805 году, пришлось на себѣ нести всю тяжесть кампаніи.

Наполеонъ съ 160 тысячной арміей двинулся къ Вислѣ и къ половинѣ Ноября овладѣлъ переправами въ Торнѣ и въ Варшавѣ, у которой и была сосредоточена большая часть его силъ. Тѣмъ временемъ армія Бенигсена, совершая быстрое наступательное движеніе, расположилась между Вкрою, Бугомъ и Наревомъ, а вторая — Буксгевдена — между Голыминымъ и Маковымъ. Наполеонъ угрожалъ правому флангу русской арміи, имѣя цѣлью отрѣзать корпусъ Лестока, который стремился къ намъ на соединеніе; Бенигсенъ съ первой арміей остановился въ Пултускѣ, а Буксгевденъ въ Маковѣ. При дальнѣйшемъ развитіи своего плана, Наполеонъ наткнулся на неожиданное препятствіе, — наши незна-

Графъ Орловъ-Денисовъ.

чительныя передовыя силы въ продолженіи цѣлаго дня 11-го Декабря оказывали упорнѣйшее сопротивленіе французскимъ корпусамъ. Затѣмъ, вслѣдствіе колебаній нерѣшительнаго Каменскаго, создалась путаница въ передвиженіяхъ русскихъ войскъ такъ, что даже и Наполеонъ былъ сбитъ съ толку; наконецъ, приказавъ отступать, Каменскій уѣхалъ въ Остроленку, а Бенигсенъ рѣшилъ на свой страхъ принять бой у Пултуска; 14-го Декабря французская армія атаковала русскихъ.

Произошло кровопролитное сраженіе, закончившееся къ ночи отступленіемъ французовъ. Въ этотъ же день произошло второе славное для насъ дѣло у Голымина, гдѣ дрались наши части, сбившіяся съ пути вслѣдствіе безпорядочныхъ распоряженій Каменскаго и собравшіяся подъ командой князя Голицына. Голицынъ стойко держался цѣлый день противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ и отступилъ лишь съ наступленіемъ ночи. Несмотря на удачу при Пултускѣ, Бенигсенъ, имѣя ввиду громадныя непріятельскія силы, обходившія его отъ Голымина,

Донской казакъ.

отступилъ къ Остроленкѣ по лѣвому берегу Нарева. Буксгевденъ, во время этихъ боевъ стоявшій у Макова въ бездѣйствіи, отступилъ по правому берегу.

Вслѣдствіе разногласія начальниковъ, наши корпуса, отступавшіе по обоимъ берегамъ Нарева, дѣйствовали безъ всякой связи. Наполеонъ, расположивъ свою армію у Варшавы и ниже по Вислѣ на зимнія квартиры, дальше насъ не преслѣдовалъ, благодаря чему безначаліе въ нашей арміи не имѣло гибельныхъ послѣдствій. Наконецъ 28-го Декабря наши корпуса соединились въ Тыкочинѣ, и Бенигсенъ и Буксгевденъ, рѣшивъ дѣйствовать сообща, двинулись на Бялу, чтобы прикрыть восточную Пруссію.

31-го Декабря Высочайшимъ указомъ Бенигсенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ; вступивъ въ командованіе арміею, онъ рѣшилъ перейти въ наступленіе. 14-го Января произошло авангардное дѣло у Морунгена. Упустивъ представлявшіеся ему удобные случаи разбить разбросанные непріятельскіе корпуса, Бенигсенъ прекратилъ наступленіе и рѣшился ограничиться прикрытіемъ западной границы Россіи и Кенигсберга—резиденціи короля прусскаго. Послѣдовательно отступая съ позицій у Янкова, Ландсберга,—Бенигсенъ рѣшилъ принять бой подъ Прейсишъ-Эйлау. Багратионъ съ арьергардомъ занялъ самый городъ, а главныя позиціи тянулись по холмамъ къ востоку. Всего у Бенигсена было около 60 тысячъ, кромѣ того онъ ожидалъ прусскій корпусъ Лестока. 26-го Января, сосредоточивъ до 70 тысячъ, Наполеонъ овладѣлъ Эйлау, а 27-го французы повели атаку на наши главныя позиціи; произошелъ кровопролитнѣйшій бой, въ которомъ особенно способствовали успѣху дѣйствія нашей артиллеріи и своевременное прибытіе корпуса Лестока. Темнота прекратила сраженіе, оставивъ его не рѣшеннымъ; каждая изъ сторонъ потеряла около 20 тысячъ человекъ. Нашими трофеями было 4 французскихъ знамени и 1.000 плѣнныхъ. Ввиду страшныхъ потерь, Бенигсенъ отступилъ къ Кенигсбергу, а Наполеонъ, простоявъ на полѣ сраженія 9 дней, отступилъ за рѣку Пассаргу. Узнавъ объ этомъ, Бенигсенъ двинулся вслѣдъ и, къ концу Февраля, расположился вокругъ Бартенштейна. Затѣмъ наступилъ перерывъ въ дѣйствіяхъ съ обѣихъ сторонъ, за недостаткомъ продовольствія и крайнимъ утомленіемъ войскъ, продолжавшійся до Мая мѣсяца.

Насколько были изнурены французы, видно, хотя бы, изъ рапорта маршала Нея своему военному министру отъ 12-го Февраля: «Мы находимся въ величайшемъ затрудненіи относительно продовольствія... хлѣба совершенно нѣтъ, едва-едва находимъ живой скотъ для мяса, фуража также нѣтъ; придется умирать съ голоду»... И отъ 15-го Февраля: «Болезни свирѣпствуютъ въ арміи, ежедневно уменьшаютъ составъ полковъ и ослабляютъ ихъ силы. Въ 4 дня, которые мы простояли противъ непріятеля, отправлено въ госпитали 800 человекъ отъ изнуренія силъ, по причинѣ худого, недостаточнаго питанія»¹⁾). У насъ было немногимъ лучше.

Кампанія этого года указала на необходимость усилить нашу армію новыми подкрѣпленіями.

Въ рескриптѣ отъ 8-го Февраля 1807 года, благодаря Бенигсена и ввѣренныя ему войска за «всю радость доставленную счастливымъ исходомъ сраженія при Прейсишъ-Эйлау», Александръ I увѣдомлялъ о посылаемыхъ подкрѣпленіяхъ: «27 эскадроновъ и 27 баталіоновъ преимущественно гвардіи при положенной полковой артиллеріи и, кромѣ того, 50 орудій артиллеріи, изъ которыхъ 12 конныхъ».

Въ половинѣ Февраля всѣ гвардейскіе полки выступили изъ Петербурга подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича. Лейбъ-казаки были подъ командою полковника Чернузובה 5-го, въ составѣ двухъ эскадроновъ: Его Величества, которымъ командовалъ графъ Орловъ-Денисовъ, Василій Васильевичъ, въ чинѣ полковника войска Донского, переведенный въ полкъ въ 1806 году, и второго, который оставался подъ командою ротмистра Бирюкова. Этотъ походъ былъ чрезвычайно тяжелъ: морозы доходили до 25 градусовъ; шли усиленными маршами, имѣя дневки только черезъ пять или шесть переходовъ. За гвардіей шли длинные обозы обывательскихъ подводъ, на которыхъ везли ранцы, ружья, вьюки и усталыхъ людей. Кромѣ того имѣлись особыя телѣги для перевозки, попеременно, частей пѣхоты.

Къ 20-му Марта вся гвардія собралась въ пограничномъ городѣ Юрбургѣ, гдѣ ей былъ данъ отдыхъ. Находившійся въ это время вблизи Юрбурга въ Мемелѣ

Сподвижники Наполеона Друо, Понятовскій, Камбронъ, Мюратъ, Гурго.

¹⁾ «Записки графа Л. Л. Бенигсена». П. М. Майковъ.

Императоръ Александръ I.

Александръ I-й пожелалъ произвести Своей гвардіи смотръ и 27-го прибылъ съ королемъ и королевою прусскими въ Юрбургъ.

Послѣ смотра Государемъ была выражена войскамъ Высочайшая благодарность, и гвардія затѣмъ двинулась на соединеніе съ арміей Бенигсена. 10-го Апрѣля гвардія расположилась на квартирахъ въ Шипенбейлѣ.

Въ это время стараніями Австріи начались между воюющими сторонами переговоры о мирѣ и о составленіи общаго конгресса, а потому наши войска оставались нѣкоторое время въ бездѣйствіи. Намѣренія эти ни къ чему не привели и въ Бартенштейнѣ въ половинѣ Апрѣля рѣшимость продолжать войну была подтверждена особой конвенціей между Россіей и Пруссіей. Тѣмъ временемъ Бенигсень устроилъ укрѣпленный лагерь у Гейльсберга по обѣ стороны рѣки Алле. Теперь, подъ командою Бенигсена насчитывалось около 125 тысячъ человѣкъ; главныя силы находились между Гейльсбергомъ и Бартенштейномъ, правое крыло, подъ командою графа Толстого, между Лауненомъ и Зигбургомъ, корпусъ Эссена у Остроленки, а Платовъ съ казаками прикрывалъ фронтъ.

Французскій карбинеръ.

Кромѣ того, резервная армія около 30 тысячъ подъ командою князя Лобанова подходила къ Нѣману. Съ своей стороны, Наполеонъ, получивъ въ подкрѣпленіе три свѣжихъ дивизіи и 20 тысячный корпусъ поляковъ, подъ начальствомъ Домбровскаго и Заіончека, довелъ численность своей арміи приблизительно до 200 тысячъ человѣкъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ опять возобновились военныя дѣйствія. Бенигсень, получивъ свѣдѣнія, что корпусъ Нея, бывший въ авангардѣ французской арміи, слишкомъ выдался впередъ къ Гутштадту, рѣшилъ его отрѣзать отъ главныхъ силъ Наполеона, расположенныхъ по другую сторону рѣки Пассарги. Это намъ не удалось, такъ какъ посланные обойти Нея русскіе отряды не исполнили движенія своевременно и Ней свободно могъ отступать; но, тѣмъ не менѣе, произведенная авангардомъ кн. Багратіона атака съ фронта нанесла корпусу Нея сильнѣйшій уронъ: натискъ Багратіона былъ такъ силенъ, что Ней, при своемъ поспѣшномъ отступленіи, принужденъ былъ бросить двѣ пушки и часть обоза. Здѣсь пришлось

поработать и нашей кавалеріи, особенно же Лейбъ-казакамъ, которые, во время отступленія непріятельскаго корпуса, шли за нимъ по пятамъ и смѣлыми натисками наносили ему большой вредъ. Ней мужественно отбивался и къ вечеру остановился у Анкендорфа.

На другой день, въ 3 часа утра, князь Багратіонъ снова атаковалъ Нейя, занявшаго крѣпкую позицію: лѣвое крыло его примыкало къ болоту, а правое къ лѣсистымъ горамъ. Опрокинутый на своемъ правомъ флангѣ, Ней началъ отступление и перешелъ Пассаргу. Онъ потерялъ въ оба дня до 1.500 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и генералъ Роже.

При первомъ извѣстіи о нападеніи на Нейя, Наполеонъ поспѣшилъ сосредоточить свою армію у Зальфельда, ожидая общей, со стороны нашей, атаки; но Бенигсенъ не рѣшался пока перейти чрезъ Пассаргу, въ виду многочисленной французской арміи и ограничился занятіемъ пространства между Гутштадтомъ и этою рѣкою: авангардъ князя Багратіона сталъ въ Деппенѣ, выдвинувъ Лейбъ-казаковъ на передовые посты по берегу Пассарги.

26-го Мая пріѣхалъ къ Нейю Наполеонъ; узнавъ, что русскіе не идутъ впередъ, онъ рѣшился самъ начать наступательныя дѣйствія.

Рано утромъ, 26-го Мая Лейбъ-казаки замѣтили необыкновенное движеніе въ непріятельскихъ колоннахъ, расположенныхъ по ту сторону Пассарги. Извѣщенный объ этомъ князь Багратіонъ поспѣшилъ къ авангарду и, удостовѣрившись въ приготовленіяхъ непріятеля къ наступленію, далъ приказаніе командующему передовыми войсками авангарда, генералъ-маіору Раевскому, отступать при появленіи французовъ.

Пѣхотная французская бригада изъ корпуса Сульта первая перешла по навешеннымъ мостамъ на правый берегъ Пассарги, у Эльдингена. Оберегавшіе переправу казаки отступили... Увѣренность французовъ въ нашемъ отступленіи была такъ велика, что они не позаботились даже принять, обыкновенныхъ при всякомъ движеніи, мѣръ предосторожности и французская бригада, въ одной колоннѣ, безъ авангарда пошла впередъ за отступавшими Лейбъ-казаками. Казаки, замѣтивъ оплошность французовъ, дали знать Раевскому, который и устроилъ французамъ засаду... Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Пассарги лежала на пути деревня Клейнфельдъ, въ которую смѣло вошли французы... но здѣсь они, совершенно неожиданно, были встрѣчены русскими, заранѣе приготовившимися къ бою... Въ нѣсколько минутъ французы были окружены, взяты во флангъ нашею кавалеріею и, въ полнѣйшемъ безпорядкѣ бросились назадъ. Лейбъ-казаки понеслись за бѣгущимъ непріателемъ и довершили совершенно его пораженіе. Бригадный французскій начальникъ, Гюо, заплатилъ жизнию за свою самоувѣренность. Къ концу этого молодецкаго дѣла пріѣхалъ къ авангарду и князь Багратіонъ. Увидя наступленіе цѣлаго корпуса маршала Сульта, онъ приказалъ своимъ войскамъ оставить деревню Клейнфельдъ и отступать къ Гутштадту.

Отступивъ отъ Деппенской позиціи къ Анкендорфу, Багратіонъ приказалъ Раевскому подойти къ нему ближе и стать на одной съ нимъ высотѣ у деревни

Вольфсдорфъ. Раннимъ утромъ 28-го Мая французы одновременно атаковали обѣ наши арьергардныя позиціи. Вольфсдорфъ переходилъ нѣсколько разъ отъ насъ къ французамъ и обратно, въ самыхъ улицахъ сметала все съ пути картечь и пѣхота ходила въ штыки. Кругомъ кавалерія отчаянно рубилась. Лейбъ-казаки

Казачья развѣдка.

совершили здѣсь нѣсколько смѣлыхъ атакъ, они первые встрѣтили здѣсь передовой французскій отрядъ и, встрѣтивъ его пиками, совершенно разсѣяли. Увлеченные успѣхомъ, Лейбъ-казаки въ погонѣ за бѣгущими французами наскочили на непріятельскую пѣхотную колонну прикрытую артиллеріею. Врѣзавшись въ колонну, они произвели въ ней страшное опустошеніе, а между тѣмъ къ оправившимся отъ

Французскіе конно-егеря.

ровъ, Кураповъ, Ерофѣевъ, Чернышевъ, Михайловъ и Устиновъ, несмотря на начавшееся уже отступление своихъ эскадроновъ, бросились впередъ съ такой рѣшимостью, что смяли окружившихъ Меликъ-Осипова французовъ и успѣли его выручить, но трое изъ нихъ—Ерофѣевъ, Михайловъ и Устиновъ—заплатили за этотъ подвигъ своею жизнью, а уцѣлѣвшіе Кураповъ, Чернышевъ и Комаровъ за спасеніе офицера были награждены знаками военного ордена. Пока происходилъ этотъ эпизодъ, командующій Лейбъ-казаками генераль-маіоръ Чернозубовъ, уже приводившій послѣ схватки въ порядокъ свои эскадроны, замѣтилъ въ отдаленіи полкъ французскихъ гвардейскихъ конно-егерей, несшихся въ атаку на нашъ флангъ. Быстро повернувъ эскадроны, Чернозубовъ бросился навстрѣчу французамъ. Быстрота движенія совершенно смутила непріятеля, предполагавшаго уничтожить казаковъ своею фланговою атакою. Французскіе егеря не выдержали, смѣшались и въ безпорядкѣ бросились назадъ, преслѣдуемые казаками.

Раевскій только тогда началъ отступление, когда непріятель ввелъ въ дѣло слишкомъ значительныя силы и началъ угрожать намъ обходомъ. Слишкомъ 7 верстъ надо было пройти ему до Гутштадта, удерживая на своихъ плечахъ натискъ французовъ, безъ малѣйшаго отдыха. Также храбро отступалъ и Багратіонъ. Французы, узнавъ объ опасности, которой подвергались наши главные силы, переправляющіяся черезъ Алле у Гутштадта, напрягали всѣ свои усилія, чтобы сломить нашъ арьергардъ и поспѣть скорѣе къ мѣсту переправы. Однако, несмотря на всѣ старанія, они дошли до стѣнъ Гутштадта не ранѣе какъ черезъ четыре часа,—такъ долго князь Багратіонъ и Раевскій задерживали ихъ при своемъ отступленіи. Но и при Гутштадтѣ французовъ ждалъ новый ожесточенный бой, чтобы дать возможность своимъ войскамъ пройти городъ и перебраться черезъ рѣку Алле, имѣющую

неожиданности французамъ подоспѣли подкрѣпленія. Трудень былъ этотъ бой для Лейбъ-казаковъ: ринувшись на массу французской пѣхоты, врѣзаться то они врѣзались, но сами разстроили свои ряды и принуждены были рубиться въ одиночку. Корнетъ князь Меликъ-Осиповъ, увлеченный отвагою, зарвался дальше всѣхъ и очутился одинъ среди непріятеля. Окруженный со всѣхъ сторонъ французами, онъ отбивался изъ послѣднихъ силъ. Замѣтя гибель своего офицера, Лейбъ-казаки Кома-

очень высокіе и обрывистые берега, крайне затрудняющіе переправу. Князь Багратіонъ былъ принужденъ употребить послѣднія усилія для задержанія французовъ у городскихъ стѣнъ. Онъ расположилъ на возвышенностяхъ заднія свои колонны, предназначенныя прикрыть отступленіе прочихъ войскъ нашего арьергарда черезъ городъ, и размѣстилъ впереди упомянутыхъ колоннъ свою артиллерію. Французы дружно пошли въ атаку. Завязался упорный рукопашный бой, но сломить русскихъ было нелегко; бой длился до тѣхъ поръ, пока передовыя части нашего арьергарда не перешли рѣку и только тогда наши сражающіяся колонны начали отступать. Замѣтивъ это, французы еще усилили свой натискъ, а конница ихъ стремительно бросилась на нашъ лѣвый флангъ и, подавляя своимъ численнымъ превосходствомъ, успѣла отрѣзать часть нашихъ войскъ отъ пути отступленія. На выручку отрѣзаннымъ прискакали Лейбъ-казаки: лихо налетѣли они на флангъ французской кавалеріи и, отбросивъ ее на нашъ отрѣзанный лѣвый флангъ, привели въ полное разстройство. Поражаемая съ двухъ сторонъ, французская конница стала отступать и укрылась за своей пѣхотой. На плечахъ Лейбъ-казаковъ, постепенно отходившихъ съ арьергардомъ, французы ворвались въ Гутштадтъ. Ближайшимъ частямъ къ непріятелю нашего арьергарда предстояла теперь трудная задача въ свою очередь переправляться черезъ Алле подъ непосредственными ударами французовъ. Полковникъ Орловъ-Денисовъ, видя опасность, которой подвергались остающіяся еще на лѣвомъ непріятельскомъ берегу Алле наши войска, вызвалъ изъ Лейбъ-казаковъ охотниковъ и съ ними держался на той сторонѣ рѣки до тѣхъ поръ, пока весь арьергардъ не кончилъ переправу; тогда рѣшительно атаковавъ ближайшіе ряды французовъ, Орловъ-Денисовъ, отбросивъ ихъ и воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, успѣлъ благополучно присоединиться къ своимъ ¹⁾). За отличіе въ сраженіи при Гутштадтѣ были награждены знаками отличія военнаго ордена св. Георгія изъ Лейбъ-казаковъ вахмистры: Парамоновъ и Косоротовъ, юнкера: Даниловъ, Сулхановъ и Сенюткинъ, унтеръ-офицеры: Филипповъ, Мельниковъ Алексѣй, Мельниковъ Степанъ и казаки: Абрамовъ, Агурѣевъ, Ауловъ, Бендеберинъ, Булановъ, Бобылевъ, Валуйсковъ, Золотаревъ, Коржовъ, Поповъ, Фроловъ, Чекомасовъ и Романовскій, раненный пулею въ ногу навывлетъ, но до конца оставшійся въ строю.

Въ то время, пока Орловъ-Денисовъ стойко удерживался съ охотниками изъ Лейбъ-эскадрона на томъ берегу Алле, Лейбъ-казаки Бендеберинъ и Валуйсковъ увидя, что подъ скакавшимъ передъ непріятельскою пѣхотною линією французскимъ офицеромъ споткнулась и упала лошадь, бросились туда. Изумившіеся французы не успѣли и выстрѣлить, какъ Лейбъ-казаки схватили непріятельскаго офицера и помчались съ нимъ обратно къ своему эскадрону.

Всю ночь послѣ переправы армія наша двигалась по берегу рѣки Алле вверхъ до Гейльсберга и къ утру 29-го Мая расположилась на избранной Бенигсеномъ позиціи. Такъ какъ неизвѣстно было, по которой сторонѣ рѣки пойдетъ преслѣ-

¹⁾ Изъ дѣлъ полковой канцеляріи Арх. Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка.

дующая часть армия Наполеона, то войска были размещены перед Гейльсбергом на обоих берегах реки. Впереди всей нашей позиции были построены редуты и поставлены на них батареи. Войска, расположенные на правом берегу, поступили под начальство Великого Князя Цесаревича. Состоявшая в числе этих войск гвардия, к которой из арьергарда примкнули и Лейб-казаки, была назначена в резерв и стала позади расположения войск у стѣн города. Въ десятомъ часу утра показались уже на лѣвомъ берегу Алле головныя колонны французской арміи и раздались первые выстрѣлы. Нашъ авангардъ подъ командой князя Багратиона медленно отступалъ на позицію, продолжая усиленную перестрѣлку и вскорѣ съ Гейльсбергскихъ высотъ наша гвардія увидѣла развернушіеся на противоположномъ берегу полки французскихъ войскъ. Но напрасно она устремляла свои взоры на открытую мѣстность передъ фронтомъ своей позиции. Наполеонъ двинулъ свои сосредоточенныя силы противъ центра нашего расположения. Безмолвно то со страхомъ, то съ восторгомъ слѣдила наша гвардія за ходомъ сраженія; видѣла какъ одинъ за другимъ переводились стояшіе передъ нею въ первой линіи наши полки на лѣвый берегъ Алле и становились въ ряды сражающихся, какъ въ безпорядкѣ бѣжали французы назадъ послѣ неудавшейся атаки на нашъ центръ, какъ снова вернулись они съ удвоенными силами и какъ снова бѣжали, какъ ударили потомъ на нашъ правый флангъ и въ третій разъ потерпѣли неудачу. Когда сраженіе кончилось, гвардія наша очутилась одинокою на всемъ пространствѣ праваго берега Алле, она одна не оставляла своей позиции въ теченіи битвы и она одна не принимала въ ней дѣйствительнаго участія. Послѣ новой неудачной попытки сбить насъ, предпринятой уже въ одиннадцать часовъ ночи, Наполеонъ принужденъ былъ отступить. Наши форпосты расположились по берегамъ, а

Поискъ черезъ рѣку Алле.

стояшія на возвышеніи батареи не переставали посылать ядра въ направленіи, по которому непріятель удалялся. Полковникъ графъ Орловъ - Денисовъ получилъ приказаніе разсыпать эскадронъ Его Величества по берегу реки Алле для наблюденія за движеніями на противоположномъ берегу непріятельскихъ колоннъ. Между тѣмъ наступила полнѣйшая темнота. Несмотря на то, что до насъ доносился шумъ, производимый при передвиженіяхъ французовъ и что казаки вели неумолкаемую пере-

стрѣлку съ ними черезъ рѣку, у насъ не могли составить вѣрнаго понятія о значеніи и направленіи этихъ передвиженій. Не зная, гдѣ непріятель расположился послѣ битвы, наша артиллерія принуждена была прекратить свой огонь. Тогда Великій Князь Константинъ Павловичъ обратился къ Лейб-казакамъ и

вызвалъ изъ нихъ охотниковъ — совершить опасный поискъ на ту сторону Алле, чтобы высмотрѣть расположеніе французскихъ войскъ и ихъ позицій. Въ охотникахъ недостатка не было: корнету Жмурину, вызвавшемуся первымъ, удалось принять эту команду храбрыхъ и вести ее на смѣлый подвигъ. Шель сильный дождь, темныя тучи нависли надъ землею, усиливая мракъ ночи. Въ полночь, когда въ обѣихъ арміяхъ наступила тишина, наши удалцы незаметно пробрались внизъ по правому берегу Алле и противъ центра расположенія французской арміи пустились вплавь. Неслышно переплыли привычные ихъ кони неширокую рѣку и выбрались на

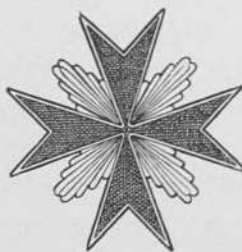
Дѣло у Фридландскаго моста.

крутой противоположный берегъ. Условившись заранѣе о мѣстѣ сбора, Лейбъ-казаки пустились на поиски. Съ полнымъ успѣхомъ развѣдавъ все, что было нужно, Жмуринъ, захвативъ по дорогѣ зазѣвавшагося французскаго часового, благополучно вернулся назадъ и подробно доложилъ все Цесаревичу Константину. Благодаря доставленнымъ Лейбъ-казаками свѣдѣніямъ, артиллеристы могли правильно навести орудія и замолкнувшая было канонада опять продолжилась на всю ночь ¹⁾.

Въ 6 часовъ утра 30-го Мая французы пришли въ движеніе и Бенигсенъ приготовился ихъ встрѣтить, но получивъ донесеніе, что непріятель двинулся влѣво и, несмотря на завязанную перестрѣлку, избѣгаетъ сраженія, — Бенигсенъ приказалъ двигаться за рѣку Прегель. Къ утру 31-го Мая Бенигсенъ прибылъ въ Бартенштейнъ, но имѣя свѣдѣнія отъ казаковъ о появленіи французовъ у Домнау, онъ созналъ необходимость употребить всѣ усилія для прикрытія Кенигсберга, гдѣ находились запасы русской арміи и потому поспѣшилъ къ Фридланду, чтобы не допустить непріятеля овладѣть находящеюся тамъ переправою черезъ Алле. Стараясь предупредить его Бенигсенъ отправилъ впередъ генерала Кологривова съ гвардейскою конницею, имѣвшею впереди Лейбъ-казаковъ. Въ Фридландѣ въ это время уже находился Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка поручикъ Каменновъ 1-й съ полковымъ аудиторомъ Костинымъ и командою изъ 25 Лейбъ-казаковъ и 25 уланъ и гусаръ, присланный для пріема продовольствія полкамъ первой кавалерійской дивизіи. Узнавъ о приближеніи французовъ, Каменновъ поспѣшилъ приготовить обозы и тронуться въ путь. Но на дорогѣ ему сообщили, что два эскадрона французской кавалеріи уже вошли въ городъ и спѣшатъ сжечь мостъ черезъ Алле для воспрепятствованія нашей арміи переправиться на лѣвый берегъ рѣки. Тогда Каменновъ

¹⁾ Изъ дѣлъ полковой канцеляріи.

и Костинъ рѣшились остановиться и, несмотря на неравенство силъ, попытаться удержать французовъ и не допустить ихъ къ мосту до прибытія нашего авангарда. Французы приближались, тогда Каменновъ съ горстью бывшихъ у него людей смѣло атаковалъ французовъ и затѣмъ стойко ихъ удерживалъ, не подаваясь ни шагу назадъ. Въ это время на противоположной сторонѣ рѣки показались Лейбъ-казаки и уланы Цесаревича. Это придало еще болѣе смѣлости нашимъ храбрецамъ. Часть французовъ было бросилась разбирать мостъ, но прежде чѣмъ они успѣли окончить свою работу, они должны были спастись бѣгствомъ отъ атаковавшихъ ихъ подоспѣвшихъ уланъ и Лейбъ-казаковъ. За это молодецкое дѣло поручикъ Каменновъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 степени ¹⁾, аудиторъ Костинъ орденомъ св. Анны 3 степени, юнкеръ Абрамовъ, унтеръ-офицеръ Кольцовъ и казаки: Карташевъ, Кривороговъ и Бреховъ, раненный пулею въ животъ—знаками отличія военного ордена св. Георгія.

---

¹⁾ Александръ Михайловичъ впоследствии командиръ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Фридландское сраженіе.—Атака Лейбъ-казаковъ.—Потеря французскими кирасирами штандарта.—Награды и потери Лейбъ-казаковъ.—Назначеніе въ конвой къ Императору Александру I.—Тильзитскій миръ.—Обратный походъ.—Раздѣленіе эскадроновъ.—Заключеніе.—Біографія Ефремова.

По занятіи Фридланда, генераль Кологривовъ тотчасъ же выслалъ въ разныхъ направленіяхъ легкіе кавалерійскіе отряды выбить французовъ изъ ближайшихъ деревень Лейбъ-казаки, несмотря на проведенную ими безъ сна и отдыха ночь, и здѣсь были выдвинуты впередъ и имъ пришлось и другую ночь скоротать въ разъѣздахъ, перестрѣлкахъ и стычкахъ съ непріателемъ. 2-го Іюня ранній разсвѣтъ засталъ Лейбъ-казаковъ далеко впереди Фридланда, по дорогамъ къ Домнау, Шипенбейлю и Сортлаку. Здѣсь они слышали артиллерійскіе выстрѣлы, раздавшіеся далеко съ правой стороны и возвѣстившіе движенія на насъ корпуса Ланна. Слабый свѣтъ наступающаго утра не позволялъ обѣимъ враждующимъ сторонамъ разглядѣть другъ друга. Русскіе передовые посты перестрѣливаясь отступали передъ медленнымъ и уклончивымъ движеніемъ французовъ и, когда, наконецъ, показалось солнце, то оно освѣтило весьма незначительныя силы французскаго маршала. Получивъ свѣдѣнія о происходившемъ, нашъ главнокомандующій отдалъ приказаніе перейти нѣсколькимъ дивизіямъ съ праваго берега рѣки на лѣвый и стать передъ Фридландомъ на позицію тыломъ къ рѣкѣ, что и было исполнено въ 5-мъ часу утра. Войска заняли боевой порядокъ: лѣвое крыло, подъ начальствомъ Багратіона, затѣмъ корпусъ генерала Горчакова, 2-я дивизія — генерала Сукина. 7-я и 8-я подъ командою генерала Дохтурова, 3-я подъ начальствомъ генерала Титова и на правомъ флангѣ кавалерія генераловъ Кологривова и Уварова, противъ деревни Гейнрихсдорфъ; впереди кавалеріи стали батареи. Въ резервѣ — Семеновцы, Измайловцы и Конногвардейцы, съ частью артиллеріи; всего у насъ насчитывалось до 46 тысячъ.

Мѣстность предстоящаго сраженія представляла изъ себя совершенно открытую площадь, окаймленную изгибомъ рѣки Алле, полого спускающуюся къ городу Фридланду и рѣкѣ. Поперекъ позиціи, раздѣляя ее на два неравныхъ участка, протекаетъ ручей Мюленфлисъ, впадающій въ Алле,—сѣверный участокъ значительно больше южнаго.

Французская артиллерія.

Для сообщенія между флангами черезъ Мюленфлисъ было наведено 4 моста; для сообщенія же съ правымъ берегомъ Алле было 3 моста въ самомъ Фридландѣ. Къ югу и западу впереди нашей позиціи находились значительные лѣса, маскировавшіе вполне движенія французовъ; маневрированіе же нашихъ войскъ было видно непріятелю какъ на ладони. Ланнъ, искусно, воспользовавшись за-

крытой мѣстностью, расположилъ стрѣлковыя цѣпи по лѣснымъ опушкамъ и въ высокой ржи полей и развернулъ всю артиллерію, растянувъ, такимъ образомъ, свои 12 тысячъ на 5 верстъ, благодаря чему Бенигсенъ, введенный въ заблужденіе, не рѣшался на слишкомъ энергичныя дѣйствія.

Такъ началась Фридландская битва. Къ полудню подоспѣлъ Наполеонъ съ главными силами, всего до 85 тысячъ. Окинувъ взглядомъ нашу позицію, онъ тотчасъ разослалъ приказанія перейти въ наступленіе, и участь нашего лѣваго крыла, бывшего подъ командой князя Багратіона, была рѣшена: раздался залпъ французскихъ орудій—сигналь къ атакѣ. Сюда былъ направленъ главный ударъ съ цѣлью, опрокинувъ наше лѣвое крыло, овладѣть Фридландомъ и переправами черезъ Алле. На Сортлакскій лѣсъ двинулся Ней. Передъ нашимъ лѣвымъ крыломъ въ лѣсу завязалась жаркая перестрѣлка, и вскорѣ колонны Нея показались передъ нами, но часъ побѣды ихъ еще не насталъ—русскія батареи осыпали непріятеля картечью. Было уже около 5 часовъ дня. Изъ лѣса, ближе къ центру позиціи, показались колонны непріятельской конницы,—это были знаменитые драгуны Латуръ-Мобура; не останавливаясь, подъ артиллерійскимъ огнемъ, который былъ открытъ противъ нихъ, они стали разворачиваться для атаки. Двумъ эскадронамъ уланъ Цесаревича и Лейбъ-казачьему лейбъ-эскадрону было приказано атаковать французовъ. Наши выдвинулись на рысяхъ, прошли повзводно деревню, свернули

налѣво и развернули фронтъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ французовъ склонились казачьи и уланскія пики и наши съ гикомъ бросились въ карьеръ. Драгуны оставались стоять на мѣстѣ недвижною густою массою. Когда казаки и уланы были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ фронта, драгуны, съ коня, открыли огонь; затѣмъ по линіи французовъ раздался крикъ: «Впередъ, да здравствуетъ Императоръ» и драгуны двинулись навстрѣчу крупной рысью. Передовые всадники уже смѣшались. Какъ корабль разсѣкаетъ волны, такъ и крупные драгуны на тяжелыхъ лошадяхъ своей густою массою, будучи, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ сильнѣе насъ, раздвинули нашъ легкій фронтъ и потѣснили къ деревнѣ; началась ожесточенная свалка на улицахъ. Въ этотъ моментъ подоспѣлъ второй эскадронъ Лейбъ-казаковъ и Лейбъ-гусары; драгуны не выдержали и повернули обратно къ лѣсу. Казаки бросились ихъ преслѣдовать, и вернувшись, затѣмъ привели съ собою доставшихся имъ въ добычу хорошихъ французскихъ лошадей нормандской породы.

Только что послѣ этого дѣла наши собрались за деревней, какъ было приказано уланамъ, тремъ эскадронамъ Лейбъ-гусаръ и Александрійскимъ гусарамъ съ генераломъ Ламбертомъ выдвинуться на нашъ крайній правый флангъ для выясненія обстановки. Пройдя вправо и обогнувъ лѣсъ, увидѣли сильную пыль,—это шли къ маршалу Мортье подкрѣпленія. Тутъ же стояла спѣшившись французская конница; замѣтивъ нашихъ, у французовъ затрубили тревогу, они сѣли на лошадей и пошли навстрѣчу. Это были драгуны и кирасиры,—рослые люди на огромныхъ лошадяхъ, сверкая латами и касками съ развивающимися на нихъ черными гривами, они производили внушительное впечатлѣніе. Французы шли тремя колоннами, ихъ здѣсь было до 50 эскадроновъ.

Послѣ схватки наши уланы и гусары отхлынули назадъ. Къ этому моменту сюда подскакали остальные эскадроны Лейбъ-гусаръ и Гродненскіе гусары и наша конница опять, устроившись, бросилась въ атаку,—Гродненцы, уланы, Александрійцы и Лейбъ-гусары... Вотъ показались сзади Лейбъ-казаки; еще дальше спѣшилъ генералъ Уваровъ съ резервною конницею и нѣсколькими конными орудіями. Грозно сошлись эти двѣ массы всадниковъ, и завязался упорный лихой кавалерійскій бой... Заколыхались по фронту, прерываясь, обѣ линіи, то подаваясь впередъ, то ускакивая назадъ. Въ это мгновеніе на флангѣ французскихъ кирасиръ раздалось казачье гиканье и примчавшіеся Лейбъ-казаки съ опущенными пиками врѣзались въ ряды непріятеля. Латы не спасали кирасиръ отъ казачьихъ ударовъ; казаки цѣлили подъ мышки или ниже кирасы въ животъ.

Garde imperiale dragon.

Корнетъ Поповъ, вскочившій въ самую средину непріятельской колонны, былъ окруженъ французами и сбитъ съ лошади; гибель его казалась неизбѣжной; Лейбъ-казаки Перфиловъ, Талалаевъ, Гудковъ и Батальщиковъ бросились къ Попову на помощь и успѣли освободить своего офицера въ то самое мгновеніе, когда надъ его головою уже былъ занесенъ французскій палашь. Всѣ эти четыре молодца получили знаки отличія военнаго ордена св. Георгія.

Тутъ подоспѣла конница Уварова и вся наша линія повторила атаку. Тѣмъ временемъ французскіе кирасиры, атакованные съ двухъ сторонъ, не выдержали и,

En embuscade.

потерявъ свой орелъ, въ безпорядкѣ бросились назадъ, увлекая по пути и другіе полки свои. Тогда ринулась за французами вся наша конница; много поработали наши пики и сабли,—поле было усѣяно французскими латниками и драгунами, всю массу которыхъ прогнали къ лѣсу.

Вслѣдъ за этой атакой были двинуты впередъ и наши пѣхотные полки. Казалось, побѣда была уже безспорна,—на всемъ правомъ флангѣ поле сраженія уже было въ нашихъ рукахъ, но тутъ совершилось то знаменитое выступленіе французской артиллеріи, которое не имѣло еще примѣра въ прошедшемъ: 36 орудій, скрывавшихся за возвышенностями, вдругъ, на полномъ карьерѣ, вынеслись изъ французскихъ колоннъ и, снявшись съ передковъ, на разстояніи не болѣе 200 сажень отъ русскихъ рядовъ, брызнули картечью. Не успѣли наши войска оправиться

отъ такой неожиданности, какъ французскія батареи снова помчались впередъ, остановились въ ста саженьяхъ и снова открыли убійственный огонь по плотной стѣнѣ русскихъ полковъ. Напрасно бросались наши полки на эти смертоносныя орудія, картечь рвала ряды и устилала землю трупами. На смѣну павшимъ спѣшили другіе, но только для того, чтобы въ свою очередь пасть хотя и со славой, но бесполезно для дѣла. Едва ли гдѣ-либо было потрачено столько мужества и столько усилій такъ бесплодно, такъ безнадежно. Только русскіе были способны вынести эти страшныя минуты и не предаться бѣгству. Наконецъ, началось наше отступление. Съ каждымъ шагомъ суживалось пространство въ вершинѣ остраго угла образуемаго рѣкою Алле у Фридланда, а картечь не переставала градомъ сыпаться на эту массу отступающихъ.

По показаніямъ французовъ, артиллерія ихъ выпустила въ это время болѣе 2000 картечныхъ зарядовъ. Несмотря на наше отступление, цѣль задуманной Наполеономъ колоссальной атаки не была вполне достигнута, ему не удалось, какъ онъ предполагалъ, уничтожить наше лѣвое крыло, оно отступило въ городъ медленно и въ порядкѣ, насколько, конечно, былъ мыслимъ порядокъ въ пережитыя войсками эти тяжелыя минуты. У стѣнъ Фридланда у насъ успѣли сформировать арьергардъ, который продолжалъ ожесточенно сражаться съ французами въ самомъ городѣ и надолго задерживалъ ихъ напоръ на нашу отступающую армію. Этотъ арьергардъ замыкался Лейбъ-казачьимъ полкомъ.

Вся наша потеря убитыми и ранеными составляла около 5 тысячъ человекъ, мы захватили у французовъ орла и около 100 плѣнныхъ, но и сами лишились 5 орудій, которыя, будучи подбиты, остались на полѣ сраженія. Двинувшись послѣ сраженія на Алленбургъ тремя колоннами, Бенгсенъ оставилъ арьергардъ подъ командою Багратіона, который послѣдовательно на позиціяхъ у деревни Клошененъ, а затѣмъ у деревни Кукшененъ задерживалъ непріятеля до 10 часовъ утра, прикрывая движеніе войскъ по правому берегу рѣки Алле. Платовъ съ своимъ летучимъ отрядомъ также прикрывалъ отступление. Армія совершила спокойно свое движеніе къ Алленбургу, а оттуда къ Велау, куда прибыла къ вечеру 3-го Іюня, перейдя рѣку Прегель. Во все это время ни разу не пришлось даже выстрѣлить изъ ружья, — настолько было сильно впечатлѣніе, произведенное на французовъ сраженіемъ подъ Фридландомъ. Наконецъ, 6-го утромъ армія прибыла въ Тильзитъ. Занявъ позиціи арьергардомъ Багратіона и Каменскаго, армія совершила переправу на правый берегъ Нѣмана, а 7-го Іюня перешли арьергарды и затѣмъ отрядъ Платова, послѣ чего мостъ черезъ Нѣманъ былъ сожженъ, а войска стали на ближнихъ высотахъ.

Результатомъ Фридландской битвы была новая слава для доблестной, хотя и побѣжденной, русской арміи. Иностранцы не находили словъ для выраженія своего удивленія передъ геройствомъ нашихъ войскъ. «Они побѣдили бы», писалъ англійскій посоль своему правительству «если бы только одно мужество могло доставить побѣду». Подъ Фридландомъ Лейбъ-казаки потеряли убитыми 28 человекъ и 33 ранеными, въ числѣ которыхъ былъ корнетъ Поповъ 3-й. О доблести казачьей свидѣтельствовалъ и самъ Бенигсенъ—онъ говоритъ: «наѣзды казаковъ доставили новыя доказательства о пользѣ этого войска при арміи и тѣхъ большихъ услугахъ, которыя они ей оказывали. Казаки предохраняютъ отряды отъ внезапныхъ нападений, они доставляютъ свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ войскъ въ отдаленномъ

Казачьи упражненія.

еще разстояніи. Съ величайшимъ искусствомъ захватываютъ въ плѣнъ всякій разъ, когда ощущается необходимость въ плѣнныхъ, чтобы получить какія-либо свѣдѣнія, ловко перехватываютъ непріятельскія депеши, нерѣдко весьма важныя, утомляютъ набѣгами непріятельскія войска, изнуряютъ его кавалерію постоянными тревогами, которыя они причиняютъ, а также тою дѣятельностью, осмотрительностью, бдительностью и бодрствованіемъ, съ которыми непріятельская кавалерія обязана отправлять постоянно

свою службу, чтобы не быть захваченною врасплохъ казаками. Кромѣ того, они пользуются малѣйшею оплошностью непріятеля и немедленно заставляютъ его въ томъ раскаиваться...»¹⁾

Непріятель самъ отдалъ должное дѣятельности казаковъ: «Очень непріятно, что невозможно скрыть отъ непріятеля малѣйшее движеніе войскъ», жаловался маршалъ Ней на казаковъ въ рапортѣ на имя французскаго военнаго министра, отъ 2-го Февраля новаго стиля.

Доблесть Лейбъ-казаковъ, ихъ подвиги, храбрость и самоотверженіе были награждены по заслугамъ: полковникъ графъ Орловъ-Денисовъ—орденомъ св. Георгія 4-й степени, ротмистры: Бирюковъ 1-й и Ягодинъ Алексѣй, штабсъ-ротмистры, Ефремовъ, Ягодинъ Димитрій, Протопоповъ, поручики: Фоминъ и корнетъ Жмуринъ—орденами св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Корнеты: Бирюковъ 2-й, Поповъ 3-й и Меликъ-Осиповъ—орденами св. Анны 3-ей степени, изъ нижнихъ

¹⁾ Записки графа Л. Л. Бенигсена.

чиновъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, отличившихся въ Фридландской битвѣ, получили знаки отличія военнаго ордена св. Георгія: штабъ-трубачъ Даниловъ, юнкера: Кузнецовъ, Малаховъ, Наумовъ, унтеръ-офицеры: Климовъ, Рудаковъ, Марковъ, Андріановъ, Горшковъ, трубачъ Чигодаевъ и казаки: Авдѣевъ, Бударинъ, Гладковъ, Горшенинъ, Гребенниковъ, Глуховъ, Гульцовъ, Ермаковъ, Инекинъ, Камышановъ, Камбуловъ, Кадочкинъ, Королевъ, Клочковъ, Кательниковъ, Кашеевъ, Козловъ, Лаптевъ, Лобовъ, Лукьяновъ, Михайловъ, Макѣевъ, Мисенжинъ, Макси-

Тильзитское свиданіе.

мовъ, Малюгинъ, Ильичевъ, Никитинъ, Печеневъ, Плясовъ, Плѣшаковъ, Полозовъ, контуженный ядромъ и оставшійся въ строю, Поскребалинъ, Ревинъ, Сѣровъ, Слышкинъ, Слѣпковъ, Туголуковъ, Фоминъ, Чеботаревъ Иванъ, Чеботаревъ Козьма, Черниковъ Егоръ, Черниковъ Матвѣй, Янченковъ и Чуринъ, вскорѣ умершій отъ раны.

Генераль-маіоръ Чернозубовъ, полковникъ графъ Орловъ-Денисовъ — получили еще отъ короля Прусскаго ордена «За заслуги». Сверхъ того, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ Лейбъ-казачьяго полка, по повелѣнію Государя Императора, было выдано не въ зачетъ жалованья.

7-го же Юня начались предварительные переговоры о перемирии и затѣмъ о мирѣ, было условлено, что оба Императора будутъ имѣть свиданіе на рѣкѣ Нѣманѣ. Французы построили на рѣкѣ плотъ съ двумя павиліонами. 12-го Императоръ Александръ и король Прусскій прибыли около 2-хъ часовъ дня въ Таурогенъ

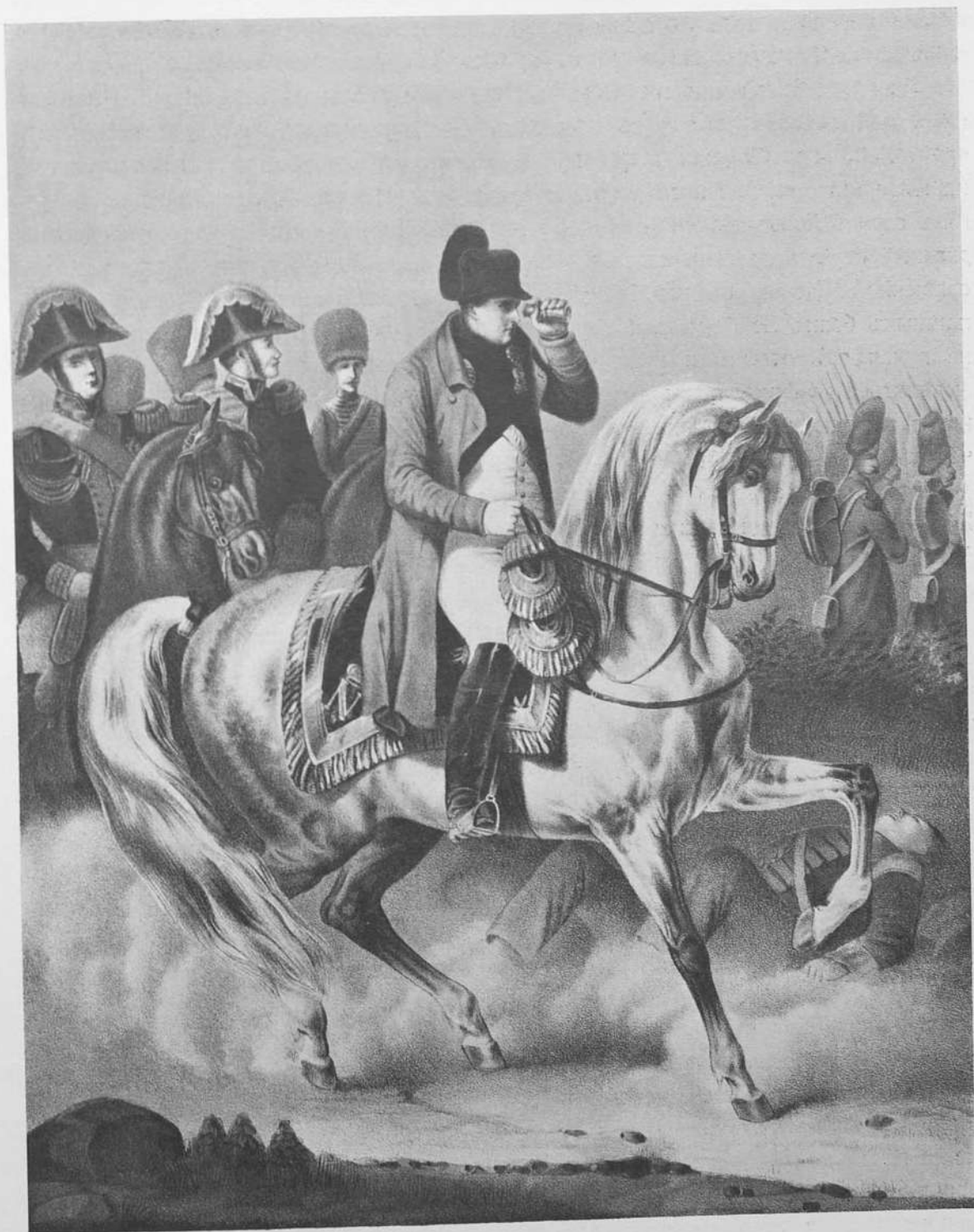

Русскій армейскій гренадеръ.

въ армію и затѣмъ остановились близь Тильзита въ деревнѣ Пюткупененъ. На другой день въ 12 часовъ дня Александръ I и Наполеонъ прибыли къ берегамъ рѣки Нѣманъ. Сѣвъ въ лодки, они переѣхали на паромъ, гдѣ произошли ихъ личные переговоры, послѣ этого Императоръ Александръ, уступая просьбамъ Наполеона, переѣхалъ жить въ Тильзитъ.

Перейдя Нѣманъ, наша армія расположилась на квартирахъ. Во время пребыванія Императора Александра I въ Тильзитѣ въ конвой къ Его Величеству была назначена команда изъ Лейбъ-казаковъ. И такимъ образомъ, Лейбъ-казакамъ пришлось очень близко познакомиться и жить среди своихъ недавнихъ враговъ. 27-го Юня былъ подписанъ мирный договоръ. Рано утромъ Александръ и Наполеонъ обмѣнялись взаимно своими высшими орденами и были при нихъ во все время церемоніи.

Войска русской гвардіи построились по одной сторонѣ улицы, а французская гвардія по другой, на пространствѣ отъ квартиры Александра I до квартиры Наполеона. На этой же улицѣ встрѣтились верхами оба Монарха и затѣмъ прослѣдовали въ домъ Александра I, гдѣ происходилъ обмѣнъ мирныхъ условій. Послѣ чего они снова сѣли на лошадей. Наполеонъ пожаловалъ право-фланговому русскому солдату орденъ почетнаго легіона, а знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія былъ въ отвѣтъ пожалованъ Александромъ I французскому гренадеру. Послѣ этого, Императоры направились къ берегу Нѣмана, гдѣ была приготовлена лодка для переправы нашего Государя. На берегу Монархи обнялись и дружественно разстались. Императоръ Александръ поѣхалъ въ Петербургъ, а Наполеонъ въ Кенигсбергъ. По заключеніи мира Лейбъ-казаки выступили въ обратный походъ черезъ Ригу, Дерптъ, Нарву и Ямбургъ. Въ послѣднемъ городѣ эскадроны раздѣлились: эскадронъ Его Величества пошелъ въ Красное Село, гдѣ участвовалъ въ смотрахъ, произведенныхъ всему гвардейскому корпусу сперва Цесаревичемъ, а потомъ Государемъ, а второй эскадронъ получилъ приказаніе расположиться по берегу Финскаго залива отъ Ораніенбаума до Сойкиной горы для наблюденія за появленіемъ на морѣ англичанъ, недовольныхъ союзомъ нашимъ съ Франціею. Эти кордоны содержались до 12-го Октября, когда 2-й эскадронъ возвратился въ Петербургъ.

Наполеонъ I.

Кампанія 1807 года должна быть навсегда памятна Лейбъ-казакамъ, потому что въ ней вмѣстѣ съ нѣсколькими полками Донскихъ братьевъ своихъ Лейбъ-казаки упрочили военную славу Донцовъ, которая пріобрѣла имъ всеобщую Европейскую извѣстность. Несмотря на краткость времени, въ теченіе котораго дѣйствовали Лейбъ-казаки на театрѣ войны, они успѣли показать себя вполне достойно. Съ самой первой встрѣчи съ врагомъ во время наступательнаго движенія нашей арміи Лейбъ-казаки шли въ головѣ русскихъ колоннъ; съ минуты отступленія нашей арміи они шли послѣдними въ арьергардѣ. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Лейбъ-казаки были въ постоянномъ огнѣ. Однимъ словомъ, весь десятидневный періодъ времени съ 24-го Мая по 3-е Юня былъ для нихъ непрерывнымъ сраженіемъ. Ночью въ разбѣздахъ и поискахъ, днемъ въ перестрѣлкахъ и рукопашныхъ бояхъ Лейбъ-казаки неутомимо исполняли возложенный на нихъ долгъ, не думая объ отдыхѣ и преодолевая всѣ лишенія. Въ эти тяжелые дни успѣли выдѣлиться изъ ихъ среды люди, передавшіе потомъ на вѣчныя времена свои имена исторіи и занявшіе блестящее мѣсто въ рядахъ русской арміи, то были герои Отечественной войны графъ Орловъ-Денисовъ и Ефремовъ.

Приводимъ здѣсь біографическія свѣдѣнія о Ефремовѣ. Иванъ Ефремовичъ Ефремовъ, происходя изъ казаковъ Гугнинской, нынѣ Баклановской станицы, Войска Донского, родился на хуторѣ Огибномъ въ 1774 году, 11-го Октября. Лишившись своихъ родителей еще въ раннемъ дѣтствѣ, 8-ми лѣтъ Ефремовъ былъ взятъ на воспитаніе казакомъ Полубѣдовымъ, который устроилъ его пастухомъ станичнаго стада телятъ, а позже Ефремовъ сталъ наниматься «въ батраки» къ зажиточнымъ казакамъ. Всегда послушный и исполнительный, Ефремовъ отличался смѣлостью и ловкостью; онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, но не злопамятенъ. Какого либо мастерства и грамоты онъ не зналъ до военной службы. Любя наѣздничество, онъ часто скакалъ на чужихъ лошадяхъ, пойманныхъ на станичномъ попасѣ, и, отлично владѣя арканомъ, онъ чаще всего забавлялся накидывать неуковъ. Такое же удовольствіе ему доставляли кулачные бои: рослый и сильный, онъ не имѣлъ соперниковъ, въ запальчивости часто нападавая на болѣе сильныхъ товарищей, онъ хотъ и былъ битъ, но никогда не отставалъ первымъ изъ самолюбія. За ѣзду на чужихъ лошадяхъ и кулачные бои ему частенько доставалось. Принимавшая въ немъ участіе, бѣдная старуха казачка Хохлачева научила его читать молитвы и молиться Богу: «молись Богу усердно, Онъ пошлетъ тебѣ счастье и здоровье»,—говорила ему старуха. Насколько, будучи безпризорнымъ, въ дѣтствѣ бѣдствовалъ Ефремовъ свидѣтельствуется то, что однажды, зимою, спасаясь отъ холода, онъ носилъ старую рваную шубу и валенки, снятыя имъ съ найденнаго въ лѣсу мертваго калмыка. Когда подошло время старшему сыну казака Полубѣдова идти на службу, то было рѣшено, чтобы вмѣсто него шелъ Ефремовъ. Получивъ отъ Полубѣдова коня, сѣдло, овчинную шубу, сѣрый чекмень изъ доматканнаго сукна, плеть и 40 алтынъ денегъ, Ефремовъ вмѣстѣ съ смѣнною Придворною Конвойною командой отправился въ Петербургъ, гдѣ, принявъ присягу перваго Января 1792 года, онъ былъ опре-

дѣленъ для присмотра за Войсковымъ казачьимъ подворьемъ. Въ свободное время онъ научился грамотѣ у какого-то мастерового нѣмца. 1-го Октября 1793 года онъ былъ опредѣленъ на службу въ Гатчинскіе казачьи эскадроны, гдѣ прошелъ всѣ низшія должности и 1-го Октября 1796 года былъ произведенъ въ эскадронные вахмистры лично Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Объ этомъ сохранился слѣдующій рассказъ: какъ-то въ Гатчинѣ у Павла Петровича былъ большой съѣздъ; въ числѣ прочихъ казаковъ въ нарядѣ былъ и Ефремовъ. Исполняя какое-то порученіе, Ефремову пришлось скакать мимо дворца; бросившійся изъ дворца какой-то песь съ лаемъ преслѣдовалъ Ефремова, стараясь схватить его лошадь за хвостъ, пугливая лошадь бѣсилась, всплившій Ефремовъ выхватилъ пистолетъ и на скаку застрѣлилъ собаку. Возвращаясь обратно, Ефремовъ былъ остановленъ съ приказаніемъ явиться къ Великому Князю. Собака оказалась любимымъ пуделемъ Павла Петровича. Смѣлое сознаніе Ефремова въ проступкѣ и молодецкій выстрѣлъ на карьерѣ, о которомъ рассказали Павлу Петровичу видѣвшіе всю сцену его приближенные, расположили быстро въ своихъ рѣшеніяхъ Цесаревича въ пользу Ефремова, такъ что онъ молодеца казака тутъ же поздравилъ вахмистромъ. Съ этого времени и началась служебная карьера Ефремова. Будучи вахмистромъ, онъ началъ старательно изучать строевое дѣло и скоро постигъ его до тонкости. Ловкій наѣздникъ, отличный стрѣлокъ, знатокъ строевого дѣла и усердный служака, онъ былъ лучшимъ изъ вахмистровъ, а эскадронъ его считался образцовымъ во всемъ Гатчинскомъ гарнизонѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, при сформированіи Лейбъ-гусарскаго, Лейбъ-казачьяго полка, въ Лейбъ-казачій Его Величества эскадронъ 10-го Ноября 1796 года былъ взятъ вахмистромъ Ефремовъ.

Во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ отличный порядокъ и пунктуальное соблюденіе всѣхъ требованій тогдашняго устава въ эскадронѣ Его Величества обратили на себя милостивое вниманіе Государя—благодаря чему, какъ первый нижній чинъ въ эскадронѣ, вахмистръ Ефремовъ былъ на самомъ лучшемъ счету у Павла I.

Назначенный командиромъ полка, генеральъ Денисовъ, по достоинству оцѣнивъ отличную службу Ефремова, представилъ его къ производству въ первый офицерскій чинъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 15-го Сентября 1798 года. Въ 1800 году, 15-го Ноября, за отличную и ревностную службу въ походѣ къ берегамъ Бѣлаго моря Ефремовъ былъ произведенъ въ поручики, а на коронацію Императора Александра I, будучи представленъ къ наградѣ, былъ произведенъ

въ штабсъ-ротмистры за отличіе по службѣ 23-го Ноября 1802 года. За отличіе же въ послѣдней кампаніи 13-го Октября 1807 года онъ былъ произведенъ въ ротмистры.

Дальнѣйшая біографія Ивана Ефремовича неразрывна съ боевыми отличіями и жизнью его родного полка, излагаемыми въ этой книгѣ; здѣсь-же опишемъ лишь послѣдніе годы Ефремова, проведенные имъ на покоѣ и его кончину.

Пробывъ до 1829 года въ составѣ и затѣмъ командиромъ полка, Иванъ Ефремовичъ, здоровье котораго, вслѣдствіе полученныхъ ранъ и испытанныхъ походныхъ лишеній, окончательно разстроилось, былъ уволенъ Государемъ Императоромъ въ безсрочный отпускъ, о чемъ за него ходатайствовалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, особымъ расположеніемъ котораго пользовался Ефремовъ. Будучи уже не у дѣль, Ефремовъ до 1833 года продолжалъ числиться командиромъ полка. Мѣстомъ жительства на покоѣ Иванъ Ефремовичъ избралъ свою родную Гугнинскую станицу, гдѣ заблаговременно онъ построилъ себѣ усадьбу.

Вѣсти о его служебныхъ отличіяхъ, доходя до станицы, живо интересовали всѣхъ казаковъ, гордившихся своимъ генераломъ; и вотъ, когда они прослышали о скоромъ пріѣздѣ Ефремова, то вся станица вышла его встрѣчать въ мѣстность, называемую «Большой Проваль», на выгонѣ станицы, гдѣ 40 лѣтъ тому назадъ Гугнинцы встрѣчали «Ваньку телятника», пригонявшаго станичное стадо. Ефремовъ пріѣхалъ въ коляскѣ на тройкѣ бѣлыхъ коней, одѣтый въ парадную форму, за нимъ ѣхали два Лейбъ-казака съ фургономъ, нагруженнымъ вещами. Увидѣвъ родныя мѣста, Иванъ Ефремовичъ прослезился и, выйдя изъ коляски, пошелъ къ казакамъ, которые, снявъ шапки, радостно его привѣтствовали. Многихъ изъ нихъ онъ узнавалъ,—бывшихъ свидѣтелей его дѣтства.

Ефремовъ съ собою привезъ и передалъ въ станицу дорогую икону, стоившую 15 тысячъ рублей, съ изображеніемъ Спасителя, несущаго крестъ на Голгофу. Съ этой иконой всѣ отправились въ церковь, гдѣ Ефремовъ былъ встрѣченъ духовенствомъ. Затѣмъ въ его домѣ на новосельи былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго, по старинному обычаю, онъ угостилъ всю станицу и щедро одарилъ подарками; кромѣ того, въ церковь имъ были сдѣланы богатые вклады деньгами и утварью. Первой заботой Ефремова по пріѣздѣ на Донъ было освобожденіе крѣпостныхъ, жалованныхъ ему, крестьянъ въ Рязанской и Костромской губерніяхъ, причемъ онъ ихъ щедро надѣлилъ землею. Затѣмъ онъ занялся своимъ хозяйствомъ, принимая самое дѣятельное участіе въ бытѣ и интересахъ родной станицы, такъ что, считаясь съ его житейскимъ опытомъ, казаки всякое серьезное дѣло начинали лишь съ его одобренія. Главное вниманіе онъ обращалъ на сбереженіе общественнаго лѣса и на борьбу съ сыпучими песками. Добрый въ душѣ, Иванъ Ефремовичъ, самъ по дѣтству своему хорошо знавшій нужду, оказывалъ своимъ станичникамъ и щедрю матеріальную помощь. Однимъ словомъ, онъ игралъ настолько видную роль и былъ популяренъ среди станичниковъ, что о немъ говорили—«генераль править своею Гугнинскою станицею». Особенно заботливо онъ относился къ бѣднымъ казакамъ, выходящимъ на службу, часто снабжалъ ихъ добрыми лошадьми

изъ своего табуна и хорошимъ оружіемъ. Преданный военному дѣлу, Иванъ Ефремовичъ не забывалъ его и дома: онъ часто устраивалъ въ Царскіе дни и въ день полкового праздника для казаковъ военныя состязанія съ призами, а также и парады. Частенько послѣ церковной службы онъ собиралъ казаковъ и рассказывалъ имъ о своей боевой жизни и походахъ, надъ чѣмъ добродушно посмѣиваясь, казаки говорили, — «идемъ слушать генеральскую обѣдню». Рассказывая молодежи о своихъ безконечныхъ походахъ, яркими красками описывая кровопролитные бои и славные подвиги, Иванъ Ефремовичъ, тѣмъ самымъ, воспитывалъ молодое поколѣніе въ истинномъ духѣ казачества на пользу и славу Царя и родины. Кстати сказать, что на этихъ рассказахъ, тогда еще мальчикъ, воспитался и

другой Донской герой, уроженецъ той же станицы, Яковъ Петровичъ Баклановъ. Въ 1837 году Ивану Ефремовичу пришлось еще разъ вернуться къ службѣ, когда онъ былъ вызванъ въ Новочеркасскъ для встрѣчи Императора Николая I-го и Наслѣдника, возвращавшихся съ Кавказа.

Получивъ извѣстіе объ этомъ, Ефремовъ, уже старикъ, подбодрился и сталъ опять появляться не въ домашнемъ платьѣ, а въ Лейбъ-казачьей формѣ. Весело и энергично принялся онъ за работу по формированію льготныхъ Донскихъ полковъ къ предстоящему Царскому смотру. Прибывъ въ Новочеркасскъ, Ефремовъ принялъ командованіе надъ льготными эскадронами Лейбъ-казаковъ, о чемъ подробно будетъ рассказано на своемъ мѣстѣ.

Проводивъ Государя съ Дону, Ефремовъ вернулся къ своему хозяйству и жилъ въ станицѣ уже безвыѣздно; здоровье его разстроилось и особенно онъ страдалъ отъ тяжелой штыковой раны въ голову, полученной имъ подъ Фершампенуазомъ. Умеръ онъ 69 лѣтъ отъ роду, въ ночь на 1-е Марта 1843 года, скоропостижно, отъ паралича, въ своемъ домѣ и былъ похороненъ съ воинскими почестями въ оградѣ станичной церкви.

Такова жизнь этого выдающагося человѣка. Безъ роду, безъ племени, оборвышъ-пастушекъ, начавъ службу простымъ казакомъ, на протяженіи 37-лѣтней службы въ Лейбъ-гвардіи Казачьемъ полку, украсивъ лучшія страницы полковой исторіи, дважды спасшій жизнь своего Государя—подъ Лейпцигомъ и Фершампенуазомъ, онъ окончилъ ее генераль-лейтенантомъ, командиромъ своего родного полка, лично извѣстный и обласканный двумя Императорами и составившій себѣ громкую извѣстность. Изъ орденовъ, кромѣ св. Георгія 3-й степени, полученнаго имъ изъ собственныхъ рукъ Александра I-го, непосредственно послѣ славной Лейпцигской

Рядовые Лейбъ-казаки 1809—1812 гг.

атаки, Ефремовъ имѣлъ: св. Владиміра 4-й степени, св. Анны 2-й степени алмазами украшенный, золотую саблю, бриллиантами украшенную съ надписью «за храбрость», св. Владиміра 3-й степени, св. Георгія 4-й степени, золотую саблю съ надписью «за храбрость» и отъ Прусскаго короля Краснаго Орла 3-го класса. Прусскій «За военныя заслуги», св. Анны 1-й степени съ алмазами, св. Владиміра 2-й степени; кромѣ того, удостоенный неоднократно Высочайшаго благоволенія, онъ былъ награжденъ 3 тысячами десятинъ земли, казенною арендою и денежными наградами, а Петербургское дворянство съ своей стороны, желая отмѣтить свое уваженіе къ боевой службѣ Ивана Ефремовича, причислило его въ 1817 году къ своему составу...

Прошли года и десятки лѣтъ и память о Ефремовѣ постепенно сглаживалась. Сыпучіе пески Гугнинской станицы, постепенно ее занося, вынудили казаковъ переселиться на другое мѣсто, въ Ново-Цымлянскую, впоследствии Баклановскую станицу, куда была перенесена изъ старой станицы и церковь, а на мѣстѣ ея воздвигнута небольшая часовня. Тѣ же пески засыпали и могилу Ефремова, которая въ 1910 году была подъ ними на глубинѣ 10 аршинъ.

Въ ближайшемъ прошломъ, въ преддверіе знаменательныхъ для полка годовщинъ 12-го и 13-го годовъ, Лейбъ-казаки, поминая своихъ славныхъ предковъ, по почину тогдашняго командира полка генерала А. В. Родіонова, возбудили вопросъ о перенесеніи праха Ивана Ефремовича изъ сыпучихъ Гугнинскихъ песковъ въ Войсковой соборъ столицы Дона, на что, въ 1910 году, по ходатайству Войскового атамана, послѣдовало Высочайшее соизволеніе и въ 1911 г. прахъ Ефремова, вмѣстѣ съ останками другихъ Донскихъ героевъ, графа Орлова-Денисова, графа Платова и Бакланова нашель себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія въ Новочеркасскѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Біографія графа Орлова-Денисова.—Шведская кампанія 1808 г.—Причини войны и обстановка.—Обзоръ русскихъ и шведскихъ силъ, планъ кампаніи.—Дѣло у Форсби.—Взятіе шведскихъ орудій Лейбъ-казаками подъ Гельсингфорсомъ.—Взятіе Орловымъ-Денисовымъ Гельсингфорса.—Отличія Лейбъ-казаковъ.—Блокада и сдача Свеаборга.

Прежде чѣмъ излагать дальнѣйшія событія, необходимо коснуться здѣсь же біографіи графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, жизнь котораго и подвиги такъ тѣсно связаны съ исторіей его родного полка.

Донской казакъ станицы Пятиизбянской, сынъ Войскового атамана генерал-отъ-кавалеріи Василія Петровича Орлова и внукъ по матери знаменитаго графа Федора Петровича Денисова, Василій Васильевичъ родился 8-го Сентября 1775 года и въ 1787 году 1-го Января онъ уже вступилъ на службу въ Донской казачій Орлова (его отца) полкъ, въ которомъ 4-го Декабря 1789 года былъ произве-

день въ сотники. Въ полку этомъ онъ несъ пограничную сторожевую службу у береговъ Чернаго моря. 25-го Апрѣля 1791 года Василій Васильевичъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ Донской казачій разъѣздной полкъ, гдѣ и былъ произведенъ 15-го Мая того же года въ есаулы, а 24-го Октября 1792 года—въ войсковые старшины.

Красивая наружность, молодецкій видъ и блестящія природныя способности легко располагали всѣхъ окружающихъ въ его пользу, а высокое положеніе отца и громкая боевая извѣстность дѣда способствовали ему войти въ Петербургъ въ

лучшее общество. Здѣсь, познакомившись съ извѣстнымъ Державинымъ, по совѣтамъ его 17-лѣтній войсковой старшина, стремясь пополнить свое скудное домашнее образованіе, засѣлъ на учебную скамью частнаго пансіона и началъ изучать языки, исторію, географію и математику.

Въ 1794 году, 4-го Марта, онъ былъ переведенъ въ Донской казачій Краснова полкъ въ Польшу, гдѣ несъ пограничную кордонную службу, и 25-го Октября того же года получилъ чинъ маіора. Въ 1798 году, участвуя въ походѣ Донскихъ полковъ къ городу Пинску, 12-го Апрѣля онъ былъ произведенъ въ подполковники, а 3-го Юля 1799 года, 24 лѣтъ отъ роду—въ полковники. Въ 1801 году вмѣстѣ съ Донскими полками онъ возвратился на Донъ и въ этомъ же году, по ходатайству своего дѣда графа Денисова,

Гр. Орловъ-Денисовъ.

съ Высочайшаго соизволенія, получилъ графскій титулъ съ присоединеніемъ фамиліи Денисова. Въ 1805 году Орловъ-Денисовъ женился на фрейлинѣ Маріи Алексѣевнѣ Васильевой, дочери перваго по времени министра финансовъ въ Россіи, такимъ образомъ еще больше закрѣпивши свои связи съ Петербургомъ. Въ 1806 году, 19-го Марта, онъ былъ переведенъ полковникомъ же въ Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ съ назначеніемъ командиромъ эскадрона Его Величества. Съ отличіемъ отбывъ во главѣ эскадрона французскую кампанію 1807 года, Василій Васильевичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и Прусскимъ — «за заслуги», а 12-го Декабря того же года былъ произведенъ въ генераль-маіоры съ зачисленіемъ по Войску Донскому. Въ Январѣ 1808 года Орловъ-Денисовъ былъ снова зачисленъ въ Лейбъ-казачій полкъ и принялъ надъ нимъ командованіе сна-

чала безъ утвержденія въ должности, за находившагося въ отпуску командовавшаго тогда полкомъ генераль-маіора Чернозубова 5-го. Затѣмъ Чернозубовъ остался въ Войскѣ, а Орловъ-Денисовъ 21-го Іюля 1808 года былъ утвержденъ въ должности командира полка. Продолженіемъ его біографіи является дальнѣйшее изложеніе исторіи полка, здѣсь же упомянемъ о послѣднихъ годахъ его жизни, проведенныхъ уже внѣ полка. Въ 1824 году, 3-го Сентября, будучи генераль-адъютантомъ и генераль-лейтенантомъ, Орловъ-Денисовъ былъ назначенъ командиромъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса съ оставленіемъ въ званіи командира полка (шефъ полка), а 22-го Августа 1826 года во время коронаціи Императора Николая I онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. 30 Октября 1827 г. уволенъ отъ службы, а 25-го Марта 1828 года вновь опредѣленъ на службу съ зачисленіемъ по Войску Донскому, причемъ по должности генераль-адъютанта онъ сопровождалъ Николая I-го въ Турецкомъ походѣ и присутствовалъ при взятіи Браилова и Варны. Съ 1841 года Василій Васильевичъ поселился окончательно на покоѣ въ Харьковѣ и занялся своимъ хозяйствомъ, ежегодно объѣзжая свои многочисленныя помѣстья; между прочимъ въ Харьковѣ имъ былъ основанъ первый дѣтскій пріютъ. Въ 1843 году, заболѣвъ 12-го Января, приготовившись по христіанскому обряду къ переходу въ жизнь вѣчную, онъ скончался 24-го Января и былъ первоначально похороненъ въ церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря, а съ 1911 года покоится въ усыпальницѣ Донскихъ героевъ, въ Войсковомъ соборѣ города Новочеркасска.

Кромѣ упомянутыхъ выше орденовъ и полученнаго за боевыя отличія генераль-адъютантскаго званія, Василій Васильевичъ имѣлъ ордена: св. Анны 2-й степени съ алмазами, св. Владиміра 3-й степени, св. Владиміра 2-й степени, золотую саблю, алмазами украшенную съ надписью «за храбрость», св. Георгія 3-й степени, Прусскій Краснаго Орла 1-й степени, Австрійскій Маріи-Терезіи, Баварскій Максимилиана 2-й степени, Французскій св. Людовика 1-й степени, св. Александра Невскаго, отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны золотую табакерку, усыпанную алмазами и отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны золотую же съ портретомъ; кромѣ того, свидѣтельствомъ его достойной службы является неоднократное выраженіе ему Высочайшаго благоволенія. Громаднаго роста, 6-ти футовъ, красивой мужественной наружности, по словамъ историка Михайловскаго-Данилевскаго, онъ представлялъ типъ стариннаго Донца; какъ воинъ, отличный наѣздникъ, онъ не зналъ соперниковъ въ владѣніи пикою и саблею. Одаренный вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, мужественный въ бою, хладнокровный и распорядительный, онъ проявилъ недюжинныя военныя способности. Нрава вспыльчиваго, но отходчиваго, онъ былъ ласковъ и гостепріименъ, а дома нѣжный семьянинъ. Таковъ въ общихъ чертахъ обликъ славнаго графа Лейбъ-казака, дѣлами своими украсившаго лавры боевой славы его родного полка.

Естественнымъ послѣдствіемъ кампаніи 1807 года и, въ частности, условій Тильзитскаго мира явилось вооруженное столкновеніе со Швеціей. Со времени заключенія въ 1790 году Верельскаго мира, оставившаго безъ измѣненія границы

Шведскіе войска эпохи Александра I.

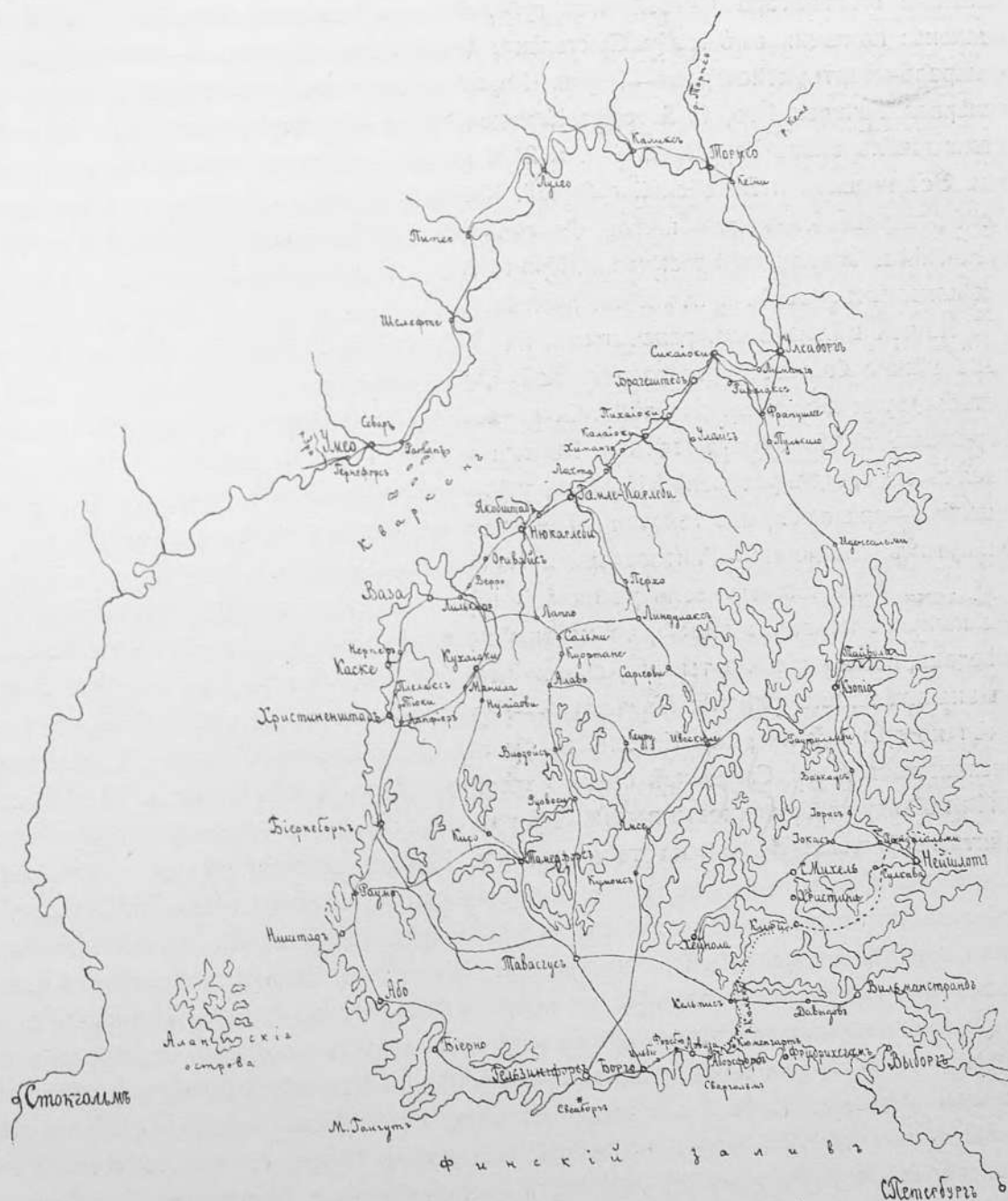
между Россіей и Швеціей, въ теченіе послѣдующихъ 17 лѣтъ мирныя отношенія не прерывались, хотя сдѣланная шведами въ концѣ царствованія Екатерины Великой попытка къ сближенію сватовствомъ короля къ внучкѣ Екатерины и не увѣнчалась успѣхомъ и даже нѣсколько вооружила Россійскій Дворъ противъ шведовъ, тѣмъ не менѣе отношенія между сосѣдями при Павлѣ Петровичѣ продолжали быть дружескими. Императоръ Павелъ Петровичъ въ 1800 году при личномъ посѣщеніи Густавомъ IV Петербурга для возобновленія договора о вооруженномъ нейтралитетѣ даже предлагалъ Густаву поддержку оружіемъ для подавленія ожидавшихся во время сейма въ Швеціи и Финляндіи волненій. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, вслѣдъ за ухудшеніемъ личныхъ отношеній между Россійскимъ и шведскимъ Государями, вскорѣ послѣдовали и политическія осложненія.

Хотя Государей соединяли и весьма близкія родственныя связи, ибо Императрица Россійская и королева шведская были родныя

сестры, но цѣлый рядъ безтактныхъ выходокъ шведскаго короля, вытекающихъ изъ его сумасброднаго характера ¹⁾, чувствительно задѣли самолюбіе Александра I, что ускорило развязку. Еще съ конца 1802 года Густавъ IV думалъ о войнѣ съ Россіей, однако ненависть къ Наполеону принуждала его до Тильзитскаго мира идти рука объ руку съ Россіей во всѣхъ коалиціяхъ противъ Наполеона. Однимъ изъ условій Тильзитскаго мира было, между прочимъ, обязательство Россіи запретить свои гавани для Англіи, причемъ тоже самое должны были сдѣлать Данія, Швеція и Португалія (континентальная система). Густавъ IV, ненавидѣвшій

¹⁾ Наполеонъ, тотъ прямо считалъ Густава IV сумасшедшимъ,—письмо Наполеона въ 1807 г. къ маршалу Брюнну,—Русско-шведская война. П. Ниве.

Наполеона и не имѣвшій въ настоящее время поводовъ идти за одно съ Россіей, отказался исполнить это требованіе, что и послужило настоящимъ поводомъ къ войнѣ.

У насъ рѣшеніе начать войну со Швеціей окончательно созрѣло къ концу 1807 года. Нашимъ союзникомъ, кромѣ Франціи, была Данія естественный противникъ Швеци, которая въ свою очередь была въ союзѣ съ Англіей.

Главнокомандующимъ 24-хъ тысячнаго корпуса, первоначально назначеннаго для дѣйствій въ Финляндіи, Государемъ былъ избранъ графъ Буксгевденъ, участникъ въ войнѣ Россіи со Швеціей еще при Екатеринѣ II-й, занимавшій должность военного губернатора Остзейскихъ губерній; при главнокомандующемъ были назначены: помощникомъ графъ Сухтеленъ, дежурнымъ генераломъ—Коновницынъ и генераль-квартирмейстеромъ—Бергъ. Корпусъ состоялъ изъ трехъ дивизій: 5-й генерала Тучкова 1-го, 17-й графа Каменскаго, за отсутствіемъ котораго временно командовалъ князь Горчаковъ 1-й, и 21-й князя Багратіона. Дивизіи эти выступили изъ Эстляндской и Витебской губерній. Конницу корпуса составляли: 2 эскадрона Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, Донской казачій Лоцилина полкъ, Гродненскій гусарскій и Финляндскій драгунскій. Кромѣ того, слѣдовали въ подкрѣпленіе 4 полка, назначенныхъ изъ 14-й пѣхотной дивизіи.

Нашей цѣлью было, разсчитывая на образъ мыслей мѣстныхъ жителей, занять какъ можно большее пространство земли, для этого корпусу предстояло развернуться двумя дивизіями для дѣйствій по линіи рѣки Кюмень—лѣвое крыло князя Горчакова около 8-ми тысячъ у Пютиса и центръ князя Багратіона, около 9-ти тысячъ по среднему теченію Кюмени, у Раутсула, Меммеля и Хервикоски, и одной дивизіей—правое крыло генерала Тучкова 1-го, около 7-ми тысячъ въ Саволакскѣ на путяхъ: Нейшлотъ—Рантасальми и Нейшлотъ—Сулкова.

Такъ какъ шведы, несмотря на всѣ ихъ приготовленія, не разсчитывали, что мы начнемъ кампанію зимою, то ко дню перехода границъ нашими войсками силы шведовъ, всего около 20 тысячъ, еще не успѣли сосредоточиться и были разбросаны на значительномъ районѣ: Тавастгусъ—Коскисъ—Артше—Ловиза—Гельсингфорсъ, имѣя по границѣ на рѣкѣ Кюмень посты отъ Аборфорса до Кельтиса, кромѣ того, расположенная въ Саволакскѣ бригада стягивалась къ Санкт-Михелю. Шведы же, имѣя въ виду невозможность при началѣ кампаніи зимою своевременно подкрѣпить мѣстныя финляндскія войска таковыми изъ Швеціи, рѣшили, оставивъ крѣпости Свеаборгъ и Свардгольмъ съ сильными гарнизонами приблизительно около 7 тысячъ, съ остальными войсками отступать вглубь Финляндіи до весны, а затѣмъ, получивъ подкрѣпленія, перейти въ наступленіе. Шведскимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Клигспоръ, а за неприбытіемъ его на театръ военныхъ дѣйствій, временно въ командованіе арміей вступилъ генераль Клеркеръ. Своеобразность войскъ, съ которыми намъ предстояло имѣть дѣло, заставляетъ нѣсколько обратить на это вниманіе. Какъ было выше сказано, въ составъ шведско-финляндской арміи входило до 20 тысячъ человекъ, изъ коихъ около 13 тысячъ составляли финскія войска, изъ нихъ же двѣ трети составляли такъ называемыя поселенныя войска, въ которыхъ офицеры и солдаты въ мирное время жили по домамъ, занимаясь большею частью земледѣліемъ, и призывались лишь на короткіе сборы, а также во время войны. Остальная треть состояла изъ вербованныхъ наемныхъ войскъ, однимъ изъ условій службы которыхъ было положеніе о службѣ ихъ лишь въ предѣлахъ Финляндіи. Вооруженіе шведскихъ и въ особенности финскихъ

войскъ было далеко не въ исправномъ состояніи, а также и обмундированіе, не выше стояло и обученіе. Такимъ образомъ ни организація, ни качество шведской арміи не удовлетворяли серьезнымъ требованіямъ. Большою положительною данною непріятельской арміи былъ патріотизмъ, бодрое, увѣренное настроеніе, сочувствіе мѣстнаго населенія, на которое въ началѣ кампаніи мы такъ обманчиво возлагали надежды, которое снабжало шведовъ всѣмъ необходимымъ, и само было готово примкнуть къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ, что и было впослѣдствіи, когда до

Взятіе батареи у д. Ильби.

10 тысячъ мѣстныхъ крестьянъ было вооружено и сформировано въ особые партизанскіе отряды. Кромѣ того, шведы имѣли шхерную флотилію, финская часть которой около 2 тысячъ человекъ была расположена въ Свеаборгѣ, Або, Кристинѣ и Варкаусѣ. Наши войска въ большинствѣ случаевъ были опытные, прошедшіе боевую школу только что законченной французской кампаніи, а кромѣ того, часть солдатъ еще была участниками Суворовскихъ походовъ. Изъ начальствующихъ лицъ и Буксгевденъ, и Багратіонъ, и Каменскій были также сподвижниками Суворова.

Кромѣ того, на сторонѣ шведовъ было знаніе мѣстности и привычка къ особенностямъ климатическихъ условій.

Еще 17-го Января 1808 года эскадроны Лейбъ-казаковъ: Его Величества и второй генераль-маіора Чернозубова получили приказаніе выступить въ походъ въ Финляндію, куда и двинулись подъ командою генераль-маіора графа Орлова-Денисова 28-го Января. Третій эскадронъ, подъ командой полковника Эльмурзина,

На аванпостяхъ.

продолжалъ оставаться въ своей командировкѣ, о чемъ упоминалось уже раньше, въ окрестностяхъ Петербурга. Лейбъ-казаки были назначены къ 17-й пѣхотной дивизіи графа Каменскаго, за отсутствіемъ котораго временно ею командовалъ князь Горчаковъ 1-й, и прибыли въ Фридрихсгамъ,— пунктъ сосредоточенія,—въ первыхъ числахъ Февраля. Ближайшими задачами, возложенными на лѣвую колонну—17-ю дивизію было овладѣніе, по переходѣ границы, городами Ловизою, Гельсингфорсомъ и крѣпостью Свеаборгомъ.

Первый шведскій городокъ, Аборфорсъ, занятъ былъ нами послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, на разсвѣтѣ 9-го Февраля. Къ вечеру мы подступили уже къ слѣдующему, лежащему на пути, городку Вазѣ... Послѣ небольшихъ переговоровъ гарнизонъ его отступилъ и Ваза занята русскимъ авангардомъ. Шведскія войска были слишкомъ слабы, чтобы преградить дорогу нашему

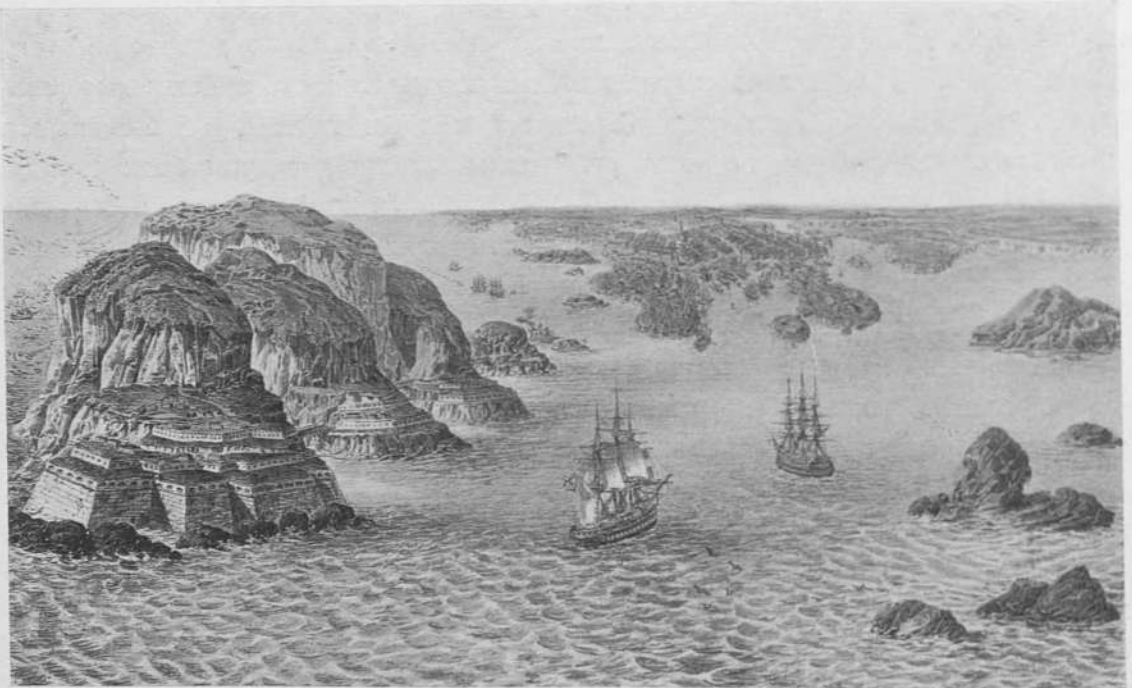
движенію и спѣшили отступить до пункта соединенія своихъ отрядовъ къ надежной позиціи. Такою позиціей было ущелье и скала у приморской деревушки Форсби: чрезъ это ущелье, чрезъ эту скалу предстоялъ путь русскимъ войскамъ. Здѣсь шведы сосредоточили въ значительныхъ силахъ пѣхоту, часть кавалеріи и нѣсколько орудій. Дефиле и гребни утесовъ, окруженныхъ стремнинами, дѣлали позицію при Форсби неприступною. Чтобы избѣжать значительной потери людей, неминуемой при атакѣ непріятельской позиціи съ фронта, графъ Буксгевденъ нашель возможнымъ обойти эту позицію слѣва, по льду узкаго, далеко врѣзавшагося въ землю, залива, у крайней сѣверной оконечности котораго стоитъ деревня Форсби. Исполненіе этого плана было возложено на Лейбъ-казаковъ, и генераль-маіоръ, графъ Орловъ-Денисовъ направился къ морю, еще до разсвѣта 12-го Февраля.

Оказалось, однакожъ, что исполнить эту экспедицію въ назначенный часъ— не было никакой возможности: при жесточайшемъ морозѣ поднялась такая непроглядная мятель, что дальнѣйшее движеніе эскадроновъ, по открытой поверхности моря, сдѣлалось невыносимымъ. Мятель, въ буквальномъ смыслѣ слова, слѣпила глаза и заметала снѣгомъ людей, пришлось остановиться на берегу моря и въ ущельяхъ

скаль пережидать непогоду. Пока полкъ пережидаль непогоду, впередь къ Форсби былъ посланъ для развѣдки унтеръ-офицеръ Кундуковъ съ 4 казаками; дойдя почти до самой деревни, онъ встрѣтилъ 25 человекъ шведской конницы, съ которыми вступилъ въ перестрѣлку; спѣшившись, засѣвъ за камнями и постепенно отходя назадъ, онъ сталъ наводить ихъ на полкъ. Въ полку слышали выстрѣлы и послали впередь 6 казаковъ; Кундуковъ присоединилъ ихъ къ себѣ и смѣло атаковалъ шведскихъ драгунъ, опрокинулъ и гналъ до самой Форсби.

Къ 8 час. буря начала стихать, и Лейбъ-казаки снова двинулись въ путь; шагомъ, понуря голову, шли измученные кони, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ снѣжныхъ сугробовъ. Небольшое пространство, отдѣлявшее казаковъ отъ непріятельской позиціи, не могло быть поэтому пройдено и шведы увидѣли, что мы заходимъ въ тылъ ихъ. Тотчасъ же начали они отступать по дорогѣ; но отступление удалось только первымъ непріятельскимъ колоннамъ, а остальные были застигнуты казаками. Непріятель дѣлалъ попытки защищаться и даже выслалъ въ атаку своихъ драгунъ; но послѣ рукопашной схватки, драгуны были смяты и обращены въ безпорядочное бѣгство. Тогда Лейбъ-казаки бросились къ Форсбинскому ущелью, въ которомъ засѣли неуспѣвшія отступить части шведскихъ войскъ; но и онѣ вскорѣ разбѣжались, бросивъ оружіе и отдавши много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находился полковникъ Стіерваль. Въ то время, когда Лейбъ-казаки, увлеченные боевымъ жаромъ, очищали Форсбинское ущелье отъ непріятеля, преслѣдуя его по разнымъ направлѣніямъ, графъ Орловъ-Денисовъ замѣтилъ приближающихся къ занятой имъ позиціи нѣсколько шведскихъ эскадроновъ, вознамѣрившихся выбить насъ изъ ущелья. Наскоро собралъ графъ Орловъ-Денисовъ четыре взвода, раздѣлилъ ихъ на двѣ части; одной изъ нихъ, подъ командою поручика Жмурина, отдалъ приказаніе поспѣшить перерѣзать непріятелю отступление, а другой, подъ начальствомъ полковника Алексѣя Ягодина, приказалъ напасть на непріятеля съ фронта. Это приказаніе исполнено въ точности: унтеръ-офицеръ Кундуковъ и казаки Агуреевъ, Золотаревъ и Комисаровъ первыми лихо врубились въ шведскую кавалерію; атакованные съ двухъ сторонъ, шведы, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, разсѣялись; при чемъ большая часть ихъ положена на мѣстѣ и нѣсколько человекъ взято въ плѣнъ. Съ нашей стороны пострадалъ только одинъ поручикъ Жмуринъ: подъ нимъ убита лошадь, которая, при паденіи своемъ, ударила его о камень и онъ повредилъ себѣ руку на столько, что во всю дальнѣйшую кампанію не могъ уже принимать участія въ бою; при этомъ отличился казакъ Котельниковъ,—онъ «отразилъ удары и спасъ жизнь офицера, который находился въ опасности и былъ окруженъ непріателемъ». Графъ Орловъ-Денисовъ, усиленный егерями и эскадрономъ драгунъ, поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ за отступающимъ непріателемъ. Шведы не разъ пытались затѣмъ удержаться на новыхъ, выгодныхъ позиціяхъ, но безуспѣшно. У деревни Ильби, пользуясь удобствомъ мѣстности, они поставили батарею и встрѣтили эскадроны Лейбъ-казаковъ артиллерійскимъ огнемъ. Тогда казаки, по невозможности развернуться на узкой, гористой дорогѣ, спѣшились

и съ пиками бросились на батарею. Здѣсь казакъ Комисаровъ, унтеръ-офицеръ Кундуковъ и казаки Золотаревъ и Агуреевъ, когда были вызваны охотники, первыми спѣшились «въ самой опасности» подъ картечью и своими мѣткими выстрѣлами перебили часть орудійной прислуги. Шведы не выдержали ихъ удара, начали поспѣшно отступать и, преслѣдуемые по пятамъ, не успѣли даже построиться, чтобы дать отпоръ у стѣнъ города Борго, которымъ казаки и овладѣли безъ всякаго уже сопротивленія. Тутъ отличился юнкеръ Хрещатицкій ¹⁾, который 15-го Февраля «былъ посланъ за деревню Марендаль, съ партіею, состоявшею подъ командою его, встрѣтилъ непріятельскій разъѣздъ, съ которымъ вступилъ въ дѣло и, по упорномъ

Свеаборгъ.

сопротивленію съ немалымъ непріятелю урономъ, опрокинулъ и нѣсколько человѣкъ положилъ на мѣстѣ, при чемъ особенно отличилъ себя благоразумнымъ распоряженіемъ, примѣрною храбростію и поощреніемъ къ неустрашимости подчиненныхъ, за что и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія».

Несмотря на чрезвычайно затруднительную для движенія мѣстность и на глубокіе снѣга, останавливавшіе почти на каждомъ шагу русскія войска, графъ Буксгевденъ рѣшилъ ускорить успѣхи своего лѣваго крыла. Въ этихъ видахъ, занятіе Гельсингфорса представляло важное стратегическое значеніе: оно отдѣлило

¹⁾ Павелъ Степановичъ; впоследствии генераль-отъ-кавалеріи и походный атаманъ Донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ.

Дѣло развѣзда юнкера Хрешатицкаго у д. Марендаль 15-го Февраля 1808 г.

бы городъ отъ крѣпости Свеаборга и уничтожило прямое сообщеніе этого главнаго военнаго депо съ корпусомъ шведскаго главнокомандующаго, графа Клингспора. Исполненіе задуманнаго нашимъ главнокомандующимъ предпріятія на Гельсингфорсъ возложено на графа Орлова-Денисова, и летучій отрядъ его, подкрѣпленный частью кавалеріи генерала Бороздина, двинулся 18-го Февраля, по большой дорогѣ, изъ гор. Борго въ Гельсингфорсъ.

Подойдя, ночью, къ Гельсингфорсу, графъ Орловъ-Денисовъ послалъ, подъ командою полковника Бирюкова, эскадронъ Лейбъ-казаковъ и баталіонъ егерей, по льду, черезъ заливъ—отрѣзать, съ разсвѣтомъ дня, путь къ кр. Свеаборгу; а самъ направился на Гельсингфорсъ прямою дорогою. Передъ городскими стѣнами стоялъ уже непріятель, ожидавшій наши войска. Но, вскорѣ затѣмъ шведы замѣтили боковые отряды наши, стремившіеся отрѣзать ихъ отъ Свеаборга, и начали отступать.

Тогда графъ Орловъ-Денисовъ, чтобы не допустить непріятели стать подъ защиту пушечныхъ выстрѣловъ Свеаборгской крѣпости, атаковалъ отступавшихъ шведовъ двумя эскадронами казаковъ и полуэскадрономъ драгунъ, и несмотря на сильный ружейный огонь непріятели, привелъ его стремительнымъ натискомъ своимъ въ совершенное разстройство, положивъ болѣе ста человѣкъ на мѣстѣ и взявъ болѣе ста человѣкъ въ плѣнъ; остальные искали спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Въ числѣ отличившихся подъ Гельсингфорсомъ были опять Кундуковъ, Золотаревъ и Агуреевъ, врубившіеся, несмотря на жестокой огонь, одними изъ первыхъ въ шведскіе ряды.

Трофеями этого дѣла были 6 орудій—первыя пушки, взятыя русскими у шведовъ въ Финляндскую войну.

Атака была произведена графомъ Орловымъ-Денисовымъ съ такою быстротою и рѣшительностію, что непріятель успѣлъ воспользоваться своими орудіями только на одинъ залпъ: всѣ захваченныя орудія оказались заряженными.

Вслѣдъ затѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ занялъ и самый городъ Гельсингфорсъ, въ которомъ взяты 13 пушекъ и весьма большіе запасы оружія, пороха, провіанта и фуража.

Оставивъ въ Гельсингфорсѣ небольшой гарнизонъ, графъ Орловъ-Денисовъ безостановочно продолжалъ преслѣдованіе непріятельскихъ отрядовъ, отступавшихъ къ Тавастгусу; но 26-го Февраля получилъ предписаніе возвратиться съ Лейбъ-казачьими эскадронами въ Гельсингфорсъ, для усиленія войскъ, блокирующихъ крѣпость Свеаборгъ.

Крѣпость эта представляла не малыя препятствія къ овладѣнію ею силою; при томъ и Свеаборгскій гарнизонъ былъ весьма многочисленъ; поэтому, графъ Буксгевденъ рѣшился ограничиться строгою ея блокадою, съ цѣлію довести непріятели до истощенія жизненныхъ и боевыхъ припасовъ, и тѣмъ принудить его къ сдачѣ. По ночамъ, чтобы тревожить непріятели, предпринимались фальшивыя атаки, исполненіе которыхъ, по преимуществу, выпадало на долю Лейбъ-казаковъ.

Пользуясь прикрытіемъ, представляемымъ мѣстностію, они тихо подкрадывались до крѣпостныхъ стѣнъ. Встревоженный гарнизонъ открывалъ на удачу жесточайшій огонь, который, однако, рѣдко причинялъ какой-либо вредъ нашимъ удалцамъ. Учащенная стрѣльба, усиленный барабанный бой съ нашей стороны, до такой степени пугали шведскій гарнизонъ, что, вполне увѣренный въ намѣреніи русскихъ идти на штурмъ, онъ нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ на крѣпостныхъ стѣнахъ. Здѣсь произошелъ слѣдующій случай: 16-го Марта, стоя на аванпостахъ, казаки Золотаревъ и Агуреевъ замѣтили группу непріятельской пѣхоты, которая старалась занять островъ Боксгольмъ, вызвавшись охотниками, они скрытно пробрались со стороны моря и «подъ пушечными изъ крѣпости выстрѣлами ударили на непріятеля, разбѣяли и принудили онаго спастись между камнями, причемъ взяли въ плѣнъ двухъ».

Блокада нашими войсками Свеаборга продолжалась до 25-го Марта, когда заключено было между комендантомъ крѣпости и нашимъ главнокомандующимъ перемиріе, въ силу котораго гарнизонъ обязался сдать крѣпость въ половинѣ Апрѣля, если къ этому времени не подойдутъ къ шведамъ подкрѣпленія. Военныя дѣйствія на время прекратились, но русскія войска, занимая прежнія позиціи вокругъ Свеаборга, не переставали укрѣплять ихъ.

Хотя въ гарнизонѣ крѣпости царило всеобщее уныніе, тѣмъ не менѣе, перемиріе строевымъ составомъ было встрѣчено несочувственно, явились подозрѣнія объ измѣнѣ коменданта и даже возникла мысль арестовать его и передать начальствованіе въ другія руки; однако, и на это энергіи не хватило. Между тѣмъ, къ назначенному сроку шведскій флотъ не появлялся и Буксгевденъ потребовалъ сдачи крѣпости. 26-го Апрѣля, при громѣ пушечнаго салюта, взвился надъ Свеаборгомъ Россійскій флагъ. вмѣстѣ съ крѣпостью, твердынею шведовъ въ Финляндіи, намъ досталось 7.503 плѣнныхъ, 2.033 орудія, 340.000 снарядовъ, 9.000 ружей, множество пороху, припасовъ и 110 военныхъ судовъ. Невольно обращается вниманіе, что этотъ громадный военный успѣхъ былъ нами достигнутъ почти что безъ пролитія крови, — такъ, гарнизонъ за всю осаду потерялъ всего лишь 6 убитыхъ и 32 раненыхъ, а мы только одного убитаго.

Взятіе Свеаборгской крѣпости было торжественно отпраздновано въ Петербургѣ передъ памятникомъ Императора Петра Великаго, а главнокомандующій графъ Буксгевденъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2-го класса. На шведовъ и финляндцевъ потеря Свеаборга произвела подавляющее впечатлѣніе.

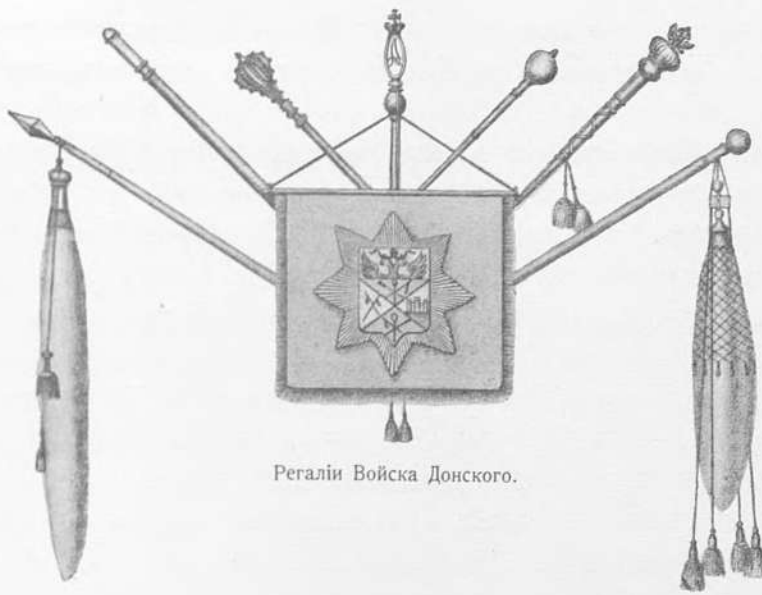
Въ числѣ наградъ нижнимъ чинамъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, «бывшимъ при осадѣ крѣпости Свеаборгской, Всемилостивѣйше пожаловано по рублю каждому» всего 281 человекъ¹⁾.

¹⁾ Арх. полка, исходящій журналъ 1808 г., августа 18, № 578.

Генераль-адъютантъ
графъ Василій Васильевичъ
ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ.
Командиръ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка.
1808—1827.

Регалии Войска Донского.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Краткій обзоръ событій въ остальныхъ районахъ театра войны.—Движеніе Лейбъ-казаковъ на сѣверъ Финляндіи.—Переменная обстановка, переходъ шведовъ въ наступленіе.—Народное возстаніе.—Гибель части Лейбъ-казаковъ въ Плекаксѣ.—Прибытіе десантныхъ подкрѣпленій изъ Швеціи.—Дѣйствіе графа Орлова-Денисова у Христиенштадта, Плекакса и Каскэ.

Пока происходила осада и затѣмъ сдача Свеаборга, наши незначительные отряды Раевского и Кульнева тѣснили шведовъ къ Улеаборгу, и остальные наши войска, продолжая движеніе впередъ, утверждали свое положеніе на южномъ побережьѣ Финляндіи. Такъ, по занятіи города Ловизы, отрядъ генерала Муханова обложилъ крѣпость Свардгольмъ и 6-го Марта крѣпость сдалась, причемъ нами взято 2 знамени, 34 офицера, 769 нижнихъ чиновъ, 211 орудій и значительное количество оружія и боевыхъ припасовъ. Въ отношеніи плѣнныхъ нами была повторена та же ошибка: желая вызвать симпатіи мѣстнаго населенія, плѣнные финны были нами отпущены по домамъ. Одновременно съ этимъ нами были заняты Гангутскія укрѣпленія съ 39 орудіями, а затѣмъ отрядомъ генерала Шепелева былъ занятъ городъ Або, причемъ шведскій гарнизонъ, уничтоживъ запасы и испортивъ пушки, ушелъ на Аландскіе острова, которые незначительнымъ отрядомъ полковника Вуича были вскорѣ заняты. Затѣмъ въ Апрѣлѣ также безъ боя былъ занятъ островъ Готландъ отрядомъ контръ-адмирала Бодиско, перевезеннымъ на судахъ изъ Ревеля. Такимъ образомъ, къ концу Марта почти вся Финляндія съ островами была въ нашихъ рукахъ и слова Высочайшаго манифеста отъ 20-го Марта: «Страну сію, оружіемъ Нашимъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи»,—съ послѣдовавшимъ паденіемъ главной твердыни шведовъ въ Финляндіи—Свеаборга, получили реальное значеніе. Уже въ Петер-

бургѣ думали о перенесеніи военныхъ дѣйствій черезъ море въ самую Швецію, но послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ обстоятельствахъ задержали эти намѣренія на цѣлый годъ.

Къ Апрѣлю мѣсяцу русскія войска занимали слѣдующее положеніе: графъ Каменскій имѣлъ 9-ти тысячный корпусъ, расположенный по побережью между Гангутомъ и Ловизою съ главными силами у Свеборга. Князь Багратіонъ съ 6-ти тысячнымъ отрядомъ занималъ районъ между Вазою, Тавасгусомъ и Або и Аландскіе острова. На сѣверѣ у Гамле-Карле-бю находился Тучковъ, соединившись съ отрядами Раевского и Кульнева, имѣя общимъ числомъ около 4.600 человекъ. Сюда же шель изъ Куопіо генераль Булатовъ съ 1.500 человекъ. Итакъ, имѣя всего около 22—23 тысячъ человекъ, наши войска были разбросаны на громадномъ протяженіи, а продолжая поступательное движеніе на сѣверъ, отряды наши все болѣе и болѣе ослаблялись выдѣленіемъ войскъ для занятія края. Шведская армія, отступавшая передъ Тучковымъ, за это время успѣла усилиться до 13 тысячъ человекъ. Послѣдовавшіе затѣмъ частичные успѣхи шведовъ въ дѣлахъ 6-го Апрѣля противъ Кульнева, 15-го противъ Булатова ободрили непріятеля, а дѣла эти были возвѣщены, какъ громкія побѣды. Вмѣстѣ съ народившейся у шведовъ надеждой на удачный исходъ войны заволновалось и поднялось мѣстное финское населеніе, призываемое королевскими воззваніями для защиты края. Вооружившіеся финны, подъ предводительствомъ шведскихъ офицеровъ, руководимые отпущенными нами изъ плѣна солдатами финскихъ войскъ, образовали летучіе отряды, начавшіе дѣйствовать на нашихъ путяхъ сообщенія. Первые удары партизаны направили на сообщенія Тучкова съ главными силами, ибо здѣсь разбросанные на 800 слишкомъ верстъ наши госпитали, этапные пункты и продовольственные склады были почти что беззащитны, охраняемые лишь незначительными командами. Начиналась народная война. Первою жертвою былъ отрядъ полковника Обухова, двигавшійся изъ Куопіо за Булатовымъ, прикрывая большой артиллерійскій и продовольственный транспортъ. Подвергшійся нечаянному нападенію бригады шведскаго партизана Сандельса, 20-го Апрѣля отрядъ Обухова потерпѣлъ полное пораженіе, причемъ спаслась одна рота съ 2-мя орудіями, присоединившаяся къ отряду Тучкова. Теперь все населеніе поднялось и шведскія войска, двинувшіяся къ Куопіо, повсюду восторженно встрѣчались крестьянами, какъ избавители отъ русскихъ. 30-го Апрѣля Куопіо было занято шведами. Къ этому времени, благодаря весеннему половодью, дороги стали совершенно непроходимыми, ничтожные ручьи и рѣчки обратились въ грозные, бушующіе потоки, почему военныя дѣйствія сами собою пріостановились на цѣлый мѣсяць.

Къ началу затишья наше положеніе было слѣдующее: отрядъ Тучкова, будучи оттѣсненъ отъ Гамле-Карле-бю, оставался отрѣзаннымъ отъ прочихъ войскъ. Отдѣльные отряды, занявшіе Готландъ и Аландскіе острова, были окружены превосходными шведскими силами и возставшимъ населеніемъ и вынуждены капитулировать. Главныя силы наши подъ начальствомъ Буксгевдена продолжали оставаться

въ районѣ Тавастгусъ, Або, С.-Михель, Гельсингфорсъ, Ганге. Какъ только дороги стали проходимы, шведская армія продолжала свое наступленіе. Начальство надъ отрядомъ Тучкова 1-го, бывшимъ у Гамле-Карле-бю, перешло къ генералу Раевскому.

Лейбъ-казаки послѣ взятія Свеборга, подъ командою графа Орлова-Денисова, были отправлены къ городу Або для содержанія по морскому побережью сторожевыхъ пикетовъ и наблюденія за движеніями проходящихъ шведскихъ судовъ.

На бивакѣ.

Тѣмъ временемъ отрядъ Раевского оказался въ тяжеломъ положеніи изъ-за распутицы, а, главное, враждебнаго настроенія населенія и дѣйствій партизановъ. Почувствовался острый недостатокъ продовольствія, подвозъ прекратился совершенно и ни за какія деньги не представлялось возможнымъ купить ни зерна, такъ что войска наши были принуждены сами собирать по полямъ оставшійся старый картофель и различные съѣдобные коренья. 1-го Юня Раевскій сталъ отходить къ Вазѣ; за нѣсколько дней до этого Лейбъ-казаки получили приказаніе спѣшить на

сѣверъ Финляндіи къ Христиненштадту и далѣе, на подкрѣпленіе слабаго корпуса Раевского, изнемогавшаго въ борьбѣ съ превосходными силами непріятели. Графъ Орловъ-Денисовъ прибылъ въ Христиненштадъ къ началу Іюня и, кромѣ Лейбъ-казацкихъ эскадроновъ, принялъ тамъ подъ начальство свое роту егерей и эскадронъ драгунъ. Онъ успѣшилъ размѣстить свой небольшой отрядъ на болѣе важныхъ пунктахъ между Вазою и Христиненштадтомъ. Одинъ эскадронъ Лейбъ-казаковъ поставленъ въ дер. Плелаксѣ, къ сѣверу отъ Христиненштадта; драгуны и егеря размѣщены въ приморскомъ городѣ Каскэ и въ дер. Кухаіоки — въ пунктахъ, прикрывавшихъ сообщенія Раевского съ Таммерфорсомъ и Тавастгусомъ. Съ другимъ эскадрономъ Лейбъ-казаковъ графъ Орловъ-Денисовъ занялъ деревню Лапфіертъ, лежащую на соединеніи нѣсколькихъ дорогъ.

Едва успѣлъ графъ Орловъ-Денисовъ осмотрѣться въ новомъ районѣ расположенія своего отряда, какъ замѣтилъ, что положеніе его крайне опасно: съ сѣвера доходили неблагопріятные слухи о новомъ отступленіи Раевского къ гор. Вазѣ; на морѣ, передъ глазами нашими одна за другой проходили шведскія флотиліи и, вскорѣ, разнеслась вѣсть о покушеніи шведовъ къ высадкѣ у гор. Або. Народонаселеніе края волновалось все больше и больше. Безчисленныя бухты Ботническаго залива представляли непріятелю легкую возможность разсылать со своихъ флотилій мелкія суда съ людьми, рѣшившимися пробираться въ мѣстности, занятыя русскими войсками, для возбужденія народныхъ массъ и для призыва ихъ къ оружію. Эти эмиссары сами становились во главѣ вооруженныхъ жителей и являлись весьма опасными партизанами, проникая все далѣе и далѣе вглубь Финляндіи и пропагандируя поголовное возстаніе. Особенно возбуждали мѣстное населеніе пасторы, проповѣдая всеобщее вооруженіе народа и истребленіе русскихъ всѣми средствами, какъ разбойниковъ или дикихъ звѣрей; подкрѣпляя свои рѣчи примѣрами изъ Ветхаго Завѣта, они говорили, что даже тайныя убійства непріятели частными лицами въ домахъ дозволены для защиты отечества. Бунтъ усилился и береговые жители коренные шведы, поголовно возставъ и предательски нападая, уничтожали нашихъ отдѣльныхъ людей и даже незначительные разбросанные отряды ¹⁾).

Все это убѣждало графа Орлова-Денисова въ невозможности сохранить спокойствіе въ отданной подъ его защиту мѣстности и въ то же время прикрыть ее отъ вторженія морскихъ и сухопутныхъ непріятельскихъ силъ. Поэтому онъ обратился къ генералу Раевскому съ просьбою о подкрѣпленіи его; но, пока подкрѣпленіе пришло, въ дер. Плелаксѣ случилось печальное происшествіе, навсегда памятное въ исторіи Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка по своей трагической развязкѣ. Выше сказано, что въ этой деревушкѣ размѣстился одинъ эскадронъ Лейбъ-казачьяго полка: это былъ эскадронъ Его Величества, при штабсъ-ротмистрѣ Фоминѣ ²⁾).

¹⁾ Булгаринъ, часть 4-ая.

²⁾ Въ дѣлахъ Л.-гв. Казачьяго полка не сохранилось свѣдѣнія, по какимъ причинамъ не находился при своемъ эскадронѣ полковникъ Ягодинъ.

13-го Іюня, ночью, всѣ жители Пеллакса, тайно сговорившись, напали врасплохъ на квартировавшихъ у нихъ казаковъ. Кучка людей, успѣвшая вооружиться, защищалась до крайности, но, стиснутая со всѣхъ сторонъ бунтовщиками, была взята живьемъ и изрублена топорами на мелкіе куски ¹⁾; другіе захвачены въ плѣнъ. Лишь немногимъ одиночнымъ людямъ удалось пробиться и спастись. Разъяренные крестьяне, разведя огонь въ ямѣ, бросали туда мертвыхъ и раненыхъ. Впослѣдствіи нашими уланами въ ямѣ подъ грудю угольевъ были найдены кости несчастныхъ Лейбъ-казаковъ. Въ плѣнъ попали—и штабсъ-ротмистръ Фоминъ, и аудиторъ Костинъ, послѣдній упоминался уже выше, какъ отличавшійся въ кампаніи 1807 года, а съ ними: вахмистръ Карташевъ, унтеръ-офицеръ Агурѣевъ и казаки: Козловъ, Комисаровъ Иванъ, Печеневъ, Чекомасовъ и Шерстобитовъ.

Получивъ прискорбное извѣстіе объ этомъ несчастіи, графъ Орловъ-Денисовъ поспѣшилъ съ другимъ эскадрономъ Лейбъ-казаковъ и съ драгунами въ Пеллаксъ, но оказалось поздно: всѣ, захваченные въ плѣнъ, Лейбъ-казаки были уже увезены шведскими судами въ Торнѳо ²⁾.

Оставалось ограничиться наказаніемъ виновныхъ въ предательствѣ жителей и, затѣмъ, озаботиться сосредоточеніемъ разбросанныхъ частей отряда, чтобы предотвратить повторенія подобнаго же несчастія, и графъ Орловъ-Денисовъ стянулъ всѣ части своего отряда къ Лапфіерту.

Между тѣмъ волненіе среди мѣстнаго населенія Финляндіи еще болѣе усилилось. Случалось находить обезглавленные трупы русскихъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла нашихъ предательски убитыхъ висѣли на деревьяхъ у большой дороги. Жестокая, беспощадная, какъ дикій звѣрь, народная война разгорѣлась въ полной мѣрѣ. Шведы сдѣлали новую попытку высадить десантъ близъ города Вазы и успѣли овладѣть городомъ. Хотя оттуда они были немедленно выбиты графомъ Орловымъ-Денисовымъ, но, возбужденные появленіемъ шведовъ, обыватели всѣхъ окрестныхъ деревень ополчились поголовно и, образовавъ многочисленные отряды, бросились на дороги, ведущія отъ Вазы къ Христиненштадту,

Тревога.

¹⁾ Булгаринъ, часть 4-ая.

²⁾ Только въ декабрѣ 1809 г., по заключеніи мира, эти плѣнные возвратились въ С.-Петербургъ и, по Высочайшему повелѣнію, приняты въ полкъ съ прежнимъ старшинствомъ. Дѣла Л.-гв. Казачьяго полка.

испортили мосты, завалили дороги засѣками и заняли всѣ лежащія на этомъ пути дефиле и ущелья. Такимъ образомъ, сообщенія графа Орлова-Денисова съ войсками корпуса Раевского—прерваны. Посланные имъ противъ возставшихъ обывателей команды оказались уже безсильными къ подавленію всеобщаго мятежа; мѣстные жители въ засадахъ и неприступныхъ проходахъ встрѣчали насъ пулями и камнями. По необходимости, пришлось уступить силѣ обстоятельствъ, и графъ Орловъ-Денисовъ рѣшился стянуть свой отрядъ нѣсколько южнѣе Христиненштадта. Въ то же время и Раевскій былъ вынужденъ отступить отъ города Вазы къ Лаппо, но при этомъ успѣлъ послать графу Орлову-Денисову давно желанное имъ подкрѣпленіе изъ 2-хъ ротъ егерей. Одновременно съ этимъ подкрѣпленіемъ пришли къ Христиненштадту и двѣ сотни казаковъ Донского армейскаго полка, а также два орудія артиллеріи. Такимъ образомъ, графъ Орловъ-Денисовъ, наконецъ, чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 17-го Юня онъ получилъ свѣдѣніе, что при Нерпесѣ высадился баталіонъ шведскихъ войскъ съ частью артиллеріи и что высадившійся непріятель разрушилъ у Нерпеса Финстремскій мостъ, для воспрепятствованія казакамъ производить поиски къ сѣверу. Тотчасъ же графъ Орловъ-Денисовъ отрядилъ туда команду казаковъ и егерей подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Денисова. Не доходя до Нерпеса, офицеръ этотъ встрѣтилъ непріятельскій отрядъ изъ регулярныхъ войскъ и обывателей. Послѣ непродолжительной перестрѣлки непріятель былъ сбитъ и потерялъ 10 человекъ убитыми. Слѣдуя далѣе, по приморской дорогѣ, шт.-ротм. Денисовъ неожиданно встрѣченъ огнемъ шведской засады и стремительно атакованъ съ фронта. Отвѣтивъ ударомъ въ пики и штыки Денисовъ до того озадачилъ, никакъ не ожидавшихъ нападенія съ нашей стороны, шведовъ, что они, въ крайнемъ безпорядкѣ бросились къ стоявшимъ у берега судамъ своимъ, но немногимъ изъ нихъ удалось спастись на суда, и весь этотъ отрядъ, въ нѣсколько минутъ, былъ разсѣянъ по лѣсамъ...

Здѣсь штабсъ-ротмистръ Денисовъ узналъ, что около города Каскэ нѣсколько дней уже показываются шведскіе корабли и приближаются даже къ Христиненштадту. Тотчасъ онъ сообщилъ объ этомъ графу Орлову-Денисову, который въ то же время получилъ и другое извѣстіе, что на непріятельскихъ судахъ къ Христиненштадту пришелъ свѣжій десантъ. Вскорѣ затѣмъ выяснилось, что эти корабли составляютъ лишь часть шведской флотиліи, везущей подкрѣпленія въ Финляндію. Сознавая слабость своего отряда противъ такихъ силъ непріятели, графъ Орловъ-Денисовъ послалъ къ графу Буксгевдену просить подкрѣпленій, а самъ, собравъ баталіонъ 2-го егерскаго полка, эскадроны драгунъ и Лейбъ-казаковъ, двѣ сотни казаковъ Донского армейскаго Киселева полка и прибывшую передъ тѣмъ изъ Тавастгуса роту 39 егерскаго полка съ однимъ орудіемъ, поспѣшилъ къ Христиненштадту, вблизи котораго и остановился на прежней своей позиціи, въ Лапфіертѣ, выставивъ авангардъ до деревни Плелакса. Графъ Буксгевденъ послалъ къ нему еще три роты егерей изъ Біернеборга; но, какъ непріятель сильно укрѣпился

въ Христиненштадтѣ и, притомъ, находился подъ защитою артиллеріи его канонерскихъ лодокъ, то графъ Орловъ-Денисовъ нашель невозможнымъ атаковать шведовъ, а приказаль своему авангарду выдвинуться впередъ и ложными движеніями заманивать непріятеля дальше отъ города. Эта хитрость вполнѣ удалась. Въ 3 часа утра 1-го Іюля прискакавшій казакъ доставиль извѣстіе, что шведскій десантъ напаль у Плелакса на наши передовые посты и сильно тѣснить авангардъ. Графъ Орловъ-Денисовъ тотчасъ же распорядиль атаковать непріятеля, для чего раздѣлиль свой отрядъ на четыре части: авангарду велѣль напасть на непріятеля по дорогѣ отъ Тіокъ до Плелакса и занять перекрестную, изъ Христиненштадта дорогу; второй части отряда—слѣдовать за авангардомъ и служить ему подкрѣпленіемъ; третьей—идти съ противоположной стороны къ заливу, гдѣ непріятель сбиль нашъ постъ, прогнать шведовъ или хотя задержать ихъ и тѣмъ обезпечить нашъ тылъ; а четвертой части отряда—прикрывать обозы и Біернеборгскую дорогу, а также дѣлать развѣзды по берегу моря.

По этой диспозиціи дѣло завязалось: авангардъ встрѣтилъ непріятеля у селенія Тіоки; разсыпавшись по сторонамъ дороги, егеря и спѣшившіеся казаки Донского Киселева полка, послѣ довольно продолжительной перестрѣлки, принудили шведовъ отступить до перекрестной дороги въ Христиненштадтѣ; но здѣсь присоединилась къ непріятелю довольно сильная колонна съ двумя орудіями. Ободренные подкрѣпленіемъ, отступившіе шведы перешли въ наступленіе и стремительно бросились въ обходъ нашего праваго фланга; но прискакавшіе изъ 2-й части нашего отряда Лейбъ-казаки встрѣтили ихъ дружнымъ ударомъ въ пики и шведы дали тылъ, бросились къ деревнѣ Плелаксу, перебѣжали черезъ небольшую рѣчку и расположились въ устроенныхъ заранѣе засѣкахъ, подъ прикрытіемъ двухъ батарей. Какъ ни была сильна эта позиція, но графъ Орловъ-Денисовъ, рѣшившись непремѣнно разбить высадившагося непріятеля, остановиль атаку на него съ фронта и, раздѣливъ свой отрядъ, послалъ одну часть его по дорогѣ къ Христиненштадту, для наблюденія за бывшимъ въ городѣ непріятелемъ; другую, съ есауломъ Степанниковымъ, направиль въ обходъ лѣваго крыла засѣвшихъ за рѣкою шведовъ; 3-й приказаль двинуться влѣво, въ обходъ праваго ихъ крыла, а самъ, въ ожиданіи дѣйствій этихъ отдѣльныхъ колонъ, остановиль съ Лейбъ-казаками и съ частью егерей въ выжидательномъ положеніи, противъ фронта. Всѣ эти распоряженія исполнены въ точности: отрядъ Степанникова, состоявшій изъ казаковъ Донского

Kosacken.

Киселева полка и части Лейбъ-казаковъ, пробрался съ величайшими усилями черезъ густой, болотистый лѣсъ и, переправясь вплавъ черезъ рѣку, бросился на шведовъ въ тылъ, въ то самое время, когда на лѣвомъ ихъ крылѣ показался 2-й казачій отрядъ, пробравшійся черезъ болото и ударившій на нихъ съ своей стороны. Въ эту же минуту ротмистръ Протопоповъ, съ командою Лейбъ-казаковъ, стремительно атаковалъ непріятели съ фронта и овладѣлъ шведскими орудіями послѣ перваго ихъ выстрѣла. Поражаемые со всѣхъ сторонъ, шведы бросились въ строенія и загороди деревни. Эта новая позиція ихъ была такъ же крѣпка, какъ защищенная закрытою мѣстностью. Тогда штабсъ-ротмистръ Чеботаревъ обратилъ противъ деревни отбитыя передъ тѣмъ у шведовъ орудія, учащенные выстрѣлы которыхъ произвели въ деревнѣ пожаръ, заставившій шведовъ броситься въ разсыпную, въ лѣсъ и болото, причемъ они жестоко были преслѣдуемы казаками и егерями. Немногіе уцѣлѣвшіе остатки разбитыхъ колоннъ непріятельскихъ успѣли сѣсть на суда, у деревни Рейлакса.

Между тѣмъ, перестрѣлка и пушечная канонада, непрерывно раздававшаяся въ тылу нашего отряда, заставили графа Орлова-Денисова поспѣшить дать помощь егерямъ, оставшимся на Христиненштадтской дорогѣ. Удержавъ роту пѣхоты и 100 казаковъ въ Плелаксѣ, онъ приказалъ маіору Эссену поторопиться съ остальными частями нашего отряда на выручку егерей. Эссенъ поспѣлъ во время, и ударъ, нанесенный имъ непріятели, былъ такъ силенъ, что выступившій противъ егерей шведскій отрядъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 50 убитыхъ бѣжалъ въ смятеніи къ заливу, гдѣ бросился на суда.

Въ этихъ дѣлахъ отбито у непріятели 7 чугунныхъ пушекъ и значительный обозъ. Непріятель въ дѣлѣ у Плелакса имѣлъ болѣе 700 человекъ; столько же было у него у Христиненштадта и на берегу Христиненштадтскаго залива; онъ потерялъ до 200 человекъ. Съ нашей стороны убито: егерей 9 и казаковъ 6; ранено егерей 8, казаковъ 11, въ томъ числѣ 2 Лейбъ-казака, изъ коихъ Малюгинъ, лишившійся руки, былъ награжденъ унтеръ-офицерскимъ званіемъ, а Кривороговъ умеръ затѣмъ въ госпиталѣ 20-го Марта 1809 года.

Послѣ Плелакскаго дѣла графъ Орловъ-Денисовъ, въ ожиданіи новаго подкрѣпленія, остановился на прежней позиціи, въ Лапфіертѣ, занявъ въ то же время значительною партіею казаковъ, подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Денисова, и дер. Кухаіоки. Авангардъ свой онъ поставилъ въ Плелаксѣ и, сверхъ того, расположилъ отряды егерей и казаковъ въ Христиненштадтѣ, на берегу залива, противъ этого города, и въ дер. Тюки.

Не успѣлъ графъ Орловъ-Денисовъ окончить свои распоряженія относительно размѣщенія отряда, какъ получилъ извѣстіе, что значительныя силы шведовъ сосредоточиваются у Каскэ, и что въ морѣ, предъ Христиненштадтомъ, вновь показались корабли съ десантомъ. Поэтому графъ Орловъ-Денисовъ, выступилъ изъ Лапфіерта 7-го Юля, пославъ приказаніе штабсъ-ротмистру Денисову, чтобы онъ двинулся изъ Кухаіоки къ Плелаксу, на соединеніе съ главными силами отряда.

Авангардъ отряда, составленный изъ Лейбъ-казаковъ, изъ Донскихъ казаковъ Киселева полка и изъ егерей, съ однимъ орудіемъ, подошелъ къ Плелаксу и, дождавшись тамъ прихода штабсъ-ротмистра Денисова, направился далѣе къ Нерпесу. Остальная часть прибывшихъ изъ Кухаіюки казаковъ съ орудіемъ пошла за авангардомъ нѣсколько позже, образуя отдѣльную колонну, предназначенную для подкрѣпленій первой. Прочія части отряда графа Орлова-Денисова остались въ Плелаксѣ для охраненія нашего тыла со стороны Христиненштадта. Пройдя почти безъ отдыха всю ночь, нашъ авангардъ, въ 4 час. утра, подошелъ къ рѣчкѣ Нерпесу, на противоположномъ берегу которой, въ дер. Финби, открылъ значительный непріятельскій отрядъ, устроившій земляное укрѣпленіе и поставившій на немъ батарею. Произошло упорное сраженіе, о которомъ графъ Орловъ-Денисовъ доносилъ:

«Господину и генералу - отъ - инфантеріи, главнокомандующему арміею и кавалеру графу Буксгевдену ¹⁾).

За донесеніемъ моимъ 7-го числа подъ № 408 къ вашему сіятельству о намѣреніи моимъ атаковать непріятели въ Нерпесѣ съ Лейбъ-казаками, съ частью казачьяго Киселева полка и съ 5-ю ротами 2-го егерскаго полка съ 2 орудіями, пополудни въ 8 часовъ выступилъ я изъ занимаемыхъ отдѣленіемъ моимъ пунктовъ, сдѣлавъ слѣдующую диспозицію: авангардъ, состоящій изъ Киселева полка казаковъ, 35 человекъ Лейбъ-казаковъ и одной роты егерей однимъ орудіемъ, имѣлъ дожидаться прибытія еще 4 ротъ однимъ орудіемъ и 35 Лейбъ-казаковъ въ Плелаксѣ, изъ коихъ одна—присоединиться должна была къ авангарду, 2—съ однимъ орудіемъ были въ центрѣ и служили подкрѣпленіемъ авангарду, остальная рота и 35 Лейбъ-казаковъ, составляя арьергардъ, оставлены были въ Плелаксѣ. По приближеніи авангарда къ деревнѣ Финби поутру въ 4 часа, занялъ я непріятели, находившагося за сдѣланными имъ земляными укрѣпленіями, сильною перестрѣлкою по большой дорогѣ, лежащей надъ самою рѣкою, а генераль-маіоръ Книпера съ Лейбъ-казаками, частью казаковъ Киселева полка и одною ротою егерей командировалъ влѣво, не доходя Финби версты за полторы, съ приказаніемъ переправясь скрытно черезъ рѣку Нерпесъ, стремительно напасть на непріятельскій правый флангъ. Случившійся тогда густой туманъ весьма способствовалъ сей затруднительной переправѣ, между тѣмъ какъ она учинилась, я устроилъ батарею изъ двухъ орудій, изъ коихъ одно дѣйствовало по непріятель-

Оберъ-офицеръ и штабъ-офицеръ Л.-гв. Казачьяго полка 1809—1812 гг.

¹⁾ Рапортъ гр. Орлова-Денисова отъ 9 іюля 1808 г. за № 419.

ской батареей, а другое по землянымъ укрѣпленіямъ съ большимъ успѣхомъ; а части Лейбъ-казаковъ и Киселева полка казакамъ приказалъ стремительно про-скакать подѣ сильными непріятельскими выстрѣлами по новой дорогѣ и стараться отрѣзать находящагося въ дер. Финби непріятеля, котораго часть истреблена, а остальной принужденъ былъ подѣ защитою батареи на мелкихъ лодкахъ переправляться черезъ рѣку, ибо мостъ онымъ былъ разобранъ. Оставивъ нѣсколько лодокъ у берега, мною занимаемаго, генераль-маіоръ Книперъ съ отрядомъ своимъ, зайдя непріятелю во флангъ, стремительно атаковалъ, выбилъ его изъ-за множества сараевъ и гналъ къ большой дорогѣ, гдѣ встрѣтилъ его жестокимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ отрядъ мой, и въ то же самое время приказалъ я 3-й ротѣ, рассыпавшись по рѣкѣ, занимать непріятеля, а большую часть 2-й роты, переправя на вышеупомянутыхъ лодкахъ на другую сторону рѣки и нѣсколько казаковъ вплавь, вдарилъ на бѣгущаго къ селенію Нерпесъ непріятеля, часть онаго до 200 человекъ отрѣзалъ и всѣхъ по жестокому сопротивленію ихъ на мѣстѣ положилъ. Непріятель при неудачѣ таковой, пришедшій въ замѣшательство, поспѣшно ретировался двумя колоннами по большой дорогѣ къ Вазѣ, коего преслѣдовать велѣлъ я частью кавалеріи и довольно значущимъ отрядомъ по дорогѣ къ Каске, для уничтоженія коего командировалъ я отрядъ подѣ командою войскового старшины Киселева 2-го, состоящій изъ части полка его казаковъ и роты егерей, приказавъ, по истребленіи непріятеля, слѣдовать до мызы, лежащей близъ острова Каско, и замѣтилъ тамъ непріятельскія суда, что онымъ исполнено. Непріятель по сильной перестрѣлкѣ разбитъ и разсѣянъ, а по возвращеніи донесъ, что въ заливѣ близъ Каско имѣется 2 непріятельскихъ военныхъ фрегата, и такъ какъ непріятель крѣпко удерживается въ селеніи Нерпесъ, то я приказалъ къ вытѣсненію онаго нѣкоторыя строенія зажечь, а деревню Финби оставилъ безъ вреда. Сраженіе продолжалось отъ 4-хъ до 11-ти часовъ утра. Непріятель потерялъ убитыми до 250 человекъ. Въ плѣнъ взято 13 человекъ, изъ коихъ два солдата, выпущенные изъ Свеаборгской крѣпости, повѣшены: одинъ въ Финби, а другой въ Нерпесѣ; по отобранному жъ свѣдѣнію состоялъ непріятель изъ 800 человекъ. Съ нашей стороны убито Киселева полка урядникъ 1, ранено 2-го егерскаго полка штабсъ-капитанъ Анфимовъ въ обѣ ноги насквозь пулею, прапорщикъ Яновской двумя пулями въ щеку и въ плечо, тяжело егерей 4, казаковъ 2 ¹⁾, легко: егерей 7, казаковъ 5, лошадей убито: Лейбъ-казачьяго полка 4, казачьяго Киселева 6, ранено 12. Между тѣмъ, какъ командированъ былъ отрядъ въ Каске, имѣлъ я честь получить отъ вашего сіятельства повелѣніе отъ 6-го сего Іюля подѣ № 107, и соображаясь съ онымъ, возвратился на прежнюю свою позицію въ Лапфіертъ, а непріятель получилъ изъ Рималя подкрѣпленіе изъ 700 чел. регулярнаго войска, занялъ обратно селеніе Нерпесъ; я немедленно командую эскадронъ драгунъ и, съ орудіемъ роты и 34 человекъ 30-го егерскаго полка въ Кухаіоки, давъ имъ

¹⁾ Лейбъ-казаки: Перфиловъ затѣмъ умершій въ Лужскомъ госпиталѣ 8 Февраля 1809 года, и Колесовъ—въ временномъ Липоловскомъ госпиталѣ 31 Января 1809 года.

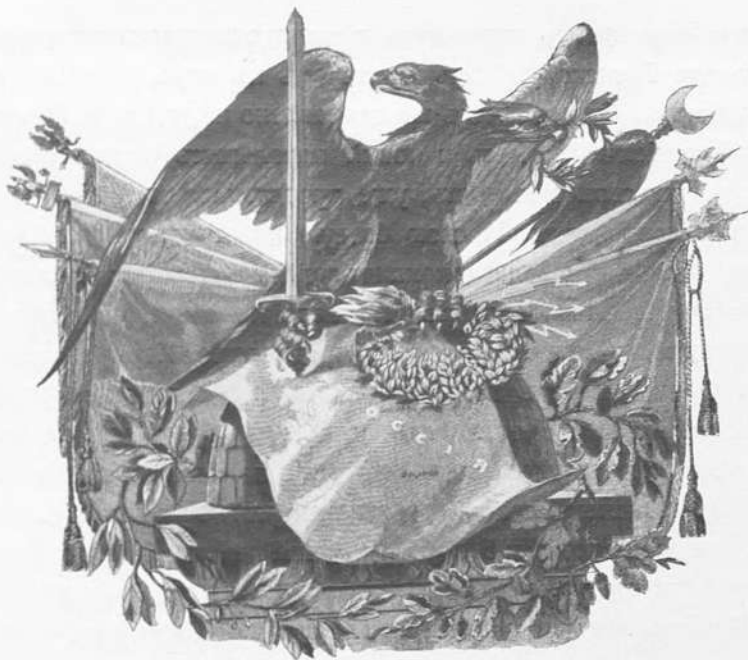
наставленіе, сообразное предписаніямъ вашего сіятельства. О чемъ вашему сіятельству честь имѣю донести и долгомъ поставляю рекомендовать отличившихся въ семъ сраженіи: шефа 2-го егерскаго полка генераль-маіора Книпера, который сверхъ отличной храбрости во всѣхъ распоряженіяхъ, въ продолженіи совершеннымъ былъ мнѣ помощникомъ. Онаго жъ полка капитана Черноусова и раненыхъ штабсъ-капитана Анфимова и прапорщика Яновскаго; а затѣмъ находившагося при мнѣ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части подполковника Кочетова, который способствовалъ мнѣ въ моихъ распоряженіяхъ, и въ продолженіи сраженія подъ сильными выстрѣлами неустрашимо выбиралъ лучшее мѣстоположеніе къ пораженію непріятели, поступавшихъ храбро и въ точности исполнявшихъ отдаваемые имъ приказанія Лейбъ-казачьяго полка полковника Бирюкова 1, ротмистра Протопопова, войска Донскаго войскового старшину Киселева 2, есаула Степанникова, 2-го егерскаго полка маіора Эсина и подпоручика Обернибъсова. Лапфіертъ».

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Неблагоприятное измѣненіе хода кампаніи къ веснѣ.—Назначеніе графа Каменскаго.—Христиенштадтское сраженіе.—Подвигъ поручика Попова.—Дѣла у Лапфіерта.—Отъѣздъ Орлова-Денисова.—Дѣйствія Бибикова.—Побѣды Каменскаго.—Дальнѣйшій ходъ кампаніи.—Значеніе войны для Лейбъ-казаковъ.—Возвращеніе въ Петербургъ, награды.

Итакъ, обстоятельства наши въ Финляндіи стали принимать неблагоприятный для насъ оборотъ. Планъ весенней кампаніи, составленный графомъ Буксгевденомъ, основанный на общемъ наступленіи войскъ Барклая-де-Толли и Раевскаго, чтобы отбросить графа Клингспора къ сѣверу, не удался. Остановленный въ наступленіи на непріятельской флангъ, Барклая-де-Толли былъ принужденъ ограничиться удержаніемъ Куопіо и обороною путей сообщенія съ Россією. На югѣ, у Або, стоялъ Буксгевденъ, въ ожиданіи высадки шведскаго короля съ Аландскихъ острововъ. Раевскій, предоставленный собственнымъ силамъ, былъ слишкомъ слабъ для активныхъ дѣйствій противъ шведовъ; окруженный партизанами, терпя недостатокъ въ продовольствіи, тѣснимый превосходящимъ по силамъ врагомъ, онъ долженъ былъ идти назадъ къ Тавастгусу. Такимъ образомъ, корпуса наши являлись безъ взаимной между собою связи; фланги ограничивались обороною; центръ обнажалъ своимъ отступленіемъ среднюю Финляндію и, вообще, дѣла наши шли такъ плохо, что, по сознанію самого главнокомандующаго, не только покореніе Финляндіи, но и самое удержаніе занятаго уже нами пространства—становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Хотя къ 7 іюня Барклая-де-Толли и удалось опять занять Куопіо,

однако, дальше онъ не имѣлъ возможности ни продвинуться впередъ, ни оказать содѣйствіе генералу Раевскому. Тѣмъ временемъ къ намъ подошли подкрѣпленія. Нѣсколько баталіоновъ было сейчасъ же отправлено на усиленіе Раевского; вмѣстѣ съ этимъ подкрѣпленіемъ прибылъ и новый начальникъ отряда графъ Каменскій, который, несмотря на свою молодость, уже прославился въ арміи, какъ одинъ изъ выдающихся генераловъ, начавшій свою боевую карьеру подъ начальствомъ Суворова. Отправляя Каменскаго, главнокомандующій ему писалъ: «Невзирая на малое число войскъ вашихъ, вы должны разбить непріятеля», и, дѣйствительно, Каменскій, какъ мы увидимъ дальше, исполнилъ предписаніе. Корпусъ его полученными подкрѣпленіями былъ доведенъ приблизительно до десяти тысячъ человекъ. Для содѣйствія Каменскому, изъ Куопіо былъ выдѣленъ отрядъ изъ четырехъ баталіоновъ и двухъ эскадроновъ уланъ подъ командой полковника Сабанѣва; сѣвернѣе Таммерфорса былъ назначенъ особый отрядъ генерала Ушакова изъ четырехъ баталіоновъ, одной сотни казаковъ и 5 орудій, имѣвшій цѣлью дѣйствовать на сообщенія графа Клингспора съ побережьемъ; генералу Миллеру было приказано, занявъ Тавастгусъ и Таммерфорсъ, охранять тылъ графа Каменскаго, очищая его отъ партизанскихъ отрядовъ. Графъ Орловъ-Денисовъ, къ этому времени расположенный близъ города Христиненштадта, изнуренный ежедневными битвами со шведскими десантами, угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностью быть отрѣзаннымъ отъ единственной оставшейся за нимъ дороги, не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы успѣшно бороться съ партизанами, и самъ находился съ своимъ отрядомъ въ крайней опасности. Принятое было имъ рѣшеніе выйти на береговую дорогу, онъ долженъ былъ измѣнить, ибо толпы партизановъ отрѣзали ему путь къ Вазѣ, почему онъ, отойдя къ югу, остановился между Христиненштадтомъ и Бьерненборгомъ. Дѣйствуя противъ партизановъ, графу Орлову-Денисову приходилось считаться больше всего съ солдатами бывшаго Свеаборгскаго гарнизона, которые, по сдачѣ крѣпости, были нами отпущены по домамъ подъ условіемъ не поднимать оружія противъ русскихъ. Эти же солдаты составили кадръ партизанскихъ отрядовъ, организуя банды, предводительствуя ими и даже силою принуждая крестьянъ оставлять свои дома и драться съ ними. Пришлось и намъ принимать крайнія мѣры. Графомъ Орловымъ-Денисовымъ было объявлено, что каждый изъ такихъ солдатъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, а каждый крестьянинъ—разстрѣлянъ. Свеаборгскихъ солдатъ, когда они попадались въ плѣнъ, вѣшали на деревья на большой дорогѣ и при киркахъ, помѣщая надпись: «За измѣну», изъ крестьянъ же разстрѣливали только главарей; прочихъ отсылали въ Свеаборгъ на крѣпостныя работы, предварительно выбривъ полголовы. Особенно намъ досаждалъ партизанъ Роотъ, родомъ финляндецъ, унтеръ-офицеръ Бьернеборгскаго полка. Начавъ дѣйствовать въ тылу корпуса Раевского сначала только съ 40 солдатами, потомъ онъ вошелъ въ сношеніе со всѣми взбунтовавшимися крестьянами и первый вызвалъ солдатъ бывшаго Свеаборгскаго гарнизона. Истребляя мосты и переправы, портя дороги, нападая на наши магазины и парки, перехватывая курьеровъ,

Карта театра военных действий.

Роотъ довель корпусъ Раевскаго до отчаяннаго положенія, оставаясь самъ неуловимымъ; смѣлость его дошла до того, что онъ едва не занялъ городъ Таммерфорсъ въ нашемъ тылу, гдѣ у насъ были большіе склады огнестрѣльныхъ и съѣстныхъ запасовъ.

Только что отойдя на югъ, Орловъ-Денисовъ получилъ также предписаніе отъ главнокомандующаго, для содѣйствія цѣлямъ Каменскаго, двигаться впередъ къ Лапфіерту и атаковать шведовъ по путямъ, идущимъ къ Вазъ и Кухаіюки. Графъ Буксгевденъ писалъ ему: «Знаю, что отрядъ вашъ слабъ, но благоразуміе и храбрость ваши дополняютъ сей недостатокъ. Я даже заблаговременно увѣренъ, что непріятель будетъ вами разбитъ».

12-го Іюля графъ Орловъ-Денисовъ, исполняя данное ему приказаніе, собралъ свой отрядъ и двинулся снова на сѣверъ; но, не смѣя съ слабыми силами заходить слишкомъ далеко, онъ рѣшился въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, занять Лапфіертъ и Кухаіюки, какъ важные стратегическіе пункты, прикрывающіе дороги на Або и Таммерфорсъ, и держаться въ этихъ пунктахъ по мѣрѣ возможности. Съ такою цѣлью графъ Орловъ-Денисовъ раздѣлил свой отрядъ на двѣ половины: одну подъ командою полковника Ягодина, изъ оставшихся на лицо Лейбъ-казаковъ 1-го эскадрона и частію егерей и драгунъ, направилъ въ Кухаіюки, а самъ съ другою половиною своего отряда занялъ Лапфіертъ; для разу-

Рядовой и унтеръ-офицеръ Л.-гв. Казачьяго полка 1812—1814 гг.

знанія о силахъ же и расположеніи враждебныхъ войскъ, разослалъ по разнымъ направленіямъ небольшіе кавалерійскіе разъѣзды. Разъѣзды эти вскорѣ донесли, что всюду, куда они ни направлялись, встрѣчали, засѣвшаго въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, непріятеля. Одинъ изъ этихъ разъѣздовъ, высланный изъ Кухаіюки въ числѣ 12 Лейбъ-казаковъ и 8 драгунъ, подъ командою корнета Грекова, наткнулся близъ Кирки-Корунъ на непріятельскій кавалерійскій пикетъ, подкрѣпленный пѣхотою. Разъѣздъ нашъ началъ отступать, продолжая перестрѣлку; но, вблизи Кухаіюки, былъ остановленъ новымъ отрядомъ непріятельской конницы, зашедшимъ ему съ тыла. Корнетъ Грековъ рѣшился пробиться, во что бы то ни стало, и выполнилъ это, потерявъ убитыми четырехъ человѣкъ и раненымъ одного казака Сысоева ¹⁾, кромѣ того, самъ Грековъ былъ раненъ сабельнымъ ударомъ; непріятель же потерялъ убитыми болѣе 10 человѣкъ. Пробившись такимъ образомъ, разъѣздъ нашъ поспѣшилъ въ Кухаіюки для увѣдомленія

¹⁾ Затѣмъ умершій въ Преображенскомъ госпиталѣ 20-го Мая 1809 года.

полковника Ягодина о близости передовыхъ войскъ графа Клингспорра, которыя показались въ значительныхъ силахъ близъ деревни.

Полковникъ Ягодинъ немедленно озаботился принятіемъ мѣръ къ защитѣ. Въ вечеру шведы бросились на деревню съ 3-хъ сторонъ, при чемъ подтвердилось донесеніе Грекова, что силы шведовъ были велики. Не видя никакой возможности удержать свою позицію, Ягодинъ успѣлъ пробиться черезъ окружавшаго его непріятеля и отступилъ къ

Лапфіёрту, откуда выслана ему на помощь рота егерей. Графъ Орловъ-Денисовъ хотѣлъ было и самъ двинуться къ Кухаіюки, но получилъ съ противоположной стороны, изъ дер. Плелакса, донесеніе подполковника Киселева, что ночью значительныя непріятельскія силы напали на нашъ авангардъ. Тогда графъ Орловъ-Денисовъ послалъ къ Киселеву приказаніе — отступить, но сколь возможно медленнѣе, задерживая всячески непрія-

Лейбъ-казаки въ дозорѣ.

теля; а самъ направился съ своимъ отрядомъ навстрѣчу шведовъ и остановился въ весьма выгодной позиціи, у дер. Тіюкъ. Въ то же время онъ распорядился, чтобы полковникъ Ягодинъ перешелъ, съ посланнымъ къ нему подкрѣпленіемъ, въ наступленіе и снова овладѣлъ Кухаіюкомъ. Въ Тіюкахъ графъ Орловъ-Денисовъ узналъ, что, появившіяся предъ нимъ, шведскія войска составляютъ часть десанта, высадившагося ночью у Христиненштадта и въ Плелакскомъ заливѣ.

Между тѣмъ, авангардъ нашъ, отстрѣливаясь на каждомъ шагу, дошелъ отъ Плелакса до дер. Тіюкъ, гдѣ и предположено дать непріятелю сильный отпоръ. Но, прежде чѣмъ завязалось дѣло, на лѣвомъ нашемъ флангѣ у морского залива борьба была уже окончена совершеннымъ истребленіемъ шведовъ. Пораженные этимъ ударомъ, наступавшія на насъ въ Тіюкахъ, войска въ недоумѣніи остановились; нашъ же авангардъ, подкрѣпленный егерями и Лейбъ-казаками, стремительно ударилъ на шведовъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. У перекрестной дороги къ Христиненштадту, непріятель остановился, пользуясь выгодною позиціею и, получивъ значительное подкрѣпленіе, съ нѣсколькими орудіями удерживалъ въ теченіе 3-хъ часовъ узкія дефиле. По невозможности обойти эту позицію, оставалось выбить шведовъ атакой съ фронта. Егеря и спѣшенные казаки бросились впередъ и, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, овладѣли позиціей. Непріятель побѣжалъ въ дер. Пле-

лаксу, у которой сраженіе опять возобновилось; но егеря, посланные въ обходъ, принудили шведовъ пальбою и штыками отступать со всѣхъ пунктовъ и спасаться на суда. Сраженіе продолжалось цѣлый день. Мы потеряли въ немъ убитыми 15 человекъ, ранеными 33.

Пока происходила эта борьба на Христиненштадтской дорогѣ, полковникъ Ягодинъ, получивъ приказаніе графа Орлова-Денисова овладѣть снова деревнею Кухаіюки, успѣлъ соединиться съ посланнымъ къ нему подкрѣпленіемъ и перешелъ въ наступленіе. Онъ быстро потѣснилъ непріятеля; но силы послѣдняго были слишкомъ велики: шведы имѣли здѣсь до двухъ тысячъ пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Избравъ болѣе выгодную позицію, они остановили натискъ Ягодина и въ то же время выслали отряды въ обходъ нашего лѣваго фланга. Замѣтя это, штабс-ротмистръ Чеботаревъ, съ командою Лейбъ-казаковъ и егерей, бросился на обходившую насъ колонну и смялъ ее; но такъ какъ въ то же время появились значительныя партіи шведовъ и на другомъ нашемъ флангѣ, то Ягодинъ принужденъ былъ отступить на соединеніе съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ у Лапфіерта. Уронъ нашъ въ этихъ стычкахъ состоялъ изъ 5 убитыхъ.

Едва графъ Орловъ-Денисовъ успѣлъ прибыть къ Лапфіерту послѣ дѣла на Христиненштадтской дорогѣ, какъ узналъ о неудавшейся попыткѣ полковника Ягодина овладѣть Кухаіюками. Тогда, рѣшившись немедленно занять этотъ важный пунктъ, чтобы не допустить непріятеля дѣйствовать на Лапфіертъ съ 3-хъ сторонъ, онъ подкрѣпилъ полковника Ягодина еще ротою егерскаго полка и частію Лейбъ-казаковъ, а самъ пошелъ впередъ. Непріятель занималъ позицію въ дефиле у деревни Манилла, которую обороняли два орудія, а по сторонамъ въ лѣсу размѣщены были стрѣлки. Завязавшійся здѣсь, бой продолжался 4 часа: непріятель нѣсколько разъ собиралъ, подъ прикрытіемъ лѣса, значительныя колонны на своихъ флангахъ и бросался на насъ въ атаку; но всякій разъ его встрѣчали штыки егерей и пики Лейбъ-казаковъ и отбрасывали назадъ. Наконецъ, въ 2 часа ночи произведена была нами общая атака; непріятель былъ сбитъ и прогнанъ, оставивъ на мѣстѣ 39 убитыхъ и много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ капитанъ. Съ нашей стороны убиты: 6 казаковъ и 8 егерей; раненъ 1 офицеръ, 10 егерей и 7 казаковъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка поручикъ Поповъ, который, состоя при графѣ Орловѣ-Денисовѣ адъютантомъ, съ замѣчательнымъ безстрашіемъ исполнялъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, возлагаемыя на него порученія и нѣсколько разъ самъ ходилъ съ Лейбъ-казаками въ атаку. Особенно блистательный подвигъ совершилъ онъ съ егерями: когда во время боя непріятель неожиданно бросился на нашъ правый флангъ и, подавляя его своею многочисленностью, заставилъ очистить позицію, — скакавшій тутъ съ порученіемъ отъ графа Орлова-Денисова, поручикъ Поповъ случайно увидѣлъ опасность, угрожавшую нашему отряду; онъ быстро соскочилъ съ коня, схватилъ стоявшіе невдалекѣ два взвода егерей и съ такою рѣшимостью ударилъ во флангъ наступающихъ шведовъ, что немедленно смѣшалъ ихъ ряды и заставилъ укрыться обратно въ лѣсъ.

Послѣ небольшого отдыха полковникъ Ягодинъ двинулся въ Кухаіоки и въ 6 верстахъ передъ этою деревнею встрѣтилъ непріятеля на крѣпкой позиціи. Тотчасъ же онъ велѣлъ двумъ ротамъ егерей, разсыпавшись, атаковать непріятельскіе фланги, а 3-ю роту съ драгунами и казаками поставилъ по дорогѣ противу непріятельской батареи, выдвинувъ впередъ два орудія.

Удачное дѣйствіе картечью и быстрый ударъ егерей въ штыки по всей линіи поколебали непріятельскій фронтъ. Показавшіе тылъ, шведы были преслѣдуемы въ безпорядкѣ за Кухаіоки. Сраженіе это продолжалось болѣе 5 часовъ. Убитыхъ шведовъ найдено на мѣстѣ 67 человекъ, а нашъ уронъ состоялъ изъ 9 убитыхъ и 38 раненыхъ.

Умножающіяся на всѣхъ пунктахъ силы непріятеля и прибытіе къ Христиненштадту новыхъ судовъ съ десантомъ, заставили генераль-маіора графа Орлова-Денисова оставить въ Кухаіокахъ только одинъ эскадронъ драгунъ и партію Лейбъ-казаковъ, а прочія войска свои приблизить къ Христиненштадту,

чтобы имѣть возможность разрушить замыслы шведовъ овладѣть Лапфіертотомъ; но, пока эти войска двигались къ Лапфіерту, 17-го числа, утромъ, непріятель атаковалъ нашу позицію при Лапфіертѣ со всѣхъ сторонъ. Сдѣлавъ въ Христиненштадтскомъ заливѣ, подъ прикрытіемъ пяти канонерскихъ лодокъ, высадку десанта, онъ въ то же время началъ тѣснить наши аванпосты въ Плелаксѣ. 2-го Егерскаго полка маіоръ Эссенъ посланъ былъ немедленно съ частью егерей и казаковъ встрѣтить десантъ, а авангардному начальнику, подполковнику Киселеву, велѣно, дождавшись подкрѣпленія у перекрестной дороги въ Христиненштадтѣ, атаковать непріятеля и гнать его за Плелакскую позицію. Три часа продолжалась со всѣхъ сторонъ неумолкаемая пальба, а, по прибытіи подкрѣпленій, наши бросились въ атаку и отгѣснили шведовъ къ морю.

На обывательскихъ квартирахъ.

20-го числа шведы возобновили свое покушеніе сбить нашу позицію у Лапфіерта... На этотъ разъ гр. Орловъ-Денисовъ, для предупрежденія привычной шведамъ одновременной атаки съ двухъ сторонъ, рѣшился сосредоточить свои силы и разбить шведовъ прежде на одномъ пунктѣ, а потомъ на другомъ. Непріятельская позиція за селеніемъ Плелаксъ оборонялась двумя батареями, состоящими изъ 6 орудій; правый флангъ примыкалъ къ заливу, находясь подъ прикрытіемъ 4-хъ канонерскихъ лодокъ, а лѣвый обезпечивался болотомъ. Въ виду этого велѣно было двумъ

ротамъ 2-го Егерскаго полка, не доходя до дефила, случившагося передъ фронтомъ непріятеля, раздѣлиться на двѣ части и пробраться на оба его фланга. Стрѣлки лѣваго фланга, оставя въ тылу своемъ канонерскія лодки, приблизились къ непріятельскому флангу и открыли огонь, съ цѣлью отвлечь его вниманіе; черезъ полчаса открытъ неожиданный непріателемъ огонь и стрѣлками праваго фланга; вслѣдъ затѣмъ выдвинуты впередъ орудія, и началась канонада противъ непріятельской батареи, которая вскорѣ и замолкла. Пользуясь этимъ, егеря и казаки атаковали непріятельскую позицію въ штыки и пики. Непріятель не выдержалъ; опрокинутый, онъ бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 175 человекъ убитыхъ. Потеря была и у насъ: убиты 1 казачій офицеръ ¹⁾ и 12 егерей, да ранено—капитанъ егерей ²⁾, 6 казаковъ и 21 егерь. Такъ уничтоженъ замыселъ непріятеля сбить насъ съ занятой важной позиціи, и уничтоженъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ и на одномъ пунктѣ. Позиція при Лапфіертѣ осталась за нами.

За оказанную этимъ дѣломъ заслугу, графъ Орловъ-Денисовъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, украшеннымъ алмазами. Но, всегда неутомимый, всегда въ огнѣ, несходящій съ коня ни дни, ни ночи въ безконечныхъ переѣздахъ отъ одного своего отряда къ другому, безъ сна и отдыха, графъ Орловъ-Денисовъ почувствовалъ, наконецъ, что и его крѣпкое здоровье измѣнило ему: вскорѣ послѣ описаннаго дѣла онъ тяжело заболѣлъ и 21-го Іюля принужденъ былъ сдать свой отрядъ генераль-маіору Шепелеву. Старшимъ надъ Лейбъ-казаками остался полковникъ Бирюковъ. Вмѣстѣ съ отъѣздомъ графа Орлова-Денисова сошелъ съ театра военныхъ дѣйствій въ Финляндіи и полковникъ Ягодинъ, который сперва былъ командированъ въ гор. Ловизу съ уцѣлѣвшими отъ Плекакской рѣзни остатками Лейбъ-казачьяго эскадрона Его Величества, а потомъ съ этими же остатками храбрыхъ Лейбъ-казаковъ отправленъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 21-го сентября.

По отъѣздѣ графа Орлова-Денисова, шведы опять овладѣли Кухаіюками. Генераль-маіоръ Шепелевъ собралъ казаковъ, драгунъ и егерей и двинулся противъ непріятеля; но, учтя незначительность своихъ силъ, вынужденъ былъ отступить. Во время отступленія онъ узналъ, что шведы сдѣлали высадку у Христиненштадта и 30-го іюля заняли Лапфіертъ. Затѣмъ Шепелевъ получилъ извѣстіе и о высадкѣ шведовъ въ тылу его, у Ништадта, гдѣ непріятель, напавши на нашъ постъ, отбилъ бывший на немъ фальконетъ. Всѣ эти неблагопріятныя свѣдѣнія заставили генераль-маіора Шепелева отступить къ Біернеборгу. На маршѣ туда онъ заболѣлъ и 1-го Августа сдалъ отрядъ полковнику Бибикову, командовавшему до того времени береговыми постами.

Описанныя выше движенія отряда графа Орлова-Денисова и сшибки его съ непріателемъ происходили въ то время, когда графъ Каменскій 2-й только что готовился открыть наступательныя движенія и не могъ разсчитывать на содѣйствіе ему нашихъ береговыхъ отрядовъ. Прежде, нежели дошли до Каменскаго извѣстія

¹⁾ Донскаго Киселева полка есаулъ Степанниковъ, первый бросившійся на непріятельскую батарею.

²⁾ Черноусовъ, подававшій въ этомъ дѣлѣ замѣчательный примѣръ храбрости.

о неблагопріятномъ положеніи этихъ отрядовъ, узналъ о томъ самъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ и тотчасъ же приказалъ генералу Ушакову спѣшить съ его отрядомъ изъ Киро въ Кухаіоки.

Полковникъ Бибииковъ, узнавши о движеніи Ушакова, пошелъ съ своимъ отрядомъ изъ Біернеборга впередъ. Непрiятельскіе посты отступили до Эмоса, гдѣ Бибииковъ и остановился, стараясь быть на одной высотѣ съ Ушаковымъ, но послѣдній подвигался весьма тихо, приводя въ извиненіе своей медленности недостаточное число конницы при его отрядѣ. Пройдя въ 9 дней только 80 верстъ, Ушаковъ, 15-го августа подступилъ къ Нуміярви и атаковалъ это мѣстечко, но былъ отбитъ, а, между тѣмъ, Бибииковъ, не имѣя еще извѣстія о неудачѣ Ушакова, приблизился съ своей стороны къ Лапфіерту 17-го Августа. Разсчитывая, что здѣсь находятся приблизительно тѣ же силы, какія оставлены были нами здѣсь во время отступления къ Біернеборгу, Бибииковъ рѣшился атаковать шведовъ. Дружно ударили егеря и казаки въ штыки и пики, но тутъ только Бибииковъ увидѣлъ, что вступилъ въ дѣло съ далеко неравными силами. Оказалось, что у Лапфіерта, сверхъ отряда Дебельна, находившагося тамъ со времени нашего отступления, былъ еще весьма значительный отрядъ Фегезака, присланный шведскимъ королемъ съ Аландскихъ острововъ; послѣдній отрядъ соединился съ Дебельномъ только наканунѣ и состоялъ изъ 5 баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ королевской конной гвардіи и 6 орудій. Фегезакъ долженъ былъ пристать къ Финляндскому берегу южнѣе Біернеборга и ударить въ тылъ русскихъ войскъ, расположенныхъ у Ботническаго залива; противные вѣтры заставили его высадиться не южнѣе, а гораздо выше Біернеборга, гдѣ онъ и соединился съ Дебельномъ. Такимъ образомъ полковникъ Бибииковъ очутился въ весьма опасномъ положеніи. Увидя намѣреніе непріятеля отрѣзать его отъ Біернеборга, онъ поспѣшилъ ударить отбой и, защищаясь безъ перерыва, совершилъ отступление; причемъ Лейбъ-казаки и драгуны, бросаясь въ атаку, задерживали сильные натиски шведовъ. Мы понесли, однакожъ, въ этомъ дѣлѣ большой уронъ—до 300 человекъ ¹⁾).

Графъ Буксгевденъ послалъ новыя подкрѣпленія нашимъ береговымъ отрядамъ: къ Бибиикову—Плоцкій полкъ, а къ Ушакову—25-й Егерскій и эскадронъ Коннопольскаго уланскаго полка. Тогда Ушаковъ двинулся впередъ и, послѣ упорной обороны, занялъ Кухаіоки 20-го Августа. Въ свою очередь, и Бибииковъ двинулся впередъ. Утромъ 25-го Августа онъ подошелъ къ дер. Эмосъ, лежащей невдалекѣ отъ Лапфіерта, и открылъ здѣсь непріятеля, укрѣпившагося въ очень выгодной позиціи. Отрядъ свой Бибииковъ расположилъ такъ: противъ праваго непріятельскаго фланга поставилъ роту 2-го Егерскаго полка; въ обходъ лѣваго фланга послалъ маіора Эссена съ четырьмя ротами того же полка, а въ центрѣ выставилъ батареи, прикрывъ ихъ Лейбъ-казаками. Когда обходное движеніе маіора Эссена было совершено и онъ бросился со своими ротами на лѣвый непріятельскій флангъ, стоявшая впереди,

¹⁾ Графъ Сухтеленъ «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи».

рота егерей со своей стороны ударила на правый флангъ. Видя свои фланги въ опасности, шведы ослабили свой центръ, поражаемый выстрѣлами изъ нашихъ батарей. Бибииковъ успѣшилъ воспользоваться этимъ и направилъ противъ крѣпко защищеннаго непріятельскаго центра Лейбъ-казаковъ подъ командою полковника

Дозорный.

Бирюкова, которые ворвались въ ряды шведовъ и произвели между ними большое опустошеніе. Атакованный со всѣхъ сторонъ, непріятель обратился въ бѣгство и былъ преслѣдуемъ Лейбъ-казаками на протяженіи 8 верстъ, потерявъ много убитыхъ и плѣнныхъ, а Лейбъ-казаки потеряли въ этомъ дѣлѣ убитыми унтеръ-офицера Бѣлова и рядовыхъ Малахова, Буланова и Лобова. Въ числѣ раненыхъ находился и корнетъ Михаилъ Каменновъ 2-й.

Полковникъ Бирюковъ, приблизясь затѣмъ къ Лапфіерту, былъ крайне удивленъ, нашедши этотъ важный пунктъ незанятымъ непріателемъ. Удивленіе его возросло еще болѣе, когда, немедленно посланные въ разныя стороны, Лейбъ-казачьи разъѣзды донесли, что нигдѣ не видѣли никакихъ слѣдовъ шведскихъ войскъ. Вскорѣ затѣмъ полученныя, извѣстія съ главнаго театра

войны объяснили эту загадку: графъ Каменскій, молодой генераль, только недавно начавшій свое военное поприще въ Итальянской войнѣ и обратившій уже на себя вниманіе Суворова, буквально исполнилъ данное ему гр. Буксгевденомъ приказаніе— «побѣдить».

Битва при Куортакѣ 20-го августа положила начало нашимъ побѣдамъ, быстро слѣдовавшимъ потомъ одна за другою и загнавшимъ снова графа Клингспорра на крайній сѣверъ Финляндіи. Немедленнымъ слѣдствіемъ Куортакскаго сраженія было— полное очищеніе шведами береговъ Ботническаго залива. Полковникъ Бибииковъ, не встрѣчая сопротивленія, медленно двигался впередъ и достигъ г. Вазы. Здѣсь Лейбъ-казаки получили особое назначеніе—наблюдать за берегами Ботническаго залива между городами Вазою и Христиненштадтомъ. Послѣ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ ими въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, настоящія обязанности казались уже настолько легкими, что время, проведенное Лейбъ-казаками въ окрестностяхъ Вазы, они называли временемъ отдыха. Отовсюду доходили къ нимъ радостныя вѣсти: блистательная побѣда Каменскаго при Оровайсѣ, разбитіе десанта шведской гвардіи близъ Або, давно желанное отступленіе талантливаго шведскаго генерала Сандельса съ Тайвольской позиціи, удачныя дѣла на морѣ, наконецъ, полное изгнаніе шведскихъ войскъ со всей Финляндской территоріи до береговъ рѣки Кеми,—всѣ эти событія веселили сердце русскаго воина, ободряя его на новые подвиги.

Несмотря, однакожъ, на такіе замѣчательные успѣхи нашихъ войскъ въ Финляндіи, король шведскій собиралъ послѣднія средства своего истощеннаго государства для продолженія борьбы съ Россіею... Чтобы заставить короля заключить прочный миръ, намъ оставалось одно средство—внести войну въ предѣлы самой Швеціи и силою оружія положить конецъ междоусобию. Императоръ Александръ I рѣшился на это послѣднее средство, вслѣдствіе чего и было повелѣно—съ приближеніемъ зимы приготовиться къ новому походу.

Здѣсь исторія Л.-гв. Казачьяго полка должна покончить съ описаніемъ войны между Россіею и Швеціею, театромъ которой была Финляндія.

Война эта, веденная въ скалахъ и тущобахъ гранитныхъ горъ, въ дремучихъ лѣсахъ, болотистыхъ мѣстностяхъ и на окованныхъ льдомъ пучинахъ Кваркена, заслуживаетъ самыхъ подробныхъ описаній по тѣмъ трудностямъ, перенесеннымъ русскія войска заставили, наконецъ, Швецію приступить къ заключенію въ 1809 году выгоднаго для насъ Фридрихсгамскаго мира.

Въ ряду войнъ нынѣшняго столѣтія, эта война, по обширности и разнообразію стратегическихъ плановъ и по крайнимъ особенностямъ мѣстности, на которой производились военныя операціи наши, должна занимать весьма видное мѣсто и служить предметомъ самага полного и самостоятельнаго изученія. Большое значеніе имѣетъ также эта война и для Л.-гв. Казачьяго полка, принимавшаго въ ней самое дѣятельное участіе. Первые выстрѣлы, въ 1808 г. раздавшіеся на берегахъ Кюмени и возвѣстившіе о переходѣ русскихъ черезъ Финляндскую границу, принадлежали Лейбъ-казакамъ, и затѣмъ изо-дня въ день, въ теченіе цѣлаго года, они неустанно вели борьбу съ дикою природою, съ ожесточеннымъ врагомъ, съ поголовно возставшимъ населеніемъ, со стужею, наконецъ, даже — съ голодомъ.

Такимъ образомъ, не легко прожить Лейбъ-казаками 1808 годъ, а для большей половины ихъ онъ былъ и послѣднимъ годомъ жизни... Изнуренный битвами и трудами, Л.-гв. Казачій полкъ вышелъ изъ кампаніи 1808 года съ такимъ урономъ своего состава, что не могъ уже уча-

ствовать въ дальнѣйшихъ подвигахъ нашихъ войскъ въ слѣдующемъ 1809 году; но, оставшіеся въ живыхъ Лейбъ-казаки, утѣшали себя полнымъ сознаніемъ трудности совершеннаго ими подвига на пользу государства. Финляндская война была и основаніемъ громкой воинской славы командира Лейбъ-казаковъ, графа Орлова-

Денисова. Его богатырскіе подвиги мѣтко очерчены слѣдующими словами біографа: «онъ торжествовалъ надъ всѣми препятствіями, поспѣвалъ вездѣ; изумленные непріатели не вѣрили глазамъ своимъ, видя его то передъ Христиненштадтомъ, то у Вазы. Утромъ за сто верстъ отъ мятежнаго селенія, ночью—онъ былъ уже тамъ. Финляндцы долго помнили воинственнаго витязя на рьяномъ конѣ, налетавшаго молнією на противниковъ ¹⁾».

За оказанныя въ кампанію 1808 отличія, кромѣ графа Орлова-Денисова, о которомъ упомянуто отдѣльно, получили награды: полковникъ Ягодинъ—Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; полковникъ Бирюковъ, ротмистръ Протопоповъ и штабсъ-ротмистръ Ягодинъ—золотыя сабли, съ надписью «За храбрость»; всѣмъ прочимъ офицерамъ объявлено Высочайшее благоволеніе, а изъ нижнихъ чиновъ награждены знаками отличія ордена Св. Георгія: юнкеръ Резанцевъ, юнкеръ Хрещатицкій, унтеръ-офицеры: Бѣловъ, Жуковъ, Кундуковъ*, Сосковъ и казаки: ²⁾ Агурѣевъ*, Артамоновъ, Ахановъ, Безсѣменновъ, Ермиловъ, Золотаревъ*, Калабинъ, Комисаровъ Давыдъ, Комисаровъ Иванъ, Котельниковъ*, Кулешовъ, Кундрюцковъ, Можаяевъ, Муруговъ, Нестеровъ, Савинъ, Табунщиковъ, Шумковъ и Шуруповъ.

¹⁾ «Воен. галерея Зимняго Дворца т. I».

²⁾ Казаки, фамиліи коихъ отмѣчены звѣздочкою, какъ уже получившіе раньше знаки отличія военнаго ордена, представлялись къ награжденію вторымъ пенсіоннымъ на крестъ окладомъ.

Штабь-офицерь Л.-Гв. Казачьяго полка въ лѣтней парадной формѣ
эпохи Александра I.

Черноморець.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Укомплектованіе полка. — Перемяна формы. — Командировка на Финское побережье. — Зачисленіе графа Орлова-Денисова въ свиту. — Измѣненіе штатовъ полка. — Сформированіе при Л.-гв. Казачьемъ полку Черноморской сотни. — Преддверіе Отечественной войны.

Первой заботой полка было укомплектованіе его, что особенно касалось эскадрона Его Величества, потерявшаго такъ много изъ своего состава въ памятномъ Плелакскомъ дѣлѣ. Заботясь о приведеніи полка «въ надлежащій видъ» графъ Орловъ-Денисовъ еще изъ Финляндіи писалъ генераль-лейтенанту Уварову: «въ Лейбъ-гвардіи Казачьемъ полку не достааетъ нынѣ въ комплектъ по разной убыли 84 казаковъ, сверхъ того, имѣется 5 человекъ заразными болѣзнями неспособныхъ къ продолженію въ полку семъ службы; при томъ еще полагать должно, что изъ числа раненыхъ въ сраженіяхъ въ нынѣшнюю противъ шведскихъ войскъ кампанію 18-ти человекъ, кои въ Финляндіи пользуются, окажется часть также къ службѣ неспособныхъ, а посему и нужно необходимо на укомплектованіе и перемяну неспособныхъ 100 человекъ и какъ обыкновенно полкъ сей всегда комплектуется изъ Войска Донскаго, то, представя о семъ въ благоразсмотрѣніе вашего превосходительства, покорнѣйше прошу не оставить учинить ваше представленіе о выкомандированіи изъ Войска Донскаго на укомплектованіе полка сего 100 человекъ исправныхъ и хорошаго поведенія казаковъ, коимъ весьма нужно прибыть въ С.-Петербургъ въ наступающемъ Январѣ мѣсяцѣ, въ которомъ по сроку вещей должна начаться здѣсь генеральная для всего полка постройка, то оныя какъ для обмундированія себя, такъ равно и прочихъ по причинѣ раскомандировки полка имѣютъ быть употреблены ¹⁾».

¹⁾ Рапортъ отъ 10-го Сентября 1808 года за № 599. Арх. полка, исходящій журналъ.

При этомъ же рапортѣ Орловымъ-Денисовымъ въ запискѣ были представлены соображенія относительно укомплектованія полка и лошадьми: «Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ въ прошедшія двѣ кампаніи противъ французовъ въ разныхъ сраженіяхъ потерялъ убитыми немалое число строевыхъ казачьихъ лошадей, на мѣсто коихъ въ тѣхъ же мѣстахъ казаки принуждены были купить другихъ къ казачьей службѣ мало способныхъ, а особливо въ нынѣшнюю кампанію въ Финляндіи противъ шведскихъ войскъ, лишась въ дѣлѣ съ непріателемъ болѣе 100 лошадей,

Оберъ-офицеры Л.-гв. Казачьяго полка
1812—1815 гг.

и по причинѣ, что въ тамошнихъ мѣстахъ годныхъ къ кавалерійской службѣ отыскать совсѣмъ невозможно, неминуемо должны были покупать весьма за дорогую цѣну совершенно неспособныхъ, какъ равно и офицеры и на таковыхъ лошадяхъ бывши въ дѣлѣ съ непріателемъ не съ должною уже стремительностью могутъ дѣйствовать, а 36 человекъ теперь есть пѣшіе и по повелѣнію главнокомандующаго для формировки лошадьми и всею аммуниціею подѣ командою полковника Ягодина 2-го, при одномъ оберъ-офицерѣ (кои также, по причинѣ отбитія у нихъ взбунтовавшимися жителями лошадей и всего экипажа должны снабдить себя всѣмъ нужнымъ къ службѣ), прибыли въ городъ Ловизу. Но какъ команда сія удобнѣе и поспѣшнѣе можетъ сформироваться въ С.-Петербургѣ, ибо здѣсь постройка всѣхъ для нихъ вещей должна производиться, а паче что казаки искупить должны для себя годныхъ лоша-

дей, какихъ въ Финляндіи весьма трудно отыскать, то не благоугодно ли будетъ повелѣть командѣ сей прибыть въ С.-Петербургъ. Относительно же чтобы Лейбъ-казачій полкъ, вмѣсто имѣющихся нынѣ неспособныхъ лошадей, могъ получить и имѣть совершенно по роду службы казачьей способныхъ, то полагаю я способнѣе всего, купить таковыхъ на Дону изъ тамошнихъ конскихъ заводовъ хорошихъ въ добротѣ и молодыхъ 100 лошадей, полагая въ томъ числѣ и для офицеровъ; для закупки оныхъ и привода въ полкъ, послать полка сего знающихъ доброту въ лошадяхъ офицера, унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ. Покупку же учинить на счетъ тѣхъ казаковъ, кои въ таковыхъ лошадяхъ имѣть будутъ нужду, и сумму на сіе употребить изъ числа имѣющейся при полку слѣдуемой имъ за фуражъ, каковую обыкновенно и сами они употребляютъ на покупку лошадей, равно и на продовольствіе оныхъ въ пути фуражемъ и какъ изъ Войска Донскаго подлежатъ въ присылку въ комплектъ полка сего 100 человекъ казаковъ, то тѣмъ удобнѣе, ибо лошади сіи могутъ быть приведены сими казаками, кои также въ разсужденіи привода могутъ быть ввѣрены означенному офицеру, и симъ способомъ полкъ

можетъ приведенъ быть въ совершенную исправность лошадьми; казаки, получившіе оныхъ, нисколько не лишатся своихъ выгодъ, а напротивъ еще имѣтъ будутъ оныя, ибо неспособныхъ покупаютъ здѣсь съ лишнимъ по 100 рублей; предполагаемая же съ Дону съ приводомъ самая лучшія обойдутся примѣрно полагаю я менѣе 100 рублей при томъ и надѣяться можно, что уже лошади сіи будутъ совершенно способныя и соотвѣтственныя сему полку».

На ходатайство это послѣдовало разрѣшеніе и для командировки были назначены полковой адъютантъ штабсъ-ротмистръ Чеботаревъ, портупей-юнкеръ Хрещатицкій и казаки: Валуйсковъ, Черниковъ, Агуреевъ, Пятибратовъ, Шилкинъ и Скачковъ, которые по прибытіи команды полковника Ягодина 2-го изъ Ловизы въ Петербургъ и отправились въ концѣ Сентября на Донъ; Чеботареву было поручено «имѣя удобный нынѣ случай» купить въ Черкасскѣ конское снаряженіе, на что ему отпустили 1.736 руб. 33 коп., а на лошадей 8.980 рублей, причемъ въ предписаніи ему данному было указано купить «совершенно годныхъ къ службѣ соотвѣтственныхъ полку здоровыхъ добротныхъ и хорошихъ статей 100 лошадей начиная съ 4-хъ не старѣе 8-ми лѣтъ и не ниже мѣрою 2 аршина 1 вершокъ».

Чеботареву же было дано 1.200 рублей для покупки на кивера барашковыхъ смушекъ.

Успѣшно исполнивъ порученія, штабсъ-ротмистръ Чеботаревъ 10-го Января 1809 года уже выступилъ изъ Казанской станицы на Донъ съ командой казаковъ и лошадьми и донесъ, что «слѣдуетъ къ С.-Петербургу по данному ему отъ господина Войскового наказнаго атамана генераль-лейтенанта и кавалера Мартынова маршруту». Всего прибыло 99 лошадей, 2 урядника и 100 казаковъ. Въ это время эскадронъ полковника Эльмурзина продолжалъ оставаться въ своей командировкѣ, а въ штабѣ полка въ Петербургѣ шла спѣшная работа по постройкѣ обмундированія, въо собенности имѣя въ виду послѣдовавшія перемѣны. Такъ, еще 13-го Февраля 1809 года командовавшій полкомъ полковникъ Эльмурзинъ за нахожденіемъ въ отпуску Орлова-Денисова представилъ «командиру» 1-й дивизіи генералу Уварову «по приказанію Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича построенный для Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка образцовый мундиръ». По этому проэкту 14-го и 15-го Апрѣля того же года было утверждено для полка новое обмундированіе:

а) Для рядовыхъ—кафтанъ синій; полукафтанье алое, тотъ и другое со стоячимъ воротникомъ, разрѣзными обшлагами и красными съ желтымъ узоромъ нашивками; шаровары синія; эполеты по образцу гвардейскихъ уланскихъ съ мѣдными, вылуженными пуговицами; кушакъ бѣлый; шапка изъ черной смушки, съ краснымъ верхомъ, съ бѣлымъ, а въ корню чернымъ и оранжевымъ, волосьянымъ султаномъ, съ желтыми и красными, перемѣшанныхъ цвѣтовъ, этишкетами, и съ чернымъ, подбороднымъ ремнемъ, застегивавшимся, у правой стороны, на луженую пуговицу; шинель сѣрая, съ краснымъ клапаномъ на воротникѣ и съ краснымъ погономъ на лѣвомъ плечѣ.

Штабъ-офицеръ Л.-гв. казачьяго полка
1809—1812 гг.

б) Для унтеръ-офицеровъ—то же, что и для рядовыхъ, но съ прибавленіемъ серебрянаго галуна на воротникъ и обшлагахъ; этишкеты бѣлые, съ примѣсью чернаго и оранжеваго цвѣтовъ, и султанъ бѣлый, съ верхушкою изъ чернаго и оранжеваго волоса.

в) Для трубачей—то же, что и для унтеръ-офицеровъ, но съ прибавленіемъ крылецъ синяго цвѣта и нашивокъ изъ гвардейскаго басона: на груди, крыльцахъ, рукавахъ и всѣхъ швахъ; также вмѣсто бѣлыхъ султановъ, они имѣли красные.

г) Для оберъ-офицеровъ — кафтанъ, полукафтанье и шаровары, цвѣтами и покроемъ одинаковые съ вышеописанными,— первые съ шитьемъ прежняго узора на воротникъ и обшлагахъ; эполеты серебряные, по образцу оберъ-офицерскихъ въ прочей гвардіи; султанъ—какъ у рядовыхъ; этишкеты серебряные, съ примѣсью чернаго и оранжеваго шелка; лядунка, прежняя, только черный бархатъ замѣненъ синимъ, и на звѣздѣ орелъ золотой—вмѣсто преж-

няго серебрянаго; перевязь къ лядункѣ, обшитая такимъ же бархатомъ, съ серебрянымъ, во всю ея ширину, галуномъ, и съ серебряными же бляхами, цѣпочками и протравниками.

д) Для штабъ-офицеровъ—то же, что и для оберъ-офицеровъ, но эполеты съ бахромою.

е) Для генераловъ—то же, что и для всѣхъ офицеровъ, но съ серебрянымъ, генеральскимъ шитьемъ по краямъ воротника и обшлаговъ и на карманныхъ клапанахъ кафтановъ; эполеты съ толстою канителью; этишкеты серебряные; челенгъ изъ бѣлыхъ, а къ низу изъ черныхъ и желтыхъ перьевъ, какъ было на киверахъ и шапкахъ генераловъ гусарскихъ.

Приводя себя въ порядокъ послѣ похода, въ то же время Лейбъ-казаки продолжали нести свои обычные наряды мирнаго времени и принимали участіе въ разводахъ и парадахъ¹⁾. Въ день Георгіевскаго праздника, 26-го Ноября 1809 года, приняли участіе въ торжествѣ и новые Георгіевскіе кавалеры, получившіе кресты за Шведскую кампанію,—имъ было Высочайше пожаловано по рублю, по чаркѣ

¹⁾ За парадъ, бывшій въ высочайшемъ присутствіи 7-го Сентября,—нижнимъ чинамъ полка «Всемиловѣйше пожаловано 420 рублей».

вина и по фунту рыбы,—всего 61 человек, из которых было 15 унтер-офицеров, 2 рядовых музыканта и 44 казака ¹⁾).

В число нарядов был один специальный весенний, заключавшийся в том, что команды Лейб-казаков под начальством офицеров несли разъезды в ночное время по Васильевскому острову, Петербургской и Выборгской сторонам, причем им вменялось в обязанность не допускать публику в ожидании вскрытия Невы переправляться по льду. Команды эти там и располагались по обывательским квартирам. Подобные наряды сильно отвлекали казаков от строевых занятий да и по трудности службы утомляли полк, а в особенности конский состав, ибо почти треть полка была постоянно в расход, — так например 1-го Апреля 1810 года в этом наряде значилось 3 офицера, 12 унтер-офицеров и 76 казаков.

При всем служебном усердии Лейб-казаков, не обходилось и без неприятностей, так: «господин генерал-лейтенант и кавалер Уваров, вследствие предписания к нему от Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, в повелении своем далъ знать, что находящагося при Его Высочествѣ для посылокъ Лейб-гвардіи Казачьяго полка унтер-офицера Соскова, за неисполненіе своей должности, разжаловалъ въ рядовые»; но вскорѣ, «за усердіе и доброе поведеніе, Сосковъ снова произведенъ въ унтер-офицерскій чинъ и, чтобы въ формулярномъ спискѣ объ его разжалованіи не упоминать ²⁾»).

В это время в виду принятой Россіею по соглашенію съ Наполеономъ континентальной системы, отношенія наши съ Англіею настолько обострились, что ожидалась высадка англійскаго десанта на Финскомъ побережьѣ. И вотъ, едва оправившись отъ предыдущаго похода, Лейб-казакамъ снова пришлось собираться на охрану береговъ Финскаго залива.

Назначеніе Лейб-казаковъ послѣдовало согласно слѣдующаго отношенія военнаго министра Барклая-де-Толли морскому министру:

«Маркизу Траверсе. 4 Марта 1810 года.

М. г. мой, маркизь Иванъ Ивановичъ. На два почтеннѣйшія отношенія вашего высокопр-ства за № 329 и 347, честь имѣю увѣдомить: оборона береговъ нашихъ отъ границъ съ Пруссіею до устья р. Луги всемилостивѣйше поручена Государемъ Императоромъ г. ген.-лейт. гр. Витгенштейну, который будетъ командовать особымъ корпусомъ войскъ, составленнымъ изъ 5-й и 14-й дивизій. Для обороны же береговъ по Финскому заливу отъ устья р. Луги до старыхъ границъ Финляндіи предназначаются, по Высочайшему повелѣнію, нижеозначаемыя войска: отъ Луги до Керкова — 2 эск. Л.-Казачьяго п., на Красную горку — 1 бат. Кексгольмскаго

¹⁾ Арх. полка, исход. журн. 1809 г. 30-го Ноября, расписка корнета Хрещатицкаго, № 495.

²⁾ Арх. полка, исх. журналъ 1809 года, предписанія гр. Орлова-Денисова командиру эскадрона «господину полковнику и кавалеру» Эльмурзину за №№ 282 и 382.